

Аннотация к книге "Право первой ночи для Лорда Тьмы"

В разоренной врагом стране нет места личному счастью. Еще утром я готовилась к свадьбе с любимым, а к ночи готова убить себя, чтобы не достаться проклятому Лорду Тьмы. Только и этого сделать не вправе, иначе пострадают мои родные. Но я так просто не сдамся, Лорд сильно пожалеет, что воспользовался Правом первой ночи. Бытовые маги не так безобидны, как это кажется на первый взгляд.

Право первой ночи для Лорда Тьмы

Ольга Коротаева

Пролог

Чувствую тычок в спину и съёживаюсь от неприязни и страха. Сказать в ответ ничего не могу, как и другие девушки, которых ведут, как скот, по широкому пустому коридору. На голых стенах скачут солнечные зайчики, в узкие окна без стёкол дует холодный ветер, под туфельками хрустит песок. Слышны тягостные вздохи, сдержанные всхлипы.

За мою руку держится самая младшая из нас. Я ощущаю, как дрожит несчастная, но даже утешить её не в силах. Никому не сбежать, но девушки упрямо жмутся ко мне, надеясь на мои способности. Увы, я такая же игрушка ненавистному врагу, как и они. Моя магия против силы воинов всё равно что роза против острого меча.

Перед высокой дверью, изготовленной из тяжёлого бука, нас останавливают. Девушки тут же сбиваются в кучку за моей спиной, будто пытаются отсрочить страшный момент. Что нас ждёт внутри? Ничего хорошего.

Мужчина в доспехах, надетых на чёрные безликие одежды, стучит в дверь и, услышав разрешение войти, открывает её. Двое провожатых следуют по пятам, бесцеремонно поторапливают и расставляют руки, загоняя нас внутрь, будто овец.

— Девушки прибыли, мой лорд! — громко и подобоострастно объявляет тот, кто ещё несколько минут назад придирчиво и внимательно осматривал каждую из нас.

До сих пор помню противные прикосновения его жёстких рук к бёдрам и груди. Гад! Не артефакты он искал, а банально ощупывал нас в самых интимных местах. Но перед тем, что ждёт нас впереди, это пустяки. Мелкая неприятность перед страшным позором.

Двери закрываются, отсекая от нас бессердечных стражей, но девушки не вздыхают с облегчением. Как и я, они затаивают дыхание и не моргая глядят на двух мужчин. Один из них, восседая на единственном диване, покачивает серебряным кубком работы киннетийских мастеров и с ленивым интересом рассматривает нас. На лорде сюртук из дорогого сукна глубокого изумрудного оттенка, облегающие брюки, которые подчёркивают развитую мускулатуру его ног, а сапоги... Кажется, они из настоящей кожи василиска.

Только сильнейшие лорды Тьмы носят такие. Неужели это тот самый лорд, который потребовал от невест Гельерии право первой ночи? Узурпатор вверг вельеров в шок, установив чудовищные правила после того, как поработил наши земли. Лорд Тьмы, который теперь будет от его имени править в нашей велье, получает каждую из молодых жён до мужа.

Судя по сальному взгляду, этот лорд перепробует всех. И начнёт с Лизии, которой не повезло обладать особенно привлекательной внешностью. А ещё он часто посматривает на меня...

Сглотнув подкативший к горлу ком, перевожу взгляд на второго, и спину прошибает холодный пот. Кажется, этому лорду нет дела до стайки перепуганных девиц, что столпились у дверей. Не поднимая головы, он записывает что-то на белоснежном пергаменте так быстро, что большое пушистое перо беспрестанно подрагивает в его руке.

На мужчине только светлая рубаха, остального мне не видно, потому что он сидит, но я уверена, что сапоги у него изготовлены из кожи синего, самого опасного, василиска. Потому что от лорда исходит такая угнетающая магическая аура, что сжимаются внутренности и сердце пропускает удар каждый раз, когда он двигается.

Я не хочу, чтобы он поднял глаза, в животе будто проволока закручивается при мысли, что лорд посмотрит на меня. Милосердная Гетта, молю, пусть лордом наших земель окажется светловолосый сластолюбец, что попивает вино на диване, а не могущественный брюнет, от вида которого хочется бежать без оглядки, не останавливаясь до родного Лувирина. Запереться в подвалах родового замка, пусть даже лорды Тьмы спялят его дотла...

Но я не могу так поступить, от моего послушания зависит слишком многое. Не только судьба больного отца и благополучие младшей сестры, но и судьбы всех этих девушек. А ещё уверенность в завтрашнем дне наших подданных... То есть тех людей, что ещё не так давно были нашими подданными. Теперь мы все в жёсткой хватке бессердечных лордов Тьмы, чья чёрная магия прокатилась по некогда цветущей земле и погубила десятки тысяч жизней.

Ненависть растёт в груди чёрным комом, сметает страх, заставляет распрямлять спину и выше поднимать подбородок. Да, Тьма победила, но не сломила нас! И не сделает этого впредь.

Хватаясь за злость, которая помогает не дрожать перед лордами, я сжимаю пальцы в кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Игнорирую панику в зародыше. Нельзя падать духом! В любом случае я среди невест, которых забрали прямо с праздника Милосердной Гетты, единственный маг и должна заботиться о своих подданных в любой ситуации. Даже самой чудовищной.

— Вирг, — отпив из бокала, наконец нарушает звенящую тишину восседающий на диване лорд, — зачем тебе столько?

Тот будто не слышит, отвечает резко:

— Передай это донесение князю.

Сильный и глубокий голос bruneta вызывает у меня спол мурашек по всему телу. Мужчина откладывает перо и, встряхнув свиток, резко поднимается. Я не хочу видеть его лица, но и взгляда отвести не в силах. Длинные волосы цвета воронова крыла собраны в хвост, открывая высокий лоб. Прямой нос и твёрдые, сурово поджатые губы, квадратный подбородок с заметной щетиной. Последнее усиливает неприязнь: знатные вельеры Гельерии не позволяют себе показываться на людях в таком неопрятном виде.

Не позволяли...

Всё в лорде вызывает гнев и осуждение. Истинный северянин, не знающий слово «приличие». Ненавижу его распахнутую рубашку, обнажающую мускулистую грудь. Его мятые брюки и нечищенные сапоги... Да, они действительно синие!

Я поднимаю взгляд, возвращая его к лицу противного лорда, и вздрагиваю, замечая, что он смотрит в нашу сторону... Кажется, что прямо на меня. В тёмных, как сама ночь, глазах мелькает странное выражение. Холодею при мысли, что для мужчины, возможно, не осталось загадкой моё отношение к его внешнему виду. Да и к нему тоже. Но лишь сильнее выпрямляюсь и гордо отворачиваюсь.

— И всё же, — блондин, дождавшись, когда лорд поставит печать, слащаво улыбается, — неужели ты сможешь один осчастливить столько красавиц?

— Сомневаешься в моих возможностях? — Тон bruneta холодеет так, что моя кожа покрывается пупырышками. — Или предлагаешь свою помощь?

— Зогг с тобой, — смеётся тот. — Я лишь прошу поделиться. Не уступишь мне одну на эту ночь? Вон ту пышногрудую? Или ту, что прожигает тебя презрительным взглядом? Обожаю укрощать строптивых гельериек. Эта, судя по всему, из семьи магов. Может, и сама обладает некой силой. Ум... будет забавно! Договорились?

Лорд Тьмы снова смотрит на меня, я чувствую его взгляд так, будто он прикасается ко мне рукой. И от этого растёт чувство омерзения и ярости. Не знаю, как смогу пережить ночь с ним, от одной мысли начинает тошнить, а перед глазами темнеет. Гетта, за что ты так со мной?

— Нет, — сухо отвечает лорд. — Если хочешь право первой ночи, проси у князя выделить тебе велью.

— Это скучно, — морщится его собеседник. Снова мазнув по груди Лизии масляным взглядом, он ехидно щурится. — Помимо удовольствия, это принесёт столько забот! Лучше я останусь при князе. Там не так много девственниц, зато они не мечтают перерезать любовнику горло.

— Ты видел всё своими глазами, Ширигет, — не обращая внимания на его слова, кивает на нас Вирг. — Князь прислал тебя за отчётом, но больше моих уверений его заинтересует то, что ты видел своими глазами. Ни один из вельеров порученной мне вельи не отказал своему лорду в праве первой ночи. Моя власть не подвергается сомнению!

— Ах, какой удобный у гельерийцев обычай, — пропустив мимо ушей слова bruneta, Ширигет обмахивается кружевным платочком, — выдавать девиц замуж один раз в год! Такой цветник сразу! — И добавляет с саркастичной усмешкой: — Зато потом целый год воздержания? Так и есть, ведь по доброй воле никто не согреет твою постель. Может, прислать тебе парочку норзиек?

— Тебе нужнее, — парирует Вирг. — Раз ты не берёшь велью, князь отправит тебя в поход. — Уголок его рта дёргается. — На поле боя никто не согреет тебе постель. — И он добавляет безэмоционально: — Не смею задерживать, Ширигет. У тебя, как и у меня, много дел.

— Только дела у нас разные, — печально вздыхает блондин и снова бросает на нас тоскливый взгляд кота, которому приходится уходить от клетки с мышами. — Мои не столь приятны.

Проходя мимо, он щипает Лизию за грудь, и девушка вскрикивает, а я едва сдерживаюсь, чтобы не склеить магией его зогговы сапоги из дорогушей кожи василиска. Вот бы полюбоваться, как этот напыщенный петух рухнет в пол своим идеально прямым носом! Вот только шагает лорд слишком быстро, а для магии нужно время и концентрация.

Может, и хорошо, что нет возможности поддаться эмоциям, — после такой выходки я сама рискую разделить участь невезучего ползающего существа, а мне надо позаботиться о девушках.

Только как это сделать?

— Увести их! — приказывает Вирг стражникам и, остановив на мне тяжёлый пронизывающий взгляд, добавляет: — Эту ко мне в спальню.

Глава 1

День свадьбы...

Надеваю плащ поверх роскошного белоснежного платья и бегу по ступенькам вниз.

— Орелия, — спешит за мной нянюшка, — у тебя же свадьба!

— А у них вот-вот случится беда, — кричу, не останавливаясь.

— Мариска могла и соврать! Если всё настолько плохо, кузнец обратился бы к вельеру.

— Сама знаешь, к нему идут с проблемой, а не с подозрением. Я быстро проверю и вернусь...

— Волосы растреплются! — причитает она. — Платье испачкаешь!

— Мина, — замираю у двери и улыбаюсь той, что меня вырастила и почти заменила мать. — Я же маг. Что я, с причёской не справлюсь?

— Нехорошо! — Она поджимает губы и качает головой. — Девица перед свадьбой должна замирать в счастливом предвкушении, а не чинить полугнилую кокошу!

— Можно я в счастливом предвкушении почию кокошу? — смеюсь я и выскакиваю во внутренний дворик.

Так, конечно, дольше, но зато не наткнушь на отца. Он точно не позволит мне в день благословения милосердной богини Гетты идти в деревню. Поэтому дочь кузнеца и проскользнула ко мне тайком. Я крадучись пробираюсь к воротам, за которыми меня ждёт Мариска.

— Почему раньше не пришла? — спрашиваю, пока идём в деревню. — Зачем тянуть до последнего? Мне не трудно посмотреть, что там на самом деле.

— Батяка не велел, — потупляется. — Говорил, нельзя вас до дня благословения беспокоить.

— Будто он потом бы разрешил, — фыркаю я и невольно краснею при мысли о первой брачной ночи и других последующих за ней.

Сердце начинает быстро биться, и затылок сжимает лёд страха. Нянюшка не раз рассказывала, как положено вести себя вельере после замужества, но это не успокаивало. Я ждала перемен и ужасалась им. И сейчас, когда наступил тот самый день, не могла найти себе места.

— ...А сегодня утром пол покачнулся, — заканчивает девушка, и я вздрагиваю.

— Всё настолько плохо?

Мрачно. Возможно, моих сил не хватит. Но у батюшки каждый день расписан по минутам, и дела все важные и срочные. А что, если кузнец уже обращался к вельеру, а Мариска не знает? Если так, то отец уже проверил крепость основания. Раз помощь до сих пор не оказана, либо легче снести дом, чем пытаться спасти, либо...

Конечно! У других всё обстоит ещё хуже. И это правда. Замок ещё более-менее в неплохом состоянии, но деревушки вблизи Лувирина совсем пришли в упадок. Про те, что дальше дня пути на лошади, думать без содрогания не получается. Отец посвящает два-три дня в неделю только им, пропадая до утра. И это при его проблемном здоровье. С войны вельер вернулся калекой. Но он хотя бы вернулся...

Все беды из-за жестоких норзийцев!

— Батька, я Орелию привела! — со всей мочи кричит Мариска.

— Что?! — Кузнец выскакивает из кузни, объятый дымом, как демон из преисподней. Лицо красное, глаза навывкате, клочковатая борода трясётся. — Зогг тебя побери, девка дурная! Сегодня же день благословения милосердной Гетты! О нет! — Заметив под накидкой белоснежное платье, он валится на колени, молот летит в пыль. — Помилуйте, вельера! Меня ваш отец на гвозди для подков пустит, если узнает...

— Не узнает, — осаживаю я и хитро улыбаюсь. — И о гвоздиках не мечтай. Ты единственный толковый кузнец на тысячу миль вокруг. Я не понимаю, почему ты так легкомысленно относишься к своему дому. Это же и кузня! Мариска сказала, у вас пол ходуном ходит. Неужели ты не обратился к отцу?

— Я хотел, но... — Кузнец, замечая, как я поджимаю губы, торопливо бормочет. — Решил попросить заехать, как будет время. Подумаешь, пол дрогнул разок...

— Я посмотрю. — Обхожу дом, присматриваясь к основанию. Выпустив мерцающий маячок, безошибочно определяю самое опасное место. — Нашла. Кажется, всё не так плохо... Пока. Так, так... Моих сил точно хватит.

— Но вельера, — пытается возразить кузнец, — это опасно и...

— Дай молоток, — требую.

— Зачем? — моргает он, но протягивает огромный инструмент.

Едва не падаю, ощутив его тяжесть. Понимая, что не удержу, прошу положить в основание дома, ближе к кокору. Сотворить нечто из ничего невозможно. Но из одного предмета, применив магию, можно сделать другой. Или совместить два, влив материю из нового в старое... Это я и собиралась сделать.

Освободив руки, сосредотачиваюсь на течении силы в металле. Хочется выстроить точную схему магического воздействия. Ювелирная работа, которая не гарантирует результата, ведь мне нужно укрепить сгнившее бревно частью корня, и железо тут подействует лучше всего. Создаю потоки сцепления, а затем закрепляю к уцелевшим волокнам древесины.

— Кажется, получилось, — покачнувшись, устало выдыхаю я.

— С вами всё в порядке? — поддерживает меня под руку кузнец.

— Батька, а дом всё ещё накрёнён, — обиженно произносит Мариска.

— Конечно накрёнён, дурёха! — вздыхает он. — Чтобы его полностью восстановить, нужно десяток магов высшей бытовой квалификации. Где их сейчас отыскать? Кто на войне погиб, кого проклятущие норзийцы угнали. Только нашего вельера не тронули, потому что калека. Наверное... У-у, гады черноглазые! Тронь они Фанара или его дочерей, народ бы поднял последние вилы!

Кузнец, тяжело дыша, отворачивается, а дочка его смотрит на меня с восторгом ребёнка, которому посчастливилось увидеть фокус.

— Значит, дом будет стоять, пусть и кривенько?

— Только вам придётся пожить день-другой у соседей, — преодолевая дурноту, предупреждаю я. Всё же сил потребовалось больше, чем я думала. — Чтобы магия прирослась. Всё же это одна из основных кокор.

О том, что я успела в последнюю минуту и дом вот-вот бы развалился, я умалчиваю. Девушка бы разволновалась — вряд ли кузнец уцелел бы в обрушившейся кузнице.

Дурнота отходит, но всё же я понимаю, что потратила много сил. Хорошо, что сегодня от меня требуется только сказать «Да» и потом несколько часов сидеть за праздничным столом и улыбаться.

— Вельера, — осторожно зовёт мужчина, — верните, пожалуйста, молот. Ваш отец просил подковы сегодня до церемонии поменять...

— Ой, — прижимаю ладонь к губам.

Молотка уже нет, и вернуть его из бревна я не в силах. Как и кузнец не в силах закончить задание вельера. Я совсем забыла, что наша кобыла вернулась хромой из очередной поездки по деревням. Похоже, нам придётся идти к месту церемонии пешком...

Кузнец хватается за голову, Мариска с интересом разглядывает дом. Я же собираюсь с силами,

чтобы выполнить данное нянюшке обещание и быстро вернуться в замок. Мне ещё нужно привести волосы и платье в порядок. И пусть на это требуется не так много сил, как на укрепление гнилой коры, всё же хоть какие-то нужны.

Но больше усилий потребуется для того, чтобы объяснить отцу, почему кобыла до сих пор хромает.

— Орелия!

Суровый окрик заставляет меня сжаться от ужаса. Медленно поворачиваюсь и встречаюсь взглядом с отцом. Холодея, подыскиваю слова для оправдания поступка, который наверняка кажется ему безрассудным. Да, повозкой теперь не воспользоваться, но не вмешайся я, произошла бы беда. Как бы это сказать, не напугав впечатлительную Мариску?

— Отец, я...

— Прибыли стражи лорда Тьмы, — с непроницаемым лицом говорит отец, и к горлу подкатывает ком.

Не оттого, что в замок ввалились проклятые завоеватели, а потому что подобное выражение у отца было только один раз — когда мы узнали о гибели моего старшего и единственного брата. Становится нечем дышать, ощущение неотвратимой катастрофы леденит кровь. Я смотрю на вельера, а реальность будто расползается перед глазами.

— Зачем они здесь?

Глава 2

— Я не знаю, Валедия, — отвечаю так, как недавно мне отец.

— Должны же они были сказать цель своего прибытия? — не отступает сестра.

Она нервно подсакивает с кровати и приближается ко мне со спины. В зеркале я вижу её горящие любопытством карие глаза и не сдерживаю вздоха.

— Они ничего и никогда не объясняют, милая.

— Норзийцы вправе заходить в любой дом, вельера, — весело щебечет молоденькая служанка, которая помогает мне привести платье в порядок. — Делать, что вздумается, и брать, что захочется. Теперь они здесь хозяйева...

— Нет, — обрываю её и гляжу строго. — Не хозяйева, а завоеватели. Хозяйева не будут разорять подданных и не станут выжигать посевы. Вельеры заботились о людях, которые им служили. Норзийцы приносят только боль, горе и голод.

— Истинные северяне, — согласно кивая, вновь щебечет служанка. — Слава милосердной Гетте, до Лувирина войны не дошли, а вот что творили в соседнем Ройепине... страшно подумать! Когда штурмом взяли замок, они всех женщин, даже девочек постарше...

— Куфиска! — вскакивая с места, возмущаюсь я. Убедившись, что служанка замолчала, взволнованно смотрю на свою пятнадцатилетнюю сестрёнку. — Не слушай досужие сплетни, милая. Но знай, что норзийцы очень опасны, даже обычные стражники. Пусть они не обладают магией лордов Тьмы, но стоит вести себя крайне осторожно. А лучше держаться как можно дальше.

Перевожу взгляд на непривычно притихшую служанку. Та по-прежнему сидит на полу и тоскливо смотрит на подол моего платья. Неужели обижается на мою резкость?

— Что с лицом, Куфиска? — мягче спрашиваю я. — Пойми, лучше рассказывать то, о чём ты точно знаешь, чем пересказывать страшные сказки. Да, многим во время войны пришлось перенести жуткие события, но многие из подданных покойного вельера Ройепина сейчас живут в нашей велье. Как и его вдова с дочерьми. Вряд ли им понравится, что ходят подобные слухи...

— Платье, — всхлипывает служанка и показывает на подол, где часть кружева порвана. — Оно пострадало, когда вы вскочили... — Шмыгает красным носом и поднимает голову. В широко распахнутых глазах ужас и жалость. — Плохая примета, вельера. Очень плохая примета!

— Чушь, — фыркаю я и, протянув руку, прошу у сестрёнки: — Дай свой платочек, пожалуйста.

— Ой, а можно я? — тут же оживляется она и складывает ладони в умоляющем жесте: — Ну, пожалуйста!

— Чтобы ты оставила меня без одежды? — усмехаюсь я, ничуть не сомневаясь в «способностях» сестры. — Отец запретил тебе применять магию без своего разрешения. — И поворачиваюсь к

Куфиске. — Снимай передник. Будем чинить платье!

Валедия и не думает обижаться. Сестрёнка двигается ближе, чтобы наблюдать процесс восстановления кружева. Глаза её горят восторгом, рот приоткрывается — всё же зрелище это не каждодневное. Если уж применять силу — так во благо своего народа. Но сегодня я могу немного отойти от этого правила.

— Оно не новое, ещё нашей матери, — рассматривая разрыв, поясняю я. — Нянюшка нашла рулон в одном из сундуков на чердаке и перешила.

— Красиво, — восторгается Валедия и хмурит тонкие брови: — Сестра, рисунок очень сложный... Я даже не видела ничего подобного. Это сделали ещё до войны?

— Да, — киваю, рассчитывая свои силы, которых осталось крайне мало после истории с домиком кузнеца. Надеюсь, что их хватит, чтобы починить платье. — Его изготовили лучшие мастера из очень далёкой страны, которая называлась Еснолия. Она пала первой, когда северяне начали наступление. Увы, свои секреты мастера хранили рьяно и передавали из поколения в поколение. Тайны изготовления канули вместе с островом, который разрушила чудовищная магия лордов Тьмы.

— А когда ты используешь передник Куфиски? — торопится сестра. — Может, всё же помочь? Кажется, ты вымотана...

— Не мешай, — смеюсь я. — Здесь не надо много магии, больше зависит от правильно поставленного рисунка. Мне нужно выстроить очень тонкие линии силы в разрывах так, как было задумано мастером. И тогда уже нити передника пойдут в ход. Ведь ты знаешь, что...

— Ничего нельзя создать из пустоты, — заканчивает она скучающим тоном и снова оживляется. — Покажи, как ты это делаешь!

— Ну хорошо, — вздыхаю, ведь на визуализацию требуется сил больше, чем на исполнение, но как можно отказать любимой сестрёнке? — Смотри...

Дружный «Ах!» знаменует окончание моей работы. Я довольно улыбаюсь, пока Валедия придирчиво рассматривает полученное кружево.

— Я не вижу разницы. Орелия, ты уникальный маг!

— Не такой уникальный, — качаю головой. — Любой еснолийский мастер заметит разницу...

— Даже я её вижу, — бурчит служанка и обвиняюще указывает на починенный мною кусок: — Он темнее, будто грязный... Ай! — Краснея, прижимает ладони к щекам. — Вельера, простите! Сегодня я не постирала передник. Плохая примета...

Раздаётся стук в дверь.

— Орелия, вельер... Кхе! Попросил проводить вас через нижние помещения. В гостиной расположились стражи, и они не желают удаляться в отведённые им комнаты.

— Хорошо, Неклит, — отвечаю, поднимаясь. Ловлю тревогу во взгляде сестры и мягко улыбаюсь: — Не волнуйся, это лишь предосторожность. Отец не желает, чтобы стражи испортили церемонию в честь милосердной Гетты своим присутствием. Увидимся позже, на празднике.

Целую сестру и выскальзываю из своей комнаты. В замке темно — наверное, отец приказал погасить все фэйрелы, чтобы я смогла выскользнуть из Лувирина незамеченной.

Внезапно ощущаю жёсткую ладонь на лице и рывок за талию.

Глава 3

От страха немеет лицо, живот сводит льдом. Хочу кричать, но жёсткая ладонь сжимает рот, в уши врезается шёпот:

— Это я, любовь моя!

Едва не рыдаю от облегчения, расслабляюсь в сильных объятиях жениха, и он убирает руку. Разворачивает к себе, и в полутьме я вижу его блестящие глаза и различаю улыбку. Сартен тянется ко мне, желая поцеловать, но я отталкиваю его и возмущаюсь:

— Зачем так пугать? Я чуть сознание не потеряла! В Лувирине стражи лорда Тьмы, и я подумала...

— Тише, тише, — прижимает он меня к сильному плечу. — Прости, я лишь хотел тебя увидеть.

— Так скоро увиделись бы, — прощая его нетерпение, улыбаюсь. — Осталось не больше часа до церемонии!

Он обхватывает моё лицо тёплыми ладонями, и я не могу оторвать взгляда от светящихся счастьем глаз любимого. Сартен прижимается нежными губами к моему лбу, шепчет:

— Это целая вечность, моя Орелия! — Целует мои веки, приближается к губам, приговаривая: — Моя вельера, будущая милая жёнушка...

Таю в кольце его рук от осторожных прикосновений, чарующих слов. Отвечаю на ласку, позволяя поцелую затянуться. Ведь до церемонии почти час! Можно минутку постоять вот так, ощущая себя самой счастливой девушкой на свете, за минуту до особого знаменательного события в жизни каждой вельеры...

Ощув ладонь жениха на своей груди, вздрагиваю и пытаюсь вырваться. До сих пор Сартен не позволял себе заходить дальше поцелуев, но сегодня необычно настойчив.

— Мы вот-вот станем самыми родными друг другу людьми. — Его горячий шёпот обжигает сильнее огня, заставляет щёки пылать от стыда... и любопытного желания. — Жду не дождусь сегодняшней ночи. Ты же понимаешь, о чём я?

Задирает мне подол, и я ойкаю. Испуганно оглядываюсь, ведь я шла за Неклитом. Слуга наверняка уже заметил мою пропажу и ищет. Но Сартен сжимает объятия сильнее, тихо смеётся:

— Здесь никого, любовь моя. Это я подкупил слугу, чтобы привёл тебя.

Эйфория от ласк его рук мгновенно тает, в груди ёкает. Мы здесь одни! Файрелы погашены, и никто не знает, что я с этой части замка. Осторожно выпутываюсь из объятий жениха, отступаю.

— Мне пора идти, Сартен. Отец ждёт. Увидимся на церемонии...

— Я тебя отвезу, — снова насаждает он. — Слышал, из-за тебя ваша кобыла хромает.

— Откуда знаешь? — изумляюсь я и тут же пытаюсь оправдаться: — Моя вина, но отец наверняка уже укрепил старые подковы магией. К тому же по традиции мы должны прибыть в храм по отдельности.

— Я сам предложил Фанару привезти тебя, — вжимая меня своим телом в стену, почти рычит он, — и вельер согласился. У нас есть мало времени, Орелия... Позволь же мне немного приласкать тебя!

И снова задирает платье, закрывая мне рот жарким поцелуем, будто не желая слышать возражений. Я пытаюсь вырваться, сердце стучит как бешеное, а мысли прыгают перепуганными птахами.

Как Сартен узнал о том, что я сбежала в деревню, чтобы помочь кузнецу? Замок моего жениха высоко на скале, и даже чтобы спуститься, нужно не меньше нескольких часов. Никто бы не успел доскакать до Айсуга так быстро. Значит, молодой вельер остановился в нашей таверне. Но почему не сказал об этом? Зачем платить слуге, чтобы увидеться тайком перед церемонией?

— Я сделаю это быстро, девочка моя, — хрипло говорит Сартен, развязывая одной рукой тесёмки на брюках.

Ощув прикосновение другой его руки под юбкой, я едва сдерживаю вскрик. Спина холодеет от понимания, зачем мой будущий муж всё это затеял. Отталкиваю его и хмурюсь:

— Решил лишить меня девственности до церемонии? В замке моего отца?!

От осознания того, что происходит, и возмущения даже стыдливость растворяется. Отряхиваю платье, ощущая себя так, будто испачкалась.

— Это всё равно случится, — придерживая брюки, злится мужчина, — мы почти женаты! Орелия, умоляю... — Тут же меняет тон на ласковый: — Обещаю, тебе не будет больно.

— Вот уж никак не могла предположить, — едва сдерживаю горечь обиды, которая так и звенит в голосе, — что мужчина, которого я люблю, сделает из первой брачной ночи посмешище.

— Посмешище? — Лицо Сартена на миг некрасиво искажается от гнева. — Орелия, ты моя жена и должна слушаться своего вельера! Или ты хочешь начать наш брак с ссоры?

— Я не хочу начать его с унижения, — призывая самообладание, терпеливо поясняю я.

— Я люблю тебя и хочу! — вскрикивает он и резкими движениями завязывает тесёмку на брюках. — Что в этом унижительного?

— То, что ты хочешь овладеть мной чуть ли не в подворотне ещё до церемонии, по-твоему, уважительное отношение? — сдерживая слёзы, шепчу я. — Это и есть любовь? Нянюшка рассказывала, что мужчина должен быть нежен и терпелив. Я ждала цветов на постели, осторожных ласк и...

— Не будет этого! — сердито прерывает он, и я отшатываюсь в ещё большем изумлении.

Всё не так. Я не узнаю своего любимого. Мой Сартен никогда не вёл себя как грубиян. Дрожа всем телом, прижимаюсь спиной к стене и впервые думаю о том, что, может быть, зря так скоро согласилась на брак. Да, он выгоден жителям ослабленного долгой войной Лувирина. Поддержка отца моего жениха поможет пережить наступающую зиму, а мы с Сартеном получили бы часть вельи Айсуга.

Этот союз не только выгоден, между нами возникли настоящие чувства! Так мне казалось... Но сейчас я будто смотрю на совершенно незнакомого мужчину с лицом, которое знаю наизусть. На вельера, который желает обесчестить невесту до церемонии...

По щеке скользят солёные капли, губы немеют, ноги дрожат и подкашиваются.

— Ты прав, — принимаю горькое решение. — Не будет. Я поговорю с отцом... Думаю, нам стоит отложить свадьбу.

Сартен вдруг вздыхает, с лица его исчезает незнакомое мне жёсткое выражение, я снова вижу своего любимого.

— Прости, — порывисто обнимает он меня. — Я напугал тебя. Это всё из-за вина! Я встретился в таверне с друзьями, мы засиделись до утра... Только не злись. Я сделаю так, как ты хочешь. Цветы, ласки — всё будет. Клянусь!

Выдыхаю с облегчением. Это лишь минутное помешательство, мой Сартен не такой. Он будет самым прекрасным мужем в Гельерии! С улыбкой вкладываю пальцы в его протянутую ладонь и позволяю вести себя к выходу.

— Вот вы где! — бросается ко мне Куфиска, стоит нам выйти во дворик. — Вельер вас обыскался... — Тут она замечает Сартена и, замерев на миг, бледнеет. — Это же ваш жених. До церемонии?! — Качает головой: — Плохая примета. Очень плохая.

— Лошадь у нас плохая, — ворчу недовольно и улыбаюсь Сартену: — Вельер доведёт меня до храма на своей.

По пути на церемонию я забываю обо всех неприятностях. Сердце замирает от предвкушения перемен, которые вот-вот войдут в мою жизнь.

Глава 4

Аметистовые стены храма в ярких лучах полуденного солнца сверкают так, что кажется, они пылают фиолетовым огнём. В украшенных затейливой резьбой арках, скрывая таинство внутреннего убранства, мерно колышутся полупрозрачные ткани. Будто храм живой и дышит. У меня же, как всегда в этом месте, перехватывает дыхание от восхищения и благоговения.

— Приветствую, Орелия!

Раскинув руки для объятий, ко мне уже направляется верховная жрица. Её белоснежные одежды изящно развеваются, хотя нет даже лёгкого ветерка. Их шевелит течение магии милосердной богини. На высоком чистом лбу высокой стройной женщины сияет золотая вязь — метка Гетты.

— Да посетит тебя благословение светлой богини, дитя.

Я прижимаюсь к худощавому телу верховной жрицы, в который раз жалея, что в двенадцать лет золотистое свечение на моём лбу так и не сложилось в такую же красивую вязь, как у неё.

Отец был очень горд, когда магия милосердной Гетты пробудилась во мне. Надеялся, что старшая дочь станет избранной светлой богиней. За несколько месяцев стало ясно, что я не гожусь в жрицы храма. Но проведённое в храме время я запомню как самое безмятежное в моей жизни. И к жрицам отношусь как к сёстрам... Несостоявшимся, увы.

— Ты снова нарушаешь традиции, — добродушно подтрунивает надо мной женщина. — Приехать на церемонию верхом, наплевав на все приметы, восседая в свадебном платье на луке седла своего жениха. На это могла пойти только ты!

— Жизнь в храме научила меня верить в судьбу, предначертанную милосердной Геттой, — с улыбкой отстраняюсь я и смотрю в её лучистые глаза, — а не в глупые приметы людей. Ты сама это

не раз говорила, Никилия...

Тут порывом невидимого течения магии, которой пропитано всё это место, приподнимает полупрозрачную ткань, и я замечаю внутри храма нескольких девушек в белоснежных нарядах.

— Они тоже на церемонию в честь милосердной Гетты? — искренне изумляюсь я. — Никогда не видела сразу столько невест!

Верховная вздыхает, уголки её правильных губ опускаются, взгляд темнеет от невыраженной боли.

— Норзийцы разрушили большинство храмов Гельерии ради камня, из которого они были возведены. Поэтому в этот благословенный день мне предстоит заключить несколько союзов. Не будем медлить... Слышала, Лувирик кишмя кишит стражами Тьмы. Где северяне — там беда.

Она приглашающим жестом приподнимает ткань, закрывающую вход в арку. На миг всё вокруг темнеет, и я вздрагиваю от внезапного приступа страха. Качаю головой, прогоняя минутное сомнение: всего лишь тучка набежала на солнце. Минута, и ярко-зелёные кусты снова заливают ослепляющим светом.

Вхожу внутрь храма и улыбаюсь другим девушкам. Я всё делаю правильно! Не только ради себя, но и ради наших подданных, которым с каждым годом приходится всё хуже. Союз уроженцев двух замков — наскального и низинного — выгоден всем.

— Орелия! — подбегает ко мне светловолосая Лизия. — Как я рада, что мы снова встретились! Я так скучаю по нашей жизни в храме. А ты?

Обнимаю её, вспоминая, как в отрочестве мы обе мечтали служить Гетте, но ни у подруги, ни у меня метка милосердной богини так и не проявилась. Золотистое свечение со лба Лизии исчезло без следа, лишив её возможного титула вельеры. Моё же переместилось на предплечье.

— Слышала, ты прискакала на церемонию верхом, — обращается ко мне, чуть смущаясь, невысокая хрупкая девушка. — Это очень смело! Вопреки всем приметам...

Кашлянув, она смущённо замолкает, ещё по-детски пухлые щёки наливаются румянцем. Совсем молоденькая, не старше моей Валедии. Удивительно, что её уже выдают замуж, — почти ребёнок! Но, заметив лёгкое свечение на лбу невесты, поджимаю губы. Теперь всё понятно.

Раньше стать жрицей мечтала едва ли не каждая девочка, сейчас же этого страшатся. Не удивительно, что отец крошки поспешил с замужеством, пока метка на лбу дочери не оформилась в золотую вязь служения богине.

— Смелость ни при чём, — ворчит полноватая девушка с густыми каштановыми волосами. Я узнаю эту невесту, помню её усталый взгляд по недавнему визиту в Лувирик. — Вельер Фанар сбил подковы лошади, когда помогал моему отцу возродить плодородность нашей земли. У Орелии выбора не было... Разве что прийти пешком. — Деглия благодарно улыбается, но губы её дрожат, а тёмные глаза наполняются влагой. — Простите.

— Тебе не за что извиняться, — жму её руку. — Всё в порядке.

— Ой, там за алтарём уже мужчины собрались! — подлетает к нам рыженькая веселушка. От возбуждения у девушки даже веснушки ярче горят на лице. — Отцы, братья... наши женихи... — Хватает молоденькую подругу за руку: — Кирина, пошли!

— Нет, — осаждают их брюнетка и учтиво уступает мне дорогу: — Орелия идёт первой, как дочь вельера Лувирика.

— Орелия идёт последняя, — громко поправляет верховная жрица, и я кивком показываю, что поняла. Никилия командует: — Девушки, встаньте одна за другой. Головы опустить, на мужчин не смотреть и не улыбаться. Ведите себя скромно и мысленно просите благословения милосердной Гетты.

Я приближаюсь к Лизии, которая стоит в стороне и нервно сминает тонкими пальцами оборку платья. Я тоже волнуюсь... Уголки губ дрожат, сердце замирает от радостного предвкушения, ладони потеют. Опускаю голову и следую за девушками. Едва мы минуем вторую арку и в полотнах развевающихся от несуществующего ветра белоснежных занавесей показывается алтарь, на миг забываю дышать.

Он прекрасен!

Полностью высеченный из огромного куска прозрачного камня, украшенный сложной и изысканной резьбой, чьи витиеватые узоры заключают послания милосердной Гетты, весь сияет

внутри. Свет разбивается о рисунки, наполняя их радужными отблесками, отчего алтарь кажется совершенно нереальным артефактом.

Но я знаю, что это не так. Перед нами лишь красивый камень, а магией его наполняет сила веры верховной жрицы. На челе этой строгой женщины вспыхивает золотистая вязь, когда она воздевает руки к небу. Мне хочется запрокинуть голову и посмотреть вверх, чтобы снова полюбоваться резным потолком, но я лишь сквозь ресницы наблюдаю за Сартеном. Взгляд его суров, губы поджаты, кадык подёргивается.

С трудом сдерживаю улыбку: наверное, мой жених проникается торжественностью момента. Знаю, что он невероятно хорош собой, и многие мне завидуют. Не говоря о том, что Айсуг — единственный замок, который не сильно пострадал от воинов Тьмы. Его так и не смогли взять штурмом, а товары, которые производят айсугские мастера, пользуются спросом. Лувирину повезло меньше. До нас воины так и не дошли, но из-за наполнивших деревни беженцев вспыхнул голод. А потом снова погиб урожай...

— Орелия!

Вздрагиваю и смотрю на жрицу, которая хмурится и недовольно качает головой. Я прикусываю нижнюю губу, пытаюсь прогнать некстати нахлынувшие слёзы. Не время думать о горе, этот день должен быть наполнен радостью. Нужно сосредоточиться на благословении, поэтому я закрываю глаза и мысленно взываю к светлой богине. Сразу же становится легко на душе, а сердце наполняется невероятным ощущением счастья. Так всегда бывает, когда молишься в храме... Во всяком случае, со мной.

Купаясь в лучах милосердной любви Гетты, я слушаю, как Никилия произносит слова благословения. Первая пара, вторая... Приоткрываю глаза, когда звучит имя Лизии. Подруга детства не сводит пылающего взгляда с коренастого мужчины, который отвечает невесте нежной улыбкой. Никто не усомнится, что они влюблены, и я радуюсь за девушку. На женихе чистый, но простой наряд, что указывает на невысокий статус. Скорее всего, он управляющий частью вельи.

Может, к лучшему, что магия Лизии рассеялась, ведь теперь девушка смогла выбрать мужа по сердцу. Если бы благословение Гетты осталось, то мою подругу детства выдали бы замуж за вельера. А сейчас она светится от счастья, когда верховная жрица надевает на предплечье молодой жены золотистый браслет.

Радуюсь, что муж Лизии достаточно обеспечен, чтобы купить символ брака...

— Орелия! — звенит торжественный голос верховной жрицы, и я выступаю вперёд.

Не поднимая головы, опускаюсь перед алтарём на колени, и Сартен повторяет мои движения. Звучит благословение, и волос моих касается легчайший покров, означающий, что с этого момента наши жизни связаны. Мы будем разделять кров и обязанности вельеров своей земли.

— Поднимитесь, — призывает жрица, и Сартен предлагает мне локоть, на который я опираюсь. Никилия вновь воздевает руки и певуче произносит: — С благословения милосердной богини вельер Сартен, сын Таглора, и вельера Орелия, дочь Фанара, отныне муж и жена.

Плечо жжёт, и я не сдерживаю стон. Мой теперь уже муж поддерживает меня за талию, и я осознаю, что от краткого мига боли шатаюсь. На ресницах дрожат слёзы, но сердце бьётся в восхищении от одной мысли, что вот-вот я увижу вязь благословения светлой богини.

Такая была у моей матери, теперь есть и у меня. Затаив дыхание, смотрю на свою руку и при виде золотистой вязи, которая расцвела на коже предплечья, не сдерживаю восторга:

— Как красиво!

— Теперь твоя магия будет расти, — понимающе улыбается верховная жрица. — Используй её во благо своего народа и родной вельи. Да пребудут с вами процветание и мир, да минуют страдания. Скрепите союз первым супружеским поцелуем...

Поворачиваюсь к мужу и счастливо улыбаюсь в ожидании, когда Сартен впервые поцелует меня при всех...

— Не сиделось им в таверне, — неожиданно слышу взволнованное ворчание. Один из мужчин, чьё лицо украшает окладистая рыжая борода, с ненавистью смотрит в сторону арки. Сквозь тонкую ткань занавеси замечаю тёмные силуэты, и по спине прокатывается ледяная волна страха: стражи! — Налетели, чёрные вороны. Хотят и этот храм разобрать по камушку?

— Не позволю, — звучит суровый голос отца. — Рухнет храм — падёт вера людей в будущее. Лувирин будет лишён души. А без неё всё опустеет.

— Мы не допустим этого, — обещаю я, радуясь, что теперь, когда на предплечье знак благословения богини, моя магия становится сильна и стабильна. Ощущая себя как никогда всемогущей, уверенно заявляю: — В храме находятся три мага. Стражам придётся уйти!

Сартен молчит, но я и так знаю, что муж поддержит нас.

— Мы с дочерью и зятем тоже встанем на защиту храма Лувирин, — выступает вперёд рыжий вельер. — Я не видел в таверне, где мы останавливались перед церемонией, лорда. А с его воронами мы справимся легко.

Сердце ёкает, и я быстро смотрю на мрачного мужа: в таверне?!

В этот миг раздаётся короткий звук разрезаемой ткани и часть занавеси падает к ногам стражей, которые один за другим врываются в храм. Мой отец поднимает руки, готовясь творить магию, его движениям вторит рыжебородый и его дочь. Я тоже шагаю вперёд, ощущая возбуждённое предвкушение перед первой в жизни битвой.

Никилия опускается на колени перед алтарём, оставаясь верной светлой богине. Знаю, что женщина не двинется с места, даже если стражи начнут разбивать камни. Так и гибнут жрицы, отдаваясь служению до самого конца... Не допущу!

— Приказом князя Тьмы, — громко заявляет мужчина с уродливым шрамом на лице, — все молодые жёны немедленно отправляются в Ройепин.

— Зачем? — изумлённо вскрикивает одна из девушек.

— Лорд Вирг требует права первой ночи, — с кривой ухмылкой добавляет страж.

Слова его будто выдёргивают землю из-под ног. Чтобы устоять, хватаюсь за руку рыжеволосой вельеры, а она, дрожа, держится за меня. Обменявшись с девушкой полным паники взглядом, вновь смотрю на жестокого посланника.

— Не бывать этому! — выступает вперёд отец.

Глядя прямо на него, страж выгибает бровь:

— Вельер Фаган, вы отказываетесь исполнить волю своего лорда?

Ладонь его ложится на рукоять меча, и этот простой жест говорит о многом. Если отец не отступит, лорд Тьмы сочтёт это неподчинением. Последствия для Лувирин несложно представить. Как и для всех, кто, лишившись своих замков, осел на наших землях. Прогоним стражей — придут лорды, и тогда на месте деревень останется пустырь...

Тьма не пощадит никого.

Наступает тишина, которая режет слух, будто самый жуткий визг. Всего мгновение, за которым следует лязг металла, звук множества шагов, испуганные вскрики женщин и беспомощное возмущение мужчин. Стражи всё заходят и заходят, окружая молодых жён. Понимаю, что в нашем замке была лишь часть посланников проклятого лорда. Двое, вынув мечи, замирают у коленопреклонённой жрицы.

Затылок сковывает холодом, я словно смотрю в бездонную пропасть, понимая, что ничто не спасёт меня от жуткого падения. Хуже того, я брошусь в неё добровольно, чтобы никто не пострадал.

Кроме меня и других несчастных девушек. Честь нескольких за жизни тысяч...

— Я могу выкупить это право? — неожиданно спрашивает муж рыженькой девушки.

— Тысяча золотых, — кривится страж со шрамом.

Ахаю, а жена молодого вельера испуганно прижимает руку к груди. Да на эти деньги можно прокормить весь Лувирин год! Мужчина бледнеет, но кивает, подтверждая желание заплатить за честь своей супруги. Я с надеждой оборачиваюсь, ища взглядом мужа. Айсуг приносит хороший доход, и вельер Таглор не откажется помочь сыну и своей новообретённой невестке...

Но Сартена нигде не видно, я лишь натываюсь взглядом на своего смертельно бледного отца. Плечи его опущены, кулаки сжаты, но взгляд сосредоточен на главном страже. Понимая, что вельер колдует, задействуя последние силы, я выступаю вперёд. Встав между ним и стражем, смотрю последнему прямо в глаза.

— У нас нет таких денег. Я последую за вами.

Мужчина со шрамом довольно хмыкает и убирает ладонь с рукояти меча.

— Мудрое решение, вельера.

Понимая намёк, сдерживаю гнев и киваю. Страж делает знак двум воинам, что стоят у алтаря, угрожая жизни Никилии, и те опускают оружие.

Мой самый счастливый день обратился кошмаром, и в груди болезненно ноет. Я бросаю последний взгляд на спину коленопреклонённой жрицы и, преодолевая дурноту, шагаю к выходу из храма. Он останется стоять, даруя надежду и веру всем нашим подданным. Отцу. Сестре...

Потому что я прыгаю в пропасть.

Глава 5

Стою около узкого окна и через тусклое, почерневшее от магии северян стекло смотрю в пропасть. Она кажется бездонной и смертоносной, как и предстоящая встреча с лордом Тьмы. Каждый шорох, вызванный сквозняком, любой доносящийся звук заставляет вздрагивать и оборачиваться в ожидании него...

Прошло не менее часа после того, как жестокий стражник с жутким шрамом на лице втолкнул меня в эту комнату, но Вирг так и не появился. Нервы натянуты, как струны лютни моей сестры, и кажется, что я вот-вот сорвусь на крик. В груди заворачивается чудовищный вихрь ледяного ужаса и адски жаркой ярости.

Я его ударю, пусть только попробует дотронуться до меня! Из приоткрытого рта вырывается стон. Что сделаю? Он — не знающий жалости воин, а я — слабая девушка... Бытовая магия против боевой мощи северян? Смех, да и только... сквозь рыдания.

В голову упрямо лезут жуткие истории, которые так любят пересказывать друг другу служанки. Эти страшные сказки о том, что происходило в Ройепине, выжимают из лёгких воздух, заставляют каменеть тело. Бесплезно умолять о пощаде, напрасно звать к чести...

Чести?! О жестокости норзийцев не слышал лишь глухой. Сердце ноет при одном воспоминании о погибшем брате. Пальцы дрожат при мысли о раненом отце. Ненависть вновь поднимается во мне и затапливает чёрной волной.

Я скольжу пытливым взглядом по скудной обстановке комнаты. Широкая кровать без матраса устлана звериными шкурами, в погасшем камине тлеют угли, рядом валяется чёрная кочерга. Внимание привлекает острое на её конце. Если притаиться сбоку от двери и ударить лорда сразу, как тот сунется, то...

Перед внутренним взором возникают картинки окровавленного тела, вбегающих стражей, моей казни... после того, что сделают со мной воины, лишившиеся своего лорда. Что тогда будет с девушками? И с моей семьёй? Со стоном прижимаю ледяные ладони к пылающему лицу и падаю на колени. Пол холодный, но дрожу я не от этого. Силы медленно утекают из меня, оставляя лишь опустошённость и ощущение полного бессилия.

Когда скрипнула дверь, я едва могу шевельнуться — так вымотало меня ожидание жуткой участи. Слышу тяжёлые шаги, но головы не поднимаю. В наступившей тишине звякает железо, раздаётся шипение перемешиваемых углей, стук забрасываемых в камин поленьев и жадный треск возродившегося огня. Камень пола, на который я смотрю, лижет тень.

Лорд не спешит, а я настолько выжата ожиданием и ужасом, что не ощущаю ни капли страха. Лишь пустоту и холод...

Неожиданно на плечи ложится нечто большое и тёплое, но я даже не вздрагиваю. Чувствую острый запах соли, мускуса и кожи. Лорд накрыл меня звериной шкурой? Проявление неожиданной заботы обескураживает, и я поднимаю лицо. Может, пришёл вовсе не лорд? Сталкиваюсь взглядом с Виргом и растерянно моргаю.

— Вы не торопились, — вырывается прежде, чем успеваю прикусить язык.

— Вас это огорчило, вельера?

Его глубокий голос, пронизанный льдом сарказма, бьёт сильнее хлыста, и я снова дрожу. Но при этом меня охватывает злость, которая греет сильнее огня и покрывала.

— Меня огорчило, — цежу я слова, — что вы всё же пришли.

Он приподнимает бровь и смотрит на меня сверху вниз так, словно перед ним жалкая нищенка.

— Если вас это так расстроило, то почему упрямо ожидали меня?

— Вы приказали меня привести сюда! — всхливаю я и, вскочив, сжимаю кулаки. — Не говорите, что мне было бы позволено покинуть это гадкое место!

Он пожимает плечами и, развернувшись, идёт к кровати.

— Это гадкое место — моя спальня. — На ходу лорд снимает рубашку, и в следующее мгновение она летит на пол. — Вы можете покинуть её в любое время. Как и мой замок.

Я заворожено смотрю на широкую мужскую спину и ловлю ртом воздух. Под тёмной, покрытой множеством шрамов, кожей при каждом движении лорда перекачиваются тугие мышцы. От осознания того, что случилось бы, напади я на этого сильного воина с кочергой, сердце пропускает удар. Мне и замахнуться бы не позволили!

Но когда на пол падают и брюки, я ойкаю и, поспешно отворачиваясь, прижимаю ладони к пылающим щекам. Вирг не носит белья, и увиденное яркой смущающей картиной стоит у меня перед глазами.

— Вы всё ещё здесь? — доносится обманчиво ленивый голос лорда. Будто сытый хищник играет с добычей. — Или ложитесь в постель, или проваливайтесь!

Грудь сжимает паникой, и я снова пытаюсь урвать хоть один глоток воздуха. Что делать? Мне казалось, Вирг набросится на меня, как в рассказах служанок, овладеет силой, а он... Сильно зажмуриваюсь, ощущая, как пылают не только щёки, но и кончики ушей.

Лорд Тьмы отвратителен! Неужели он думает, что я пойду на это добровольно? Внутренний голос напоминает, что я уже это сделала — на церемонии согласилась поехать в замок норзийца. Но сейчас даже представить не могу, что делаю хоть шаг в сторону постели северянина. Как же быть? Если уйти, Вирг воспримет это за неподчинение. Возможные последствия леденят затылок, я помню, как многозначительно поглаживал страж рукоять своего меча.

— На самом деле я вам не нужна, — выдыхаю нервно и с невероятным трудом заставляю себя развернуться к лорду.

Вирг полулёжит на шкурах, и мощное обнажённое тело северянина повергает меня в смятение. Одна нога его согнута в колене, и я благодарю милосердную Гетту за то, что колено скрывает то, что я не хочу видеть. Смотрю лорду прямо в чёрные глаза и говорю, стараясь, чтобы голос мой звучал уверенно:

— И никто из девушек не нужен.

Вирг приподнимает ладонь, делая неопределённый жест:

— Что натолкнуло вас на эту странную мысль?

— Второй лорд, — отвечаю спокойным тоном, хотя сердце колотится как ненормальное, а горло то и дело перехватывает спазмом. Не позволяя себе отвести взгляда, делаю вид, что созерцание обнажённого тела мужчины ничуть меня не смущает. словно мы беседуем в приёмной моего отца и я в полной безопасности. — Вам было нужно, чтобы он убедился в силе вашей власти. Потому всех девушек привели в ваш кабинет. Это было представление. А чтобы у Ширигета не возникло ни единого подозрения, вы приказали привести меня в свою спальню. Достаточно громко, чтобы лорд это услышал.

Высказавшись, судорожно втягиваю воздух и сжимаюсь, как пружина, готовая в любой момент бежать или кричать... И то и другое бесполезно, но я не желаю ощущать себя беспомощной жертвой.

— Вот как? — Уголок его рта дёргается.

Кожей ощущаю на себе изучающий взгляд лорда, будто Вирг на самом деле прикасается ко мне. По телу пробегают мурашки, колени дрожат. Неожиданно северянин спускает ноги с кровати, и я невольно отворачиваюсь. Накатывает дурнота — потому что не заметить того, о чём нянюшка рассказывала, трудно.

Вирг поднимается и неторопливо надвигается на меня, будто огромная скала, гора мышц. Делаю шаг назад, второй, пока не упрусь спиной в стену, придавленная непостижимо тяжёлой аурой монстра. Но головы не опускаю, держась за свои выводы, как утопающий за соломинку.

— Вы добились своего. — Голос дрожит, выдавая меня с головой. В нос ударяет аромат соли и

тёплого мускуса. Я шепчу, теряя последние крохи самообладания: — Отпустите нас...

Глава 6

Меня трясёт так, что зуб на зуб не попадает. Звонящие волнением голоса окружающих меня перепуганных девушек сливаются в единый шум, и я не понимаю ни слова. Из-за слепящих белых одежд кажется, что я нахожусь не в покоях Ройепина, а далеко на севере, среди безликих снегов и во власти жестокого мороза. Такого же дикого, как лорд Тьмы.

Руки дрожат, то и дело подкатывает тошнота, а в голове стучит, будто набат, фраза: «Не отпущу, пока не наиграюсь». Сильный, низкий, пронизывающий ледяным холодом голос лорда. Думала, услышав это, потеряю сознание, но в следующее мгновение Вирг отдернул меня от двери и, распахнув её, вышвырнул из своих покоев, будто тряпичную куклу, и приказал страже отвести к другим.

До сих пор не верится в то, что произошло. Или не произошло... Возможно, мои слова удивили лорда. Я заметила, как его глаза сверкнули интересом. Сердце твердило, что я подобрала правильные выражения и попала в цель. Ведь он больше не приказывал мне идти к нему в постель. Или же я пожалею о том, как повела себя? Неповиновение и дерзость... Норзийцы не прощают подобного поведения.

— Разойдитесь, — сердито приказывает Лизия, пробираясь ко мне с кружкой. — Ей нужно попить воды.

Она опускается рядом со мной и осторожно подносит сосуд к моим губам. В глазах девушки я читаю ужас и безмерное сочувствие. Она думает, что лорд взял меня. Они все так считают. Я поднимаю голову и, с трудом фокусируя взгляд на лице подруги, стараюсь улыбнуться:

— Всё в порядке.

Но губы дрожат, голос не слышится, на глаза набегают слёзы. Девушки затаивают дыхание в ожидании продолжения, но я не могу им рассказать то, что произошло. Мне и самой страшно вспоминать об этом. Отец часто журил меня за непокорность, верховная жрица отчитывала за частое нарушение правил. Да, мой характер не сахар. Но сейчас, когда всё позади, я удивляюсь самой себе. Своей безрассудной смелости и отчаянной дерзости. А ещё больше тому, что мне удалось выйти из покоев лорда непорочной.

Пока.

Адреналин затапливает тело, грудь трепещет от неровного дыхания, я изо всех сил пытаюсь сдержать рвущиеся слёзы облегчения и страха. И не знаю, что сказать девушкам. Передать слова лорда? Они и так напуганы до смерти, не спали до рассвета, ожидая моего возвращения.

— Правда, всё в порядке, — повторяю в наступившей тишине и растягиваю губы. — Я прождала лорда почти всю ночь. Он пришёл под утро и приказал мне выметаться.

— Наверное, устал, — выдыхает кто-то. — Хвала милосердной Гетте!

— Но что будет завтра? — звенит мрачный голос другой девушки. — А нам ждать и бояться, кого же потащат следующей.

Я молчу, содрогаясь от жуткого предчувствия, что лорд ещё не закончил со мной.

«Пока не наиграюсь»...

Вскакиваю и с преувеличенным энтузиазмом осматриваю голые стены, грязный пол и сваленный в бесформенную кучу хлам:

— А здесь миленько.

— Орелия... — отшатывается Лизия, глаза её округляются в непонимании, появляется заикание: — Мил-ленько?!

— Чуть хуже, чем в храме, — подмигиваю я ей и решительными шагами двигаюсь к груде сломанной мебели и обрывков ткани. — Что тут у нас? О... Это же была кровать! Почти как у лорда в покоях. Те же опорные столбы с вырезанными головами львов...

Понимая, о чём говорю, осекаюсь и вновь содрогаясь, вспоминая огромное мускулистое тело Вирга, возлежащее на пушистых шкурах. Хищник! Зверь без жалости. Зогг его побери! Встряхиваю волосами, выбрасывая жуткое видение из головы, и неискренне улыбаюсь подругам:

— Думаю, всем нам нужен здоровый сон на хорошей кровати, так?

Хватаюсь за злость и отчаяние, струящиеся из меня, и стараюсь перевести эту энергию в магию. Концентрация удаётся легко, хотя мне кажется, что я совершенно вымотана. Нити силы, выпущенные из моих рук, образуют изящный золотистый узор, наполняя деревянные обломки лёгким свечением.

— Они шевелятся! — вскрикивает Кирина, и в её голосе звенит смесь благоговения, изумления и опаски. — Смотрите, палки поднимаются!

— Тише, — осаживает её Лизия. Берёт девушку за руку и оттаскивает от меня: — Не мешай, а то всё испортишь. Это же магия!

— Мне бы так... — завистливо стонет самая младшая из нас, и я не сдерживаю улыбки.

Как знакомо её восхищение! Я так же смотрела, как работает отец, мечтая о благословении Гетты, чтобы помочь ему. Так ждала свадьбы с Сартемом! В груди холодеет при воспоминании о том, как, оглянувшись, я не увидела мужа...

Узор магии мерцает, теряя силу, и я сжимаю губы. Нельзя раскисать! Я не знаю, что случилось, почему исчез Сарте. Возможно, его оглушили стражи лорда, чтобы не вмешивался. А может, он хотел помочь нам выбраться, но не успел. Уверена, мой муж постарается вытащить меня из Ройепина. Возможно, он уже попросил у отца тысячу золотых и спешит с выкупом.

Думая об этом, я слежу, как сломанные палки неторопливо складываются в основание огромной кровати, на которой легко поместятся пять или шесть девушек. Если поставить к стене, то и семь. Щелчком пальцев смахиваю пыль с блестящей древесины и, когда лёгкий ветерок пролетает над моим возрождённым творением, отряхиваю руки:

— Отлично. А теперь матрас. И никаких шкур!

— Блестяще! — восторгается Кирина и недовольно потирает лоб. — Вот бы мне так же... Я бы тебе помогла. — Она касается украшения на своей руке. — Но на мне всего лишь фальшивка.

Вздыхаю, понимая её подвешенное состояние. Было бы у девушки чуть больше времени, чтобы золотистое свечение опустилось на предплечье, церемония пробудила бы в ней магию, подобную моей. Но отец малышки не стал рисковать, боясь вязи на её лбу. Боюсь, что благословение богини и вовсе покинет её, как когда-то Лизию.

— Не фальшивка, а символ вечной любви, — педантично поправляет Деглия и с глубоким вздохом прижимает ладонь к животу. — Жаль, что магия не может создать настоящую еду.

— Может, — радостно поднимает голову младшая и тут же тушует под моим насмешливым взглядом. — Только на это нужно немного времени. Убыстрить рост овощей, ускорить приготовление...

— Боюсь, времени на это потребуется не так и мало, — хмыкает Деглия и без интереса ковыряется в куче хлама. — Возможно, лорду нравятся худенькие девушки.

Вздрагиваю от вновь пришедшего образа Вирга и решительно заявляю:

— Я не позволю морить вас голодом. Ложитесь, всем нужно отдохнуть. А утром я поговорю с лордом.

Всё во мне холодеет от предстоящего «разговора», но раз уж нам придётся оставаться в Ройепине некоторое время, я не в силах позволить, чтобы с моими подданными обращались как с рабами. Руки подрагивают от напряжения, но я поднимаю из руин предмет за предметом и, насыщая его силой своей магии, восстанавливаю былой интерьер.

Тумбочка из красного дерева мерцает лаком в утренних лучах восходящего солнца. Часть ручек возродить не удастся, но у нас уже есть куда сложить многочисленные вещи и украшения. Кушетка с полосатым сидением приходится как нельзя кстати — наша маленькая Кирина сворачивается на ней клубочком и быстро засыпает.

Девушки, прижавшись друг к другу на тонком матрасе без простыни, затихают, доверяясь мне, а я всё поднимаю и восстанавливаю сломанные вещи, в том числе подсвечник из тяжёлого металла. Воска набралось лишь на треть свечи, но следующей ночью нам не будет так страшно.

Возможно. Если маленькое дрожащее пламя, пытающее разодрать тьму, хоть как-то поможет. Этот огонёк будет напоминать нескольких гильериек в окружении бессердечных чудовищ с севера. Верховную жрицу, смиренно опускающуюся на колени в разрушаемом храме...

Сжимаю ноющие от перенапряжения пальцы в кулаки и судорожно втягиваю в пылающие лёгкие

воздух. Раскрываю ладони и рассматриваю трясущиеся руки. Магия слушается меня так, как я всегда мечтала. Девушки верят в меня и благословение Гетты. Солнце, пробираясь сквозь шторы, слепит глаза — прошло не менее трёх часов, но комната сверкает чистотой, восстановленная мебель стоит на своих местах.

Нет, лорд Тьмы, я не смирюсь. Хочешь позабавиться? Посмотрим, по чьим правилам будет идти игра. На твоей стороне чудовищная сила и власть, но и я не так уж слаба. Ты ещё увидишь, что могут бытовые маги!

Раздаётся скрип открываемой двери, и я резко оборачиваюсь, готовая направить один из канделябров в лоб наглецу, который и не подумал постучаться. Но, ощутив, как качается пол, удивлённо погружаюсь в темноту. В пропасть, устланную мягкими шкурами и моими страхами.

Глава 7

Открываю глаза и тут же зажмуриваюсь. И дело не в ярком свете, заливающим полупустую комнату, а в выражении лица склонившегося надо мной мужчины. Впрочем, будь у лорда любое другое — эффект был бы тот же. Хочется сжаться в комок и отползти подальше, желательно на другой конец мира. Но я не могу себе позволить бежать и прятаться. Стоит вспомнить ужас, который я видела в глазах девушек, когда стражи впихнули меня в комнату под утро, как внутри всё пылает от гнева и даже собственный страх отступает.

Медленно вдыхаю и, глянув в обсидиановые глаза мужчины, приподнимаю бровь:

— Что вы пытаетесь рассмотреть на моём лице, лорд Вирг?

— Хотя бы тень рассудка, — цедит он. Поднимаясь, убирает руку с моей головы. О Гетта! Он держал ладонь на моём лбу, а я даже не ощутила этого. — Но, судя по всему, я напрасно напрягаю зрение.

Ощущая нечто мокрое, я осторожно ощупываю прильнувшую к коже ткань и вдыхаю пряный запах трав. Вот почему я не чувствовала прикосновения мужчины — лорд удерживал повязку на моей голове. Удивляюсь:

— Что это?

— Настой лицевника в основном, — раздаётся высокий, но вполне приятный мужской голос. По сравнению с низким рычащим тоном лорда он похож на мелодию флейты. — Не волнуйтесь, вельера, это лишь компресс. Он поможет вам быстрее восстановиться от перерасхода магии.

К кровати приближается невысокий мужчина в плаще целителя. На лице незнакомца приветливая улыбка, но я цепенею от услышанных слов.

— Что? — Перед глазами на миг темнеет. — Я... покалечилась?

Сразу вспоминаю миг, когда после долгой разлуки увидела отца. Тот неожиданно вернулся с ещё не окончившейся войны. Сломленный перерасходом силы, мужчина выглядел собственной тенью и потом восстанавливался ещё не один год. Вельер уже не мог полностью воскресить плодородность наших земель. Слабые попытки калеки лишь мешали стремительному краху и не давали погрузиться в отчаяние и голод. Я так надеялась, что сумею помочь!

А теперь я стала ещё слабее, чем до церемонии?

— Вы только-только вошли в рассвет своей магии, — худощавый целитель пронизывает меня внимательным взглядом ярко-синих глаз и укоризненно качает головой, — и уже приблизились к грани. Неужели вас не учили, что силу надо увеличивать постепенно?

Я невольно тушуюсь:

— Учили. Но я... — Глянув на спину отвернувшегося лорда, понимаю, что он уходит, и быстро говорю: — Но я была вынуждена! Нас поселили в совершенно отвратительных условиях — ни кроватей, ни одеял... — Вирг продолжает двигаться к двери, и во мне нарастает гнев. — Стекла выбиты, нам очень холодно... — Тороплюсь высказаться, пользуясь тем, что мы с этим жутким человеком сейчас не одни. Использую минуту безопасности, пусть и мнимой, надеюсь, что норзиец не станет мучить меня при целителе. — Девушкам даже чёрствого куска хлеба не предложили. Многие из них ели сутки назад... — Мужчина подходит к двери, и я пытаюсь подняться. Кричу в отчаянии: — Стойте! Вам придётся обсудить со мной условия нашего заточения!

Мужчина резко останавливается и медленно оборачивается, но смотрит не на меня, а на целителя.

— Мне нужно, чтобы через два часа она была в порядке и находилась у меня. — Холодно на меня взглянув, лорд кривится в жёсткой усмешке: — Обсудим... условия заточения.

Я обессиленно падаю на спину, содрогаясь и от его ледяного тона, и от ужаса, что снова качаюсь над пропастью. Открываю рот, но слова будто кончились. Насладившись замешательством на моём лице, лорд выходит из комнаты, и словно наступает оттепель. Ощущая, что могу дышать, я судорожно втягиваю воздух в пылающие лёгкие и, приподнимаясь, ворчу:

— Северный монстр...

— Вельера, ложитесь, — давит на мои плечи целитель. Поправляет соскользнувшую влажную ткань. — Чтобы быстро восстановиться, постарайтесь больше отдыхать и не подвергать себя волнениям. Хорошо бы вам поспать.

— Будто это возможно, — бормочу я, но глаза закрываются сами собой. Сказывается бессонная ночь и пережитый кошмар. Проваливаясь в сон, я всё же пытаюсь приподняться: — Нет! Мне... нужно к моим девочкам... надо...

Ощущаю прикосновение к предплечью, где сверкает золотистая вязь, но нет сил даже вздрогнуть. Слышу задумчивый голос:

— Неужели это подействует на мрак? Красиво... Так ли опасна эта красота, как утверждают?

Я стараюсь отстраниться, чтобы он перестал трогать меня, но не могу и шевельнуться. Хотя понимаю, что нахожусь во власти сна, не погружаюсь в него полностью. Возможно, это и есть последствия перерасхода — тело спит, а голова действует. Я слушаю биение своего сердца, затихающий звук шагов покидающего комнату целителя, мерный стук капель, стекающих с моей повязки на пустой каменный пол небольшой, заставленной стеллажами комнатки.

Мрак. Мужчина с усталым бледным лицом и синими глазами произнёс это слово особенно: с робким благоговением и раболепным страхом. Так обычно норзийцы зывали к богу Тьмы. Может, это одно из имён Зогга? Но при чём здесь моя метка? Зачем целитель так пристально изучал её?

О милосердная Гетта, поскорее бы восстановить поток магии в теле и подняться! О нет... Тогда меня снова поволокнут в покои этого черноглазого чудища. О да. Я добилась его внимания и нужно с ним серьёзно поговорить. Раз желает держать нас в замке, пусть предоставит хотя бы минимальный комфорт. Но тон, каким он произнёс «Обсудим условия заточения», даже в воспоминании пронзает ужасом. Ах, зачем я сказала именно «заточение»? Как зачем? Ведь это правда!

Разрываясь между страхом и гневом, мечусь на подушках, как в бреду. То решаю выплеснуть в лицо лорду все обвинения и потребовать человеческого обращения, то представляю, чем грозит моя дерзость девушкам и всей нашей велье. Нельзя забывать, что эти люди — наши враги. Их красивые сапоги пропитаны кровью гельерийцев — наших отцов и братьев...

Моего брата!

То, что норзиец не набросился на меня или моих подопечных, ещё не значит, что он не жестокий зверь. Уверена, когда шла война, он легко убивал и насиловал. Поэтому нужно быть как можно более осторожной, но при этом не давать себя унижать и угнетать. Да, я пойду к лорду сама и поговорю об условиях содержания девушек.

— Как она?

Узнав голос стража со шрамом в пол-лица, невольно задерживаю дыхание. Именно его я увидела, когда упала от перенапряжения. Зачем он приходил, так и не знаю, но видеть его было ничуть не приятнее, чем Вирга. До сих пор помню его жадные руки на своём теле...

— Лучше. — Голос целителя звучит совсем рядом. Ощущаю, как повязка пропадает со лба, кожу холодит. — Скоро очнётся и сможет подняться.

Знаю, что уже могу открыть глаза и встать, но продемонстрировать это не спешу. Меня сразу же потащат к лорду, а я... Гетта! Я всё ещё сомневаюсь в своём решении. Да, я боюсь этого мужчину, потому что я в своём уме. Но выбора у меня нет. Собираюсь с силами заявить о себе, как неожиданно слышу:

— Отнесу лекарство в казарму и зайду за ней. — Помедлив, страж неохотно добавляет: — Отведу в покои невест.

— Лорд приказал доставить её к нему, — возражает целитель.

— Её тоже?! — Кажется, страж не на шутку разозлился, я слышу незнакомые лающие слова. Возможно, это древне-норзийский... Или же мужчина выругался. В голосе мужчины звучит гнев и

зависть: — Вирг уже перепробовал их всех. Всех, Сеот! Кого быстро, кого подольше. И ему всё мало?

Наступает тишина, а у меня сердце колотится так, что кажется, я вот-вот разорвусь на куски. Что сделал лорд?! Жутким эхом в голове звенят слова «перепробовал их всех», снова и снова. Во рту разливается горечь. Вот подонок! Вспоминаю жёсткую ухмылку и леденю от ужаса. Норзиец так жесток! Он морит девушек голодом, заставляет спать на голых камнях, чтобы не сопротивлялись его домогательствам. Ярость поднимается в груди тёмным вихрем, и я сжимаю пальцы в кулаки, чтобы не шевелиться и не выдать себя.

— Орид, — осторожно обращается целитель, — ты же выполняешь приказ лорда?

— О чём ты? — зло выдыхает страж.

— Ты... — Голос его затихает, будто Сеот опасается произнести вслух нечто, что точно разозлит и так не особо доброго стража. — ...Принимаешь лекарство сам?

Тишину разрывает глубокий вдох, ответ Орида напоминает рычание зверя перед тем, как хищник нападёт:

— Я воин, Сеот! Мне не нужны грёбанные лекарства. Или ты сомневаешься, что я способен контролировать себя?

— Я лишь спросил о выполнении приказа лорда, — бормочет тот, и я прекрасно понимаю звенящий в голосе целителя страх.

Воздух наполняется ощутимым напряжением и будто пахнет грозой. Я распахиваю глаза. Осторожно сев, смотрю на худощавого мужчину.

— Мне уже лучше. Могу я поговорить с лордом Виргом прямо сейчас?

Могу я вцепиться в горло чудовищу? Нет. Ради нас всех мне придётся договориться с норзийцем. И желательно, чтобы отвёл меня именно Сеот, а не мужчина со шрамом, что пожирает меня жадным взглядом. Но, увы, надежде не суждено сбыться — Орид кладёт большой свёрток на стол и кивает:

— Иди вперед.

Ощущая затылком его дыхание, я стараюсь идти прямо и не показывать пронизывающего меня страха. Ни к тому, кто следует за мной неотвратимо, будто смерть. Ни к тому, кто, безусловно, ожидает в своём логове новую жертву.

Глава 8

Дверь за мной захлопывается с таким звуком, будто это крышка гроба, и я невольно вздрагиваю. Быстро осматриваю помещение и выдыхаю с невольным облегчением. В спальне лорда никого нет. Я бросаю короткий взгляд на огромную, покрытую шкурами кровать и инстинктивно отхожу подальше, будто это спасёт меня от предстоящего унижения.

Оглядываю голые стены с остатками дорогой ткани, которая некогда украшала их. Поднимаю руку и провожу кончиками пальцев по выпуклому узору некогда ярко-бордового, а теперь грязно-коричневого цвета.

В памяти всплывают сцены из далёкого детства. Отец привозил нас в Ройепин на какой-то праздник. Замок тогда показался мне огромным, гости смеялись, когда я спросила, где король. Мне было около восьми лет, Валедия была ещё слишком мала, чтобы поехать с нами, поэтому мама тоже осталась дома. Тогда она была ещё жива... Как и мой любимый брат. Лютан выглядел таким взрослым в свои пятнадцать! Мне казалось, он самый красивый молодой человек на балу.

Из горла вырывается тихий всхлип, и я смахиваю со щеки прозрачную каплю.

— Вам так противно находиться здесь?

Замираю от звучания глубокого сильного голоса и, выныривая из воспоминаний, вжимаю голову в плечи. Лорд здесь, а я даже не заметила, когда он вошёл! Оборачиваться не спешу, собираюсь с силами. Но отмалчиваться не следует, это может разозлить мужчину.

— Я... вспомнила о брате...

Тишину разрезает короткий звон железа и длительное шуршание. Я паникую, думая, что лорд раздевается, и, не в силах мучиться в страхе, резко разворачиваюсь. Встретившись с Виргом взглядом, зачем-то сообщаю:

— Он погиб.

Будто ему это интересно. Словно моя скорбь может остановить лорда от того, ради чего стражи притащили девушек в Ройепин.

Мужчина действительно раздевается, и от вида обнажённой груди, на которой перекачиваются тугие мускулы, во рту мгновенно становится сухо. Рубашка падает на пол и замирает белой лужицей, а Вирг идёт ко мне. Делаю шаг назад и, краем глаза замечая у противоположной стены огромный меч, вжимаюсь спиной в стену. От охватившей меня паники леденею, но тут же спохватываюсь. Я не дрожать сюда пришла. Мне нужно защитить своих подданных!

— Лорд Вирг, — язык не слушается, слова мои едва слышны, — вы обещали обсудить со мной условия содержания девушек...

Он проходит совсем рядом, задевая лишь жаром, которым пышет его блестящее от пота тело, и я едва не стекаю по стенке от облегчения. Лорд подходит к небольшому столику, на котором стоит металлический таз, и склоняется над ним. Слышу плеск воды и добавляю увереннее:

— Любому человеку необходима вода и еда. Даже вы не можете быть так жестоки, чтобы заставлять девушек мучиться от голода и жажды... Многим из них пришлось долго добираться до храма, и вряд ли кто-то из невест из-за волнения сумел проглотить хоть кусок хлеба перед церемонией. Я требую, чтобы...

— Полотенце! — не оборачиваясь, перебивает он и протягивает руку. — Дайте мне его.

Спина мужчины согнута так, что напряжённые мышцы выступают ещё сильнее, и от мощи, которой наполнено всё тело лорда, сердце пропускает пару ударов. Я слышу, как на пол с глухим стуком падают тяжёлые капли, и, попятившись, нервно осматриваюсь. Заметив на столе сложенную в несколько раз светлую ткань, подхватываю её и, разворачивая, передаю Виргу. Тот, накрыв мои ладони своими, опускает голову и прижимается к ним лицом.

Замираю, едва дыша и не зная, как реагировать на подобное поведение, как лорд поднимается и, выхватив у меня полотенце, уже обтирает свою грудь. Глаза его сверкают, будто обсидианы, — холодные и мрачные, — а правильные твёрдые губы подрагивают в усмешке.

— Даже я не могу быть так жесток?

Я быстро отступаю на несколько шагов от полуобнажённого мужчины и, ощущая, как наполняются жаром мои щёки, бормочу:

— Это всё, что вы услышали?

— Услышал достаточно, — отбрасывая мокрую ткань к рубашке, сухо отвечает он и рывкает так неожиданно, что я вздрагиваю: — Тейг! Почему мой стол всё ещё пуст?!

Дверь распахивается, и в спальню лорда, удерживая тяжёлый поднос, входит один из стражей. Взгляд его зелёных глаз замирает на мне, на лице мелькает улыбка:

— Боялся помешать, мой лорд.

— Туда, — кивает Вирг на стол. — И выметайся.

— Слушаюсь, мой лорд, — лебезит мужчина, но в тоне его мне чудится весёлая ирония. Я оборачиваюсь на норзийца, ожидая гнева на показное непочтение, но Вирг будто не замечает кривляний своего подчинённого. — Как прикажете, мой повелитель. — Удаляясь, страж вдруг подмигивает мне. — Зовите, если ещё что-то понадобится.

Дверь захлопывается, и я растерянно моргаю, не в силах понять, как лорд может терпеть явную насмешку того, кто ниже его по положению. Даже мой отец бы разозлился!

— Поешь, — приказывает лорд.

Подпрыгиваю на месте, не ожидая «приглашения». До обоняния доносятся приятные ароматы свежего хлеба и варёного мяса. Незаметно (надеюсь) сглатывая слюну, мотаю головой:

— Я говорила не о себе, а обо всех девушках. Если мы вынуждены... — Краснея, снова отвожу взгляд и выдавливаю: — ...Жить здесь некоторое время, то будьте добры предоставить нам человеческие условия. Еда три раза в день, питьё по надобности. Ещё нужна вода для умывания... И свежий воздух! Мы не можем всё время сидеть взаперти. Я требую разрешить девушкам прогулки...

Слушая меня, лорд отламывает кусочек хлеба и, обмакнув его в ароматный соус, приближается. Когда он подносит еду к моим губам, я давлюсь остатком фразы и вскидываю на него удивлённый взгляд.

— Ешь, — настаивает Вирг, но я лишь поджимаю губы.

Тогда лорд отправляет хлеб себе в рот, и алая, как кровь, капля соуса попадает на его нижнюю губу. Я нахожусь так близко, что могу оценить совершенные черты лица норзийца, но не заблуждаюсь. Красота этого мужчины так же опасна, как и изящество хищного зверя. И всё же ловлю себя на желании стереть сочную капельку...

— И куда же вы собрались... — жуя, уточняет лорд, — гулять?

— Просто гулять, — отворачиваясь, раздражённо передёргиваю плечами. — Дышать свежим воздухом, который не наполнен пылью и запахом мужского пота!

Лорд хмыкает, а я вдруг ощущаю его горячую ладонь на своей щеке. Вирг поворачивает моё лицо к себе и, поглаживая кожу большим пальцем, приподнимает бровь:

— Вы же знаете, что значит «договор», вельера? Он должен быть взаимным.

Начинаю дрожать, совершенно чётко осознавая, на что намекает противный лорд. Наверняка Вирг точно так же шантажировал моих подопечных, меняя еду и питьё на их смирение. И несмотря на то, что уже получил, всё ещё не насытился?

Норзиец, видимо, по-своему поняв моё молчание, подаётся ко мне, губы его приоткрываются, а я как замороженная смотрю на проклятую капельку соуса. Но прежде, чем лорд целует меня, вспыхиваю гневом и с силой отталкиваю мужчину... Пытаюсь оттолкнуть, но с тем же успехом можно сдвинуть с места стену замка. Отчаявшись высвободиться, отворачиваю лицо.

— По-видимому, разговоры ни к чему не приведут, — ровным тоном подытоживает норзиец, и я часто-часто моргаю, сдерживая нахлынувшие от паники и омерзения слёзы. Он сильнее сжимает мой подбородок и снова поворачивает к себе, вглядываясь в лицо. — Вы пришли сюда добровольно, вельера, разве не так?

Не сдерживаю горького смешка:

— Добровольно?! Ваши стражи притащили нас, угрожая жрице расправой.

— Сюда, — поясняет лорд, и тон его леденеет. — В мою спальню. Орид доложил, что вы потребовали привести вас ко мне.

— Вы это приказали целителю! — вспыхиваю я стыдом лишь от одного его предположения. — Я лишь не хотела оттягивать тот кошмар, что меня ждёт!

— Кошмар? — Лицо лорда темнеет от гнева, и я прикусываю нижнюю губу. Лорд придвигается ко мне вплотную, так что становится трудно дышать. Почти рычит: — Чем же я вас настолько не устраиваю, вельера?

Ощущая идущий от него остро-пряный аромат мускуса и свежего бриза, я мотаю головой:

— Чем? Вы же... — Враг. Завоеватель. Убийца и насильник! Но этого я произнести вслух не могу, потому что и сама пострадаю, и девушкам достанется. — ...Страшный!

Мужчина моргает, на лице его мелькает растерянное недоумение, и я не сдерживаю мимолётного удовольствия. Конечно, монстр осведомлён о своей внешней привлекательности. Возможно, эти самые норзийки, о которых говорил тот светловолосый сластолюбец, действительно ему прохода не давали, но я же не о внешности. На самом деле я о его внутреннем уродстве, но это тоже лучше оставить при себе.

— Э-э... — тяну я и осторожно отодвигаю от себя мощное тело. На этот раз мне это удаётся. Оглядывая лорда, я цепляюсь взглядом за его лицо. — Посмотрите на себя. Волосы в беспорядке, щетина такая, что уколоться можно...

Прищурившись, лорд улыбается, и от вида его белых зубов мне становится не по себе. Точно не к добру!

— Так побрейте меня, — ошарашивает Вирг.

Глава 9

Просыпаюсь резко, подпрыгивая с матраса, и тревожно вглядываюсь в темноту комнаты. Тишину нарушает лишь мерное сопение спящих девушек, и со двора доносится пение пичуги. Я зябко ёжусь от сырости. Сейчас раннее утро — зеленоватая кромка на краю мрачного неба становится всё ярче.

Кажется, что, кроме нас, здесь никого нет, но я могу поклясться, что во сне ощущала на себе

тяжёлый взгляд лорда Вирга. Вздохнув, ложусь на спину и смотрю в потолок. Похоже, норзиец мне приснился, что неудивительно после того, что произошло... Только кошмаров с ним мне не хватает, его и наяву слишком много!

Поднимаю руки и смотрю на свои дрожащие пальцы. Казалось, они всё ещё помнят прикосновение к грубой мужской коже. Внутренний голос твердит, что не такая она и грубая. Лишь немного заветренная и излишне загорелая. Но я упрямо поджимаю губы и трясусь кистями, будто пытаюсь смахнуть навязчивые ощущения. А лучше выбросить из памяти образ мужчины, который не отрывал от меня взгляда, пока я выполняла приказ. Очень долго. Очень страшно...

— Орелия, — слышу сонный голос Лизии. — Ты от кого отмахиваешься? Или тебе жарко?

— Руки разминаю, — виновато улыбаюсь подруге. — Немеют после вчерашнего. Прости, что разбудила.

— Ниче-э-го, — зеваает она и внимательно смотрит на мои пальцы. — А что было вчера? — Лицо её заливается краской, и девушка быстро добавляет: — Извини, что спрашиваю, но тебя так долго не было... Мы волновались. Других лорд отпускал намного быстрее. А когда тебя принесли спящую, то мы вообще не знали, что и думать. Он тебя...

Она замолкает, боясь меня ранить, но расширенные блестящие глаза Лизии выдают волнение и сочувствие девушки. Понимая, на что она намекает, я мотаю головой:

— Нет! Вовсе нет. — Передёргиваю плечами и отвожу взгляд. — Я... брила его.

— Что? — искренне удивляется она. — Брила?!

Усмехаюсь, понимая, как это смотрится со стороны. Я была в спальне лорда до самой ночи, устала так, что сама не заметила, как заснула. От одной мысли, где я это сделала, становится не по себе. Но я уверена, что Вирг не воспользовался моим состоянием. Знаю потому, что норзийцу наверняка неинтересно было бы мучить бесчувственную жертву.

— Оказалось, это не так просто, — признаюсь я. — Мужские волосы толще, магии для их дематериализации требуется чуточку больше. А ещё их так много! Ох, бедный отец... Не представляла, как он мучился. От такой долгой концентрации у меня темнело в глазах.

— Эх, вот бы увидеть, как ты это делала!

Лизия смотрит на меня с восхищением и ноткой зависти.

— Вот бы забыть это, — тихо шепчу я, содрогаясь от одного воспоминания. — Ты знаешь, я не стала бы этого делать, не сиди вы тут голодные.

— Мы не сидели, — кутаясь в покрывало, хлопает ресницами девушка. — Нам принесли еду... Кстати, это была женщина! Она будет нам прислуживать, и я безумно рада этому. От вида стражей у меня подкашиваются ноги. Особенно когда появляется тот, со шрамом. Я его боюсь больше, чем лорда...

Слушаю её и внимательно осматриваю нашу комнату. Тут что-то изменилось, и я пытаюсь понять, что именно. Кровать, восстановленная мною, остаётся единственной достойной мебелью, но насчитываю десяток подушек и замечаю несколько одеял. Ещё в углу блестит металлический таз, около которого белеет стопка сложенных полотенец.

Уголки моих губ дёргаются, приподнимаясь.

— Вирг исполнил почти всё, о чём я просила. Всё же мои усилия не пропали даром! — Слышу урчание и прижимаю ладонь к плоскому животу. — Жаль, мне ничего не досталось.

— Скоро принесут завтрак, — глянув на светлое небо, сообщает Лизия. — Золетта, наша служанка, обещала вернуться с рассветом. Она милая, хоть и норзийка. За обедом девушки ещё сторонились её, но за ужином напряжения уже не было...

— Стой, — хмурюсь я и, вспоминая, что в обеденное время лежала без чувств у целителя, удивлённо восклицаю: — Вас кормили обедом?!

Рядом шевелится Деглия. Потягиваясь, широко зевает.

— Что вам не спится? — смотрит на нас неодобрительно. — Я мечтала хорошо отдохнуть перед тем, как нас снова погонят к лорду.

Мысли о еде и целителе мгновенно вылетают у меня из головы, спина холодеет.

— Что? — Голос срывается от ужаса. — Снова? Да этот норзиец просто ненасытное чудовище!

Прижав ладонь ко рту, сочувственно смотрю на девушек, не зная, что сказать им и как утешить. Лизия растерянно моргает, но через миг я слышу её хихиканье.

— Думала, он делал это с нами? — шурится она и мотает головой: — Нет, Орелия. Лорд только задавал вопросы. Кого-то отпускал быстро, с некоторыми беседовал дольше.

— Лизии долго не было, — ворчит Кортелия. — Но тебя не было ещё дольше. Мы не знали, что и думать. Кирина рыдала до ночи, пока тебя не принесли.

Волна облегчения накрывает меня мягким одеялом, в груди становится тепло и радостно, что девушек не мучили. Но потом приходит тревога, я хватаю Лизию за руку:

— О чём тебя расспрашивал норзиец?

— Обо всём, — пожимает она плечами. Осторожно высвобождается из моей хватки и виновато улыбается. — Не могу сказать, что ему было нужно. Лорд спрашивал, как мы живём... Как протекает обычная жизнь в велье. Когда узнал, что я некоторое время жила в храме, то долго допытывался о нашей вере.

— Как странно, — шепчу я, не зная, что и думать. — Зачем ему это?

В окно проникает первый солнечный луч, и в комнате пробуждаются звуки, наполняя пространство жизнью. Девушки просыпаются одна за другой, и меня радуют их сонные голоса. Кирина, стоило ей подняться с постели, бросается ко мне и обнимает так крепко, что я не сдерживаю улыбки. Положив ладонь на растрёпанную голову младшей из нас, утешающе говорю:

— Что-то надо сделать с твоими волосами. Хочешь красивую причёску?

Она обращает ко мне заплаканное лицо, но глаза Кирины сияют радостью, когда девушка кивает. Через несколько минут я понимаю, что концентрация сегодня даётся мне легче, а магия ещё немного подросла.

— Красиво! — восхищается Лизия и занимает стул, освободившийся после того, как довольная Кирина принимается кружиться по комнате. — Я тоже хочу такую причёску!

— Орелия не служанка, — сухо напоминает ей Кортелия, пытаюсь распутать пальцами свои длинные волосы. — Как тебе не стыдно?!

Лизия краснеет и неохотно поднимается, но я со смехом удерживаю девушку:

— Мне не сложно! — Кривлюсь, вспоминая вчерашний вечер. — Это намного приятнее, чем...

Дверь распаивается, и все вздрагивают. Атмосфера лёгкости мгновенно испаряется, оставляя после себя давящее чувство опасности. Напоминая, что мы в плену. Но глядя на высокого широкоплечего стража с подносом в руках, я понимаю, что это не мужчина.

— Доброе утро, — хмуро бросает мускулистая брюнетка и проходит к столу. Ставит поднос. — Ваш завтрак.

Сама отходит к двери и, прислонившись к стене, скрещивает руки на груди. Смотрит на меня:

— Ты, с меткой. Ешь быстрее. Лорд ожидает тебя.

Глава 10

Стою у двери в кабинет лорда и заставляю себя сделать последний шаг. Минуло несколько дней, но я так и не могу смириться с необходимостью приходить сюда снова и снова. Не хочу туда входить! Боюсь снова встретиться взглядом с жестоким лордом. Не желаю отвечать на его бесконечные и, по-моему, бессмысленные вопросы. Зажмуриваюсь и сжимаю кулаки. Мечтаю исчезнуть отсюда прямо сейчас...

Золетта молчит, но я спиной ощущаю её тревожное нетерпение. Мысленно благодарю женщину за подаренное промедление, хотя знаю, что именно ей достанется от Вирга за это, и беру себя в руки. Нельзя допустить, чтобы её снова наказали.

Сначала норзийка совсем мне не понравилась, и я не могла взять в толк, почему девушки сразу прониклись к ней симпатией. Ни капли почтения, ни толики сочувствия... Жесткость в обращении, мужиковатость в поведении. Но постепенно мне начали нравиться суровые черты и простые манеры

Золетты. Она обходилась с нами так, как привыкла, потому что не знала другой жизни. Но больше всего подкупило то, что женщина заботилась о нас с совершенно искренним удовольствием. Словно не поднимала меч на гельерийцев...

Стараюсь не думать о том, скольких отцов, мужей и братьев моих соотечественниц она убила. Мы не касаемся темы ушедшей войны, это нарушит тёплые отношения между нами. Одно то, что Золетта одним взглядом могла остановить любого из стражей, не упускающих случая отвесить на наш счёт грязную шутку, вызывало уважение. Женщина-воин не боялась никого, даже уродливого Орида, который вызывал дрожь одним своим видом, но рядом с лордом Виргом замирала без движения, пытаюсь слиться с обстановкой.

Темноглазого норзийца отчаянно боялись и стражи, и девушки-гельерийки... и я. Поэтому сейчас топчусь у двери и собираюсь с духом, словно вот-вот спрыгну со скалы. В очередной раз.

— Пора, — теряет терпение Золетта. — Лорд снова прогневается, если ты будешь тянуть дольше.

Киваю, прогоняя дурноту, упираюсь в прохладу древесины дрожащей ладонью.

— Я приду за тобой перед обедом, — тихо напоминает женщина. — Без меня ни шагу. Это приказ.

— Знаю, — вздыхаю, входя в комнату. Закрывая за собой дверь, думаю о том, что было бы здорово оправдать недоверие лорда и сбежать. Если бы это было возможно. — Доброе утро...

— Мой лорд, — не поднимая головы, холодно произносит он.

Вирг сидит за столом и быстро ведёт по листу пушистое перо. Слева от свитка, на котором пишет мужчина, покоятся ещё десятки таких же пергаментов, справа в утреннем свете блестит тяжёлая печать из синего камня.

— Доброе утро, мой лорд, — прокашлявшись, смиренно поправляюсь я.

Покорность лишь маска, и от лорда не укрывается моё раздражение, которое сквозит в голосе. Об этом свидетельствует лёгкая усмешка, которая касается лица мужчины. Лишь на мгновение, но я научилась ловить оттенки настроения своего мучителя. В который раз вспоминаю фразу, сказанную им в первый день: «...Пока не наиграюсь». Поджимаю губы и сухо интересуюсь:

— Что вам нужно от меня сегодня?

— Всё то же, — не отрываясь от занятия, отвечает он, и я едва сдерживаю стон.

Опять! Садист! Знает, как мне противно прикасаться к его телу, и всё равно день за днём требует одного и того же. Пытаюсь увильнуть от неприятной обязанности:

— Вы сегодня прекрасно выглядите.

— Ложь, — лениво бросает он. — Волосы в беспорядке, на лице кое-где уже пробивается щетина.

— Вы наняли для нас служанку, — в сердцах возмущаюсь я, — так подыщите и для себя! Среди гелериек найдётся немало желающих ухаживать за вами за деньги!

— Вот как. — Он откладывает перо и устремляет на меня пронзительный взгляд. Я невольно съёживаюсь, ощущая себя тонким деревцем, на которое налетает неистовая буря. — Так может, мне платить вам за эти услуги?

Первое желание гордо отвергнуть его предложение я сдерживаю. Вспоминая покосившийся дом скромного кузнеца, которому пришлось довериться моей нестабильной магии, чтобы не потерять жильё и работу, сжимаю пальцы в кулаки. Таких, как отец Мариски, сотни! Я не имею права терять даже небольшую возможность им помочь. Заставляю себя склонить голову:

— Буду благодарна за это.

Лорд неопределённо хмыкает, и я чувствую на себе его изучающий взгляд. Проклиная свою жестокую судьбу, вздыхаю и иду к столу, обхожу его и замираю за спиной мужчины. Обоняние тут же начинает терзать аромат сумрачного мускуса и терпкой соли, и я стараюсь дышать поверхностно, чтобы не обращать внимания на этот невероятно притягательный запах. Ненавижу норзийца ещё сильнее за то, что он так притягательно пахнет!

Провожу пальцами по тёмному шёлку длинных волос мужчины, выпуская немного магии, чтобы уложить непослушные пряди. Слишком приятное ощущение, чтобы делать это каждый день. После я причёсываю всех девушек, чтобы забыть это чувство, чтобы отстраниться от лорда Тьмы. Ненавижу себя за то, что смакую ощущения, собирая чёрный водопад в тяжёлый хвост.

Вирг откидывает голову, касаясь затылком моего живота, предоставляя мне своё лицо для бритья. Глаза норзийца, как всегда, открыты. Смотрит пытливо, подмечая малейшее моё движение, наслаждаясь пыткой. Сдерживая дыхание, поглаживаю кончиками пальцев по хищно выступающим скулам мужчины. Кожа кажется абсолютно гладкой, лишь кое-где выбиваются редкие волоски, упрямо сопротивляющиеся магии.

— Почти ничего нет, — склонившись, говорю лорду и вздрагиваю, когда губы его приоткрываются.

Отпрянув, ощущаю, как сердце замирает в груди. Своей реакцией вызываю у него привычную усмешку, которую стараюсь не замечать. Ненавижу эти снисходительные ужимки на идеально красивом лице, гладкую загорелую кожу и тонкие линии намечающихся морщинок! Передо мной враг. Убийца, насильник... Каждый раз напоминаю себе об этом.

Взгляд лорда темнеет, будто Вирг легко читает мои мысли. Мужчина выпрямляется так резко, что я едва успеваю отступить. Рывком раздирая на себе рубашку, он освобождает свои плечи. Замираю в оцепенении, а норзиец, отбросив одежду и заложив руки за голову, вновь откидывается. Аромат тёплого мускуса становится сильнее, он обволакивает меня, словно сладковатое облако.

— Тогда здесь.

Смотрю на подмышки лорда и леденею от одного предположения.

— Что?!

— Помню, вы поморщились, когда увидели это, — хищно скалится Вирг. — Значит, вельеры не терпят никаких волос на теле. Я прав?

— Да... — вырывается у меня, но я тут же спохватываюсь и стыдливо отвожу взгляд от мощных накачанных предплечий мужчины. — Я не стану этого делать.

— Раз я буду платить, — вкрадчиво говорит он, — то вправе заказать дополнительные услуги?

— Вы, верно, шутите? — отступаю я и нервно смотрю на дверь, молясь милосердной Гетте, чтобы кто-нибудь постучал. — И... прошло немало времени. Вчера вы говорили, что после того, как я почию шкаф для зелий, нужно проверить северное крыло замка!

— Спешки нет, — щурится мой мучитель. — Мы можем перенести осмотр повреждений на завтра. Или на следующую неделю.

Вздрагиваю и, едва не поддавшись гневу, прижимаю ладонь ко рту. С губ чуть не срываются слова, которые норзиец вряд ли бы простил. До сих пор Вирг не пересекал черту, лишь дразнил меня, но не стоит забывать, как и для чего мы здесь оказались. Уронив руки, вздыхаю:

— Хорошо. — И предупреждаю: — Сохраняйте неподвижность.

Слышу короткий смешок и поджимаю губы. Точно издевается! Ну и ладно, зато я могу потребовать с жестокого лорда двойную оплату. Отец на эти деньги поменяет прохудившиеся крыши, которые уже невозможно починить магически.

Склоняюсь к лорду и втягиваю носом воздух. Что за несправедливость? Почему чудовище обладает таким приятным запахом? Стараюсь не замечать аромата, провожу кончиками пальцев по подмышке мужчины. Мои волосы, соскользнув вперёд, гладят обнажённую грудь Вирга. Норзиец глубоко вдыхает и замирает, прожигая меня тёмным взглядом. Губы его вновь приоткрываются, и воздух со свистом выходит сквозь сомкнутые зубы. Будто зверь скалится перед прыжком...

Ощущаю опасность прежде, чем он подаётся ко мне, но не успеваю и шевельнуться, как на затылок ложится жёсткая ладонь. Вирг притягивает меня к себе, впиваясь в губы. Раздвигает их, проникая языком в мой рот, и я забываю, как дышать. Леденею от ужаса, отпихиваю мужчину без надежды освободиться, но он отпускает. Вжимаюсь в стену, всё ещё осязая полынный вкус украденного поцелуя.

Не глядя на меня, лорд поднимается из-за стола и, накидывая на голое тело кожаную безрукавку, кивает на дверь:

— Закончите с этим позже.

Замечаю, как сильно оттопыриваются впереди брюки Вирга, и теряю остатки самообладания. Выскакиваю из кабинета норзийца так, будто бегу от взбесившегося жеребца. Не разбирая дороги, мчусь вперёд, отчаянно желая встретить хоть кого-нибудь. Не важно, будет ли это страж или слуга... Нужно разорвать пугающее меня до колик уединение с лордом.

Врезавшись в кого-то, поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Оридом. На лице воина появляется

усмешка, от которой шрам краснеет.

— Заблудилась, птичка?

Слышу рядом короткий смех и, повернув голову, замечаю ещё троих. От их раздевающих взглядов становится не по себе. Отпрянув от мужчины, мотаю головой, но не успеваю выдать ни звука, как стражи бледнеют, в глазах вспыхивает страх.

— Мой лорд, — склоняется Орид. — Прикажете сопровождать вас?

— Нет. — К нам приближается Вирг. Полоснув по мне злым взглядом, рычит: — Подготовить казармы к вечернему осмотру!

— Слушаюсь, — сгибается Орид ещё ниже и, выпрямившись, кивком приказывает стражам следовать за ним.

Лорд хватается меня за предплечье так, что жёсткие пальцы впиваются в плоть, явно оставляя синяки. Шипит в ярости:

— Сеот сам закончит ремонт шкафа, вельера. А вы составите мне перечень всех повреждений северного крыла до заката!

В груди будто что-то обрывается, и я плетусь за лордом, который шагает, впечатывая подошвы сапог в камень пола. Конечно, целитель и сам справится с полками, но мне так приятно общаться с единственным нормальным человеком в этом безумном месте! Бросаю раздражённый взгляд на спину Вирга. Он точно знает об этом, потому и наказал за то, что оттолкнула. Ещё и обеда лишил. Монстр!

Проходя мимо разбитого окна, тоскливо смотрю во двор, до слуха доносится звон металла. Внизу несколько стражей, скрепя клинки, сходятся в тренировочном бою, а над головами их синее высокое небо. Вздыхаю, мечтая о свободе, и снова пытаюсь договориться с лордом:

— Прошу вас выпускать девушек на улицу хотя бы на...

— Исключено! — в который раз обрывает меня Вирг. Отпирает дверь и распаивает её передо мной. — Приступайте к осмотру, вельера. Мне нужно знать, как скоро возможно привести северное крыло в надлежащий вид?

Уныло вхожу в полутьму и, вдохнув пыльный воздух, невольно ёжусь от открывшейся перед глазами неприглядной картины разрушения и упадка. Аромат тёмного мускуса навязчиво преследует меня, но я не оборачиваюсь, обречённо осознавая, что лорд ни на минуту не оставит меня одну.

Это угнетает!

Мы наедине, и норзиец волен сделать со мной всё, что захочет. Как и с другими. Постоянное ожидание нападения истощает день за днём. Будто мышь, клетка которой стоит рядом с лежанкой кота, в этот миг я дохожу до края.

Довольно!

Не могу больше жить в постоянном страхе. Не хочу выслушивать стенания девушек. Не желаю наблюдать, как они по очереди прилипают к мутному стеклу окна и тоскливо смотрят в едва виднеющееся небо. Как бледнеют лица и тускнеют глаза... Так может, рискнуть и выбраться из нашей комнаты этой ночью?

Да, я прекрасно понимаю, что Ройепин кишит солдатами. Знаю, как опасно снаружи, но заточение становится просто невыносимо. Уверена, девушки будут в восторге даже от минутки, проведённой вне опостылевшей комнаты. Возможно, это даст силы вытерпеть полудобровольный плен.

Воскрешаю в памяти день бала, когда Шелия, младшая дочь вельера Ройепина, показала мне тайный ход. Если он в хорошем состоянии, то мы можем пользоваться им. Я с ума сойти как мечтаю об одном глотке свежего воздуха. Не пропитанного тёмным мускусом и полынной солью.

Глава 11

Переживания растворились с дневным светом, и сейчас, когда за окном чернеет беззвучная ночь, я осторожно крадусь к двери. Приблизившись, прижимаю палец к губам, призывая девушек к молчанию. Гельерийки, нервно хихикая, хватают друг дружку за руки и пытаются вести себя тише, но спонтанный побег, на который мы только что решились, наполняет всех возбуждением.

— Тишина, — прижимая ухо к прохладной поверхности двери, шепчу я и вновь смотрю на девушек. — Может, всё же я одна схожу? Проверю для начала... Прошло столько лет, вдруг ход завален.

— Орелия. — Кирина подбегает и хватает меня за руку. — Пожалуйста! Я готова на всё, чтобы хоть разочек на небо посмотреть не через мутное стекло.

— И мы тебя одну не отпустим, — мрачно добавляет Деглия. — Хватит и того, что до вечера ждали, когда ты вернёшься. Да ещё пришла белая как снег, глаза круглые, сама качалась, словно неделю не ела... Но даже не посмотрела на то, что мы тебе оставили, упала без чувств.

— Всё от недостатка свежего воздуха! — совсем по-взрослому замечает Кирина.

— Как вы узнали про тайный ход? — тяну время, расспрашивая их. В груди поднимается волна страха, она липким потоком леденит вены. Сейчас, ночью, эта идея уже не кажется такой уж замечательной. — И о том, что я собиралась туда?

— Ты кричала во сне, — тихо отвечает Лизия и обхватывает себя руками. — Напугала этим до смерти.

— Прости, — улыбаюсь я и, глядя на дрожащих в жадном предвкушении девушек, решаю: — Хорошо. Только тихо и быстро. Проверим и назад.

Дёргаю дверь на себя осторожно, чтобы та не скрипела. Выглядываю и с облегчением шепчу:

— Никого.

На цыпочках двигаюсь по каменному полу. Благодаря моим стараниям, в этой части замка уже более-менее чисто. Под ногами не скрипят камешки, а с потолка не грозит свалиться кусок побелки. Сила моя растёт, бытовая магия поддается легче, а результаты гораздо стабильнее, чем когда-либо. Гордость затапливает сердце, на миг вытесняя страх, и я быстро бегу в противоположную от широкой лестницы сторону. Снизу слышатся грубые голоса, порой доносятся взрывы смеха.

Наблюдая за норзийцами, я поняла, что рядовые воины живут в казарме, под которую переоборудованы одноэтажные помещения для слуг. В замке же находятся лишь пять-десять человек, которые постоянно меняются.

Стражи, их начальники, живут на первом этаже Ройепина. На втором расположены покои лорда, его кабинет и наша комната. Остальные помещения заперты либо находятся в ужасном состоянии, многие заперты. Где спит Золетта, никто не знает, но думаю, у неё комната на первом этаже. А может, она живёт вне замка, но точно не в казарме. Надеюсь...

— Сюда, — сориентировавшись, направляюсь в один из коридоров.

Девушки гуськом следуют за мной. Кирина вцепилась в мою руку и оглядывается с испуганным восхищением. Замыкает строй Лизия. Судя по выражению лица, девушка явно не одобряет вылазки, но молчит. Да я и сама не рада тайной прогулке, но мы на самом деле очень долго сидели взаперти, с каждым днём ощущая, как растёт напряжение, учащаются ссоры по пустякам и сдают нервы каждой из нас.

Стена, на которой некогда висел огромный портрет предка вельера Ройепина, встречает нас голой шершавостью. Я кладу ладони на холодный камень и немного приседаю — в то время я была значительно ниже, значит...

Один из выпуклых камней поддается, проваливается под пальцами, раздаётся глухой щелчок, и часть стены с шелестом отъезжает в сторону.

— Ах... — раздаётся дружное за спиной.

Поддавшись ликованию, я отпускаю страх и шагаю в черноту. Под ногами что-то хрустит, порой я за что-то запинаюсь, но иду вперёд, чтобы все девушки зашли в узкий коридорчик и дверь закрылась.

— Жутко пахнет, — гнусаво сообщает кто-то.

Я киваю, хоть никто этого не видит.

— Неудивительно. Замок долго простоял пустым. Одному Зоггу известно, что тут сдохло и воняет.

— Ай! — вскрикивает Кирина.

— Ш-ш, — шиплю я. — Хотите, чтобы сюда сбежались все стражи Тьмы?!

— Прости, — виновато шепчет девушка. — Я коснулась чего-то... Оно склизкое и противное!

— Фу, — хором поддержали её девушки.

— Орелия, — слышу голос Деглии, чувствуя её сухие прохладные ладони. — Кажется, я нашла старый файрел. Зажги его, и нам будет проще идти. Не думаю, что в тайном ходе заметят свет.

Послушно принимаю древко и, выпуская тонкую нить силы, обволакиваю ею головку файрела. Разгорается магическое пламя, от которого нет искр и дыма. Поднимаю повыше, чтобы осветить дорогу, и замираю в ужасе. Слышу сдавленный писк и тихие рыдания, сама же отступаю, не ощущая под собою ног.

Пятясь, мы двигаемся обратно. Машинально жму на рычаг, открывая вход. Девушки одна за другой молча выбегают в чистый коридор. Я выпадаю последней и роняю файрел. Меня подхватывают руки подруг, магический огонь гаснет на полу.

Смотрю на черноту, которую он оставил на камне пола, но перед глазами стоит совершенно другая картина. Полуистлевшая одежда и пустые глазницы, уверена, будут преследовать меня до конца жизни. Слышу, что кого-то вырвало. Это приводит меня в чувство. Надо быстро возвращаться, пока нас не застали здесь. То, что у двери последние несколько дней не дежурят стражи, не значит, что нас не охраняют. Лорд лишь поддался на мои настойчивые уговоры и немного удлинил цепи.

Идём молча, не глядя друг на друга. Воодушевление возможным глотком свободы безвозвратно потеряно, нами владеет печаль, а тени ушедшей войны незримо встают за спиной. Вряд ли кто-то уснёт. Я так точно.

Попав в комнату, отворачиваюсь сразу, как только взгляд падает на поднос с едой, которую девочки оставили для меня. Усевшись в углу, обхватываю колени руками. Сколько людей погибло! А то, что я заметила нечто похожее на платье, окончательно леденит моё сердце. По щекам скользят слёзы, а я кусаю губы. В полном молчании протекает ночь, с ним же встречаем рассвет.

Завтрак, который вносит норзийка, игнорируют все. Кирина вовсе сереет и прижимает ладонь ко рту. Миг, и она, вскочив, бежит к отгороженному занавесью углу. Раздаются характерные звуки. Золетта хмурится:

— Сообщу Сеоту, чтобы осмотрел её. — Обводит нас холодным взглядом. — Есть не будете? Тогда...

Я поднимаюсь с пола и, с трудом распрямляя затёкшие ноги, говорю прежде, чем норзийка закончит:

— Да, уже иду.

— Не сегодня, вельера, — отрицательно качает та головой и поворачивается к Лизии. — Лорд ожидает тебя.

Подруга встаёт и вяло отряхивает юбку. Взгляд у девушки такой, что сердце ноет. Когда они исчезают за дверью, Деглия неуверенно произносит:

— Это странно. Обычно лорд первой вызывал тебя, Орелия. Что случилось вчера?..

— Ничего, — отвечаю слишком поспешно и растягиваю губы в неискренней улыбке. — Видимо, норзийцу пока не требуется помощь бытового мага.

Иду в угол, который превратили в умывальню, и помогаю Кирине. В помещении снова воцаряется тишина, которая продолжается до самого прихода целителя.

— Приветствую, о лучезарные, — восклицает Сеот, и словно становится светлее. Даже чёрные от копоти стёкла, едва впускающие свет, кажутся чуточку прозрачнее. — Кто из вас ощутил недомогание?

Судя по виду, услугами целителя не прочь воспользоваться все, но я обращаю его внимание на Кирину.

— Её тошнило всю ночь. Уже нечем, но позывы не прекращаются.

Мужчина, нахмурившись, склоняется над девушкой. Пробегаясь длинными тонкими пальцами по лицу, интересуется:

— Что она ела?

— Что и все, — пожимаю плечами и не сдерживаю мрачной усмешки: — Будто есть другие варианты.

— Верно, — ничуть не смущается Сеот и прислушивается к пульсу геллерийки.

— Она очень сильно испугалась, — объясняю я и, не зная, как передать весь испытанный нами ужас, замолкаю. Любое слово может нас выдать. Не стоит забывать, что этот улыбчивый мужчина всё же норзиец. С трудом продолжаю: — Ей приснилось нечто очень ужасное. Последствия войны.

— Ясно, — коротко отвечает он и раскрывает принесённый с собой мешочек. Звенят пузырьки, шуршат бумажные пакетики, когда целитель ищет нужное лекарство. — Я дам успокоительное. Постарайтесь не шуметь, чтобы она поспала...

— А можно... — выступает вперёд Эллон. Обычно молчаливая, она впервые подаёт голос тогда, когда её ни о чём не спросили. — Можно лекарство всем нам?

Целитель выпрямляется и бросает на неё изучающий взгляд, затем осматривает всех девушек и останавливается на моём лице. Прищурившись, уточняет:

— У вас что-то произошло? — Я мотаю головой, но черты Сеота становятся острее. — Что бы ни произошло, об этом должен узнать лорд Вирг. Если кто-то из стражей...

Он замолкает и многозначительно приподнимает бровь. Ощущая, как краснею, я взмахиваю рукой:

— Нет! О Гетта, нет... — Понимая, что нужно объяснение, которое удовлетворит целителя, пожимаю плечами: — Просто... Мы здесь уже несколько дней взаперти. Без солнца, без свежего воздуха, в ожидании чего угодно. Сами понимаете, напряжение накапливается...

— Понимаю. — Кажется, его устраивают мои слова, и я выдыхаю с облегчением.

Если до лорда дойдут слухи о нашей ночной вылазке, у двери снова будут дежурить стражи, и тогда мы опять будем спать по очереди. А при дежурстве Орида никто не сомкнёт глаз. Одно присутствие этого стража вселяет в душу дикий страх, больше которого лишь ужас перед самим лордом Тьмы.

Я отказываюсь от лекарства как раз поэтому: если все девушки уснут, кто-то должен хранить их сон. Тем более мне удалось урвать пару часов и подремать после долгой и изнурительной «прогулки» по северному крылу замка.

Позабывшись о Кирине, целитель неторопливо складывает пузырьки в мешок, будто не желает покидать нас. Я тоже хочу, чтобы он задержался. Несмотря на то, что Сеот норзиец, мужчина не вызывает страха... Зогг подери! Он единственный, с кем можно нормально поговорить.

— Как ваш шкаф? — выпаливаю, когда он поднимается. — Получилось поставить полки?

Сеот с улыбкой опускается обратно и, глядя на меня, мягко отвечает:

— Всё хорошо, вельера. Благодарю вас за помощь.

Задыхаюсь на миг — он первый, кто не относится к бытовому магу так, будто чинить всё подряд — моя безусловная обязанность. Щёк моих касается жар. Я отворачиваюсь и поправляю тонкое покрывало на плечах спящей Кирины.

— Это было несложно. Жаль, что лорд не позволил мне доделать то, что я начала.

— Лорд не позволил? — Кажется, он удивлён. Но в следующее мгновение по лицу Сеота пробегается лёгкая тень понимания, губы изгибаются в невесёлой улыбке. — Ну конечно...

— Что? — настораживаюсь я и смотрю на него. — Вы о чём?

Он задумчиво молчит, взгляд целителя опускается на моё предплечье. Я машинально касаюсь золотистой вязи, в памяти вспыхивает ненароком подслушанный разговор. Голос мой понижается до шёпота, будто я затрагиваю некую тайну:

— Вы про «мрак»? Слышала, что это, — движением головы указываю на благословение Гетты, — способно на него как-то подействовать...

Он неожиданно закрывает мне рот и оглядывается так опасно, будто ожидает увидеть за спиной Орида с мечом в руках. Бледнея на глазах, подаётся ко мне, вторая ладонь целителя накрывает мою.

— Кто вам сказал?.. Не важно! Вельера, прошу, ради вашей безопасности лучше никому об этом не говорить.

Осторожно отодвигаюсь от него и высвобождаю руку.

— О мраке?

— Нет. — Он смотрит пристально, в синих глазах вспыхивает тревога. — О другом...

— Хорошо. — Подумав, я решаюсь задать вопрос: — А что за мрак такой? Или это тайна?

Плечи Сеота приподнимаются, будто мужчина задерживает дыхание. Мазнув взглядом дверь, он вновь поворачивается ко мне.

— Вельера, вы же знаете, как в Норзии становятся магами?

— Откуда? — горько кривлюсь я. — Слышала что-то про наследственность и тёмную силу Зога. Говорят, она ужасна и разрушительна.

— Верно, — кивает целитель и, проведя пятернёй по густым волосам, добавляет мрачно: — Разрушительна, как обоюдоострый меч.

Затаивая дыхание, сердцем ощущая, как важен рассказ Сеота для будущего. Не только моего, а всей Гельерии.

Глава 12

В комнате царит мягкая тишина, которую лишь иногда прерывает сладкое посапывание какой-либо из девушек. Я обвожу спящих внимательным взглядом и качаю головой: бедняжки так напугались, что глаз до утра не сомкнули. Неудивительно, что лекарство Сеота соблазнило всех.

Кроме меня.

Поворачиваюсь к целителю и замечаю на привлекательном лице задумчивое выражение. Синие глаза темнеют, уголки губ опускаются, будто тема мрака болезненна. Возможно, именно поэтому мужчина не спешит делиться со мной тайнами норзийцев, и я прерываю затянувшееся молчание:

— Когда-то, ещё когда была совсем девочкой, я мечтала стать мужчиной и отчаянно завидовала отцу. Даже наряжалась в одежду брата и подражала его голосу и повадкам.

Мои слова выводят целителя из напряжённого оцепенения.

— Почему? — растерянно моргает он, оглядывает меня с головы до ног, и я замечаю неприкрытое восхищение. — Вы прекрасны!

— Но не свободна, — равнодушно пожимаю я плечами. — Магия мужчин стабильна с самого рождения, а вельеры получают благословение лишь после замужества. Или не получают... Мне так хотелось помочь отцу, но приходилось делать это тайком, молясь милосердной Гетте, чтобы магия сработала. Знаете, каково это — ощущать себя деревом без корней? Чувствовать силу в руках, не зная, как она себя поведёт? Это будто...

— Меч без рукояти, — неожиданно кивает он.

Я на миг замираю от жуткого сравнения и мотаю головой:

— Нет. Моя сила никому не вредит.

— В отличие от мрака, — эхом вторит целитель.

По спине моей ползут противные мурашки. Да что же за мрак такой? Но я молчу, чувствуя, что сейчас Сеот готов раскрыть мне это. Возможно, норзийца подтолкнула к рассказу моя откровенность. А может, он ждал, убеждаясь, что девушки крепко спят.

— Вы говорите о своей магии как о благословении... — Речь целителя едва слышна, и я подаюсь вперёд, чтобы не упустить ни слова. Сердце колотится в груди громко и размеренно, будто секрет магии северян откроет мне нечто важное. — ...А мы принимаем силу как проклятие.

— Почему? — удивляюсь я и, вспомнив о разрушительной магии лордов Тьмы, осекаюсь. Шепчу: — Чем норзийцы платят за своё могущество?

Сеот печально улыбается, а в глазах мужчины снова мелькает восхищение.

— Вы умны, вельера. Уверен, вы сможете понять мои слова правильно. Но примет ли их ваше горячее сердце? Наверняка война оставила шрамы и в вашей душе.

Я тянусь и касаюсь кончиками пальцев предплечья мужчины.

— Расскажите мне. — Сжимаю его руку, едва Сеот пытается отстраниться. — Пожалуйста!

— Хорошо, — сурово кивает он и придвигается вплотную, шепчет мне на ухо: — Когда норзиец

достигает половозрелости...

Дверь с треском распаивается, и я едва сдерживаю вскрик при виде смертельно бледной Лизии. Она вихрем перемещается через всю комнату, чудом не наступив на спящих девушек, и, рухнув на колени в самом дальнем углу, вжимается в стену с такой силой, будто желает слиться с ней воедино.

— Что случилось?! — вскакиваю я и подбегаю к подруге.

Она дрожит всем телом, а широко распахнутые глаза пусты, будто девушка меня не видит.

— Мне пора, вельера, — слышу за спиной напряжённый голос Сеота.

Обернувшись, успеваю заметить, как у выхода мелькает взметнувшийся плащ целителя, а потом со стуком захлопывается дверь. Шиплю сквозь зубы, досадуя на то, что случай помешал узнать нечто важное, о чём норзийцы не распространяются. Увы, Сеот воспользовался неожиданным появлением Лизии и избежал моих расспросов.

Я же вновь поворачиваюсь к подруге и быстро осматриваю её. И вижу то, чего не заметила с первого взгляда, — её лиф был надорван, будто некто попытался разорвать на девушке платье.

Мгновенно охваченная гневом, я выпрямляюсь и сжимаю кулаки — не секрет, кто сделал это!

— Вот же ублюдок! — топаю от ярости и снова опускаюсь перед подругой. Обхватываю её ледяные ладони своими. — Лорд сделал тебе больно?

Сердце колотится так часто, что темнеет перед глазами. Вспоминаю мощную фигуру и жёсткие руки Вирга, его тёмный, полный жажды взгляд и злюсь ещё сильнее. Трясу подругу за плечи:

— Ответь же! Что Вирг сделал?!

— Орелия?

Девушка моргает, будто только поняла, кто перед ней. Губы её дрожат, по щекам катятся крупные слёзы.

— Орелия...

Всхлипывая, она прячет красное лицо в ладонях. Я ещё раз окидываю девушку пытливым взглядом и провожу кончиками пальцев по наливающемуся синевой пятну на её предплечье.

— Мразь! — От ярости с языка срываются слова, которых я не произносила ни разу в жизни, но приличными не описать этого подлеца. — Вирг хотел взять тебя силой?

— Что? — Лизия дрожит сильнее и, метнув перепуганный взгляд на закрытую дверь, отчаянно мотает головой: — Нет, лорд не виноват. Я... сама...

— Зачем ты лжёшь? — Ахнув, я сжимаю пальцы в кулаки. — Будто я не знаю, что у норзийца на уме. Он и меня пытался соблазнить. В первую же встречу приказал лечь с ним. Ненасытный сластолюбец! Ох, это же с самого начала было понятно. Помнишь того блондина? Он попросил лорда отдать тебя или меня, а Вирг сказал, что сам справится. Все эти дни он тянул время, играя с нами.

Ощущая, как ярость клубится в груди, будто удушающий туман, я не могу остановиться. Злюсь на лорда, который только что подтвердил свою истинную сущность, и на себя, что порой видела в норзийце не врага, а привлекательного мужчину. Презираю себя за то, что нравилось прикасаться к нему и купаться в его очаровывающем аромате.

— Теперь мне всё понятно, — цежу слова сквозь зубы. — Вирг изматывал нас, доводил до края страха. Выпытывал о жизни, чтобы страстно мечтали вернуться домой. Терзал разговорами наедине, чтобы от безысходности сами бросались к нему в объятия, желая прекратить этот кошмар. Надеюсь, что ублюдок отпустит нас! Этот монстр...

— Заткнись!

Поперхнувшись остатком фразы, смотрю на Лизию удивлённо. Девушка никогда не повышала голоса, ни разу не разговаривала со мной непочтительно — всё же я выше её по положению. Но сейчас она крикнула на меня?

— Лизия, как ты можешь?! — Смаргиваю выступившие от обиды слёзы. Пытаюсь понять, почему она это сделала, и пересиливаю себя. Поглаживая плечо девушки, успокоительно добавляю: — Прости, что я вспылила. Ты только что пережила такой ужас, а я болтаю невесть что. Но лорд Вирг,

он...

— Не такой монстр, как ты утверждаешь! — неожиданно выпаливает она и отшатывается. Глаза девушки сверкают безумием. — Знаешь, Орелия, ты права. Пора уже сделать это. Я больше не могу оставаться здесь ни дня. Ни часа... Ни минуты!

Она вскакивает и, поправив волосы, разглаживает дрожащими ладонями смятую юбку, а затем решительно направляется к двери. Я подпрыгиваю и бегу за ней, пытаюсь остановить:

— Нет, Лизия, не ходи к нему!

— Кто ты мне? — смотрит она на меня пустым безжизненным взглядом. — Отец? Мать? Сестра? Муж? Как смеешь останавливать меня?

Я растерянно замолкаю, не зная, что ответить. Лизия вырывает руку и исчезает за дверью.

Глава 13

Подхожу к выходу, но замираю и нервно оглядываюсь на спящих девушек. Даже наш разговор на повышенных тонах не разбудил их. Какой крепкий сон от лекарства целителя! Я не могу оставить их одних — это опасно! Но и Лизию не могу отпустить.

Отпустить? Она уже ушла. Убежала так, будто за ней стая волков гналась. Сердце разрывается от одной мысли о том, на что подруга решилась. И злость на лорда достигает жгучей ненависти. Добился своего! Варил лягушек в холодной воде, сами не заметили, как дошли до кипения.

Ох, стыдно признаться, я и сама едва не поддалась!

Пытаюсь себя убедить в том, что Лизия не ребёнок и может принимать самостоятельные решения. Подруга права — я ей никто. Даже вельер не имеет права диктовать свою волю, кому кого любить. А лорд — да. Но вот речь не идёт о любви... И девушка выскочила из комнаты явно сама не своя и потом пожалеет о своём поступке.

Не знаю, что у них произошло, но... Милосердная Гетта, что мне делать?! Чувство беспомощности и страх за подругу раздирают меня на куски.

Вздвогнув, я снова бегу к двери. Распахиваю её и оглядываю пустынный коридор. Золетта уводила Лизию к лорду утром, должно быть, она и привела её обратно. А теперь снова сопровождает девушку к норзийцу? От волнения за подругу я не заметила, был ли кто здесь, когда девушка вбежала в комнату. Нахмурившись, припоминаю взгляд целителя — Сеот поспешил исчезнуть сразу, как только посмотрел на выход.

Не потому ли он ушёл? Кто-то застал норзийца в момент, когда тот едва не выдал мне некую тайну... К Зоггу это! Что мне делать сейчас?

Не в силах мучиться, оставаясь в бездействии, я решительно вышла из комнаты. Несколько минут уходит на то, чтобы приладить полоску прихваченной с собой шали в зазор между полотном двери и стеной. Немного магии, окутывающей воздушными завитками из золотистой пыли, и тонкая ткань приобретает структуру камня.

Да, я практически замуровываю своих подруг, но это единственный выход сейчас. Мне нужно остановить Лизию, пока она не сделала себе ещё хуже. А потом я вернусь и потихоньку сниму своё воздействие. О том, что это немного сложнее, пока не думаю. Справлюсь!

Убедившись, что дверь открыть не удастся никому, если только её не сломают, я бегу по коридору. Шуршат юбки, сквозняк обдувает лицо. Вспоминаю, как лорд записывал, сколько нужно купить стекла, чтобы починить все окна... Вот вовремя, право!

Дорога до кабинета Вирга за прошедшие дни отпечаталась у меня на подкорке — кажется, я найду её с закрытыми глазами. Ворвавшись в кабинет без стука, я готовлюсь спасти отчаявшуюся подругу из объятий отвратительного лорда...

Вирга здесь нет. Лизия не вернулась. Где же она?!

Гляжу на пустую кровать и понимаю, что дела обстоят хуже, чем я предположила. И снова вспоминаю, как подруга вбежала, прижимая руку к разорванному лифу, как защищала норзийца, как заявила, что отдастся ему, лишь бы больше не оставаться в Ройепине.

Спина холодеет. Покачнувшись, я хватаюсь за стену и медленно выхожу из кабинета лорда. Перед глазами проносятся воспоминания, одно за другим, повергая меня в шок. Как Лизия дрожит, когда открывается дверь. И облегчение на её лице при виде входящей Золетты. И ужас, если это страж...

Кусая губы, я осматриваюсь и прислушиваюсь к множеству доносящихся звуков. Бреду вперёд, стараясь собраться с духом и спуститься на первый этаж. Ещё вчера я мечтала хоть как-то сменить картинку перед глазами и выбраться из опостылевшей комнаты. Сегодня я хочу вернуться туда и замуроваться изнутри. Но я не могу. Не имею права.

— Где же ты, Лизия? — шепчу, едва сдерживая слёзы.

Замираю, услышав странный звук. Когда он повторяется, делаю шаг навстречу, с ужасом понимая, что это сдавленные всхлипы. И стоны... Кожа на лице мертвеет, тело пронзает дрожь дурного предчувствия, но одеревенелое тело продолжает идти вперёд.

Дохожу почти до того места, где вчера мы проникли в секретный ход, когда раздаётся низкий, пронизывающий до костей смех Орида:

— Я кончаю!

У меня подгибаются колени, и я опираюсь о стену. Осторожно выглядываю из-за угла и ужасаюсь открывшейся картине. Лизия на полу, юбки задраны до обнажённой груди, лиф на которой разодран до пояса. Голова девушки повернута в мою сторону, и широко распахнутые глаза заполнены слезами, а рот закрывает грубая ладонь стража.

Орид, нависая над девушкой, размеренно и сильно двигает бёдрами, и его крепкие ягодицы сжимаются между широко разведённых ног Лизии. Над ними стоит второй страж, имя которого я не знаю. Норзиец жадно наблюдает за движениями мужчины, которые становятся всё резче, и сжимает рукой свой член. Сердце моё пропускает удар, желудок сжимается, к горлу подкатывает тошнота.

Орид последний раз дёргается и со стоном замирает над девушкой, которая лишь смотрит в сторону невидящим взглядом и тихо всхлипывает. Мужчина рывком поднимается, его влажный от крови и всё ещё эрегированный член покачивается, когда страж поправляет штаны, пряча его. Лизия лежит без движения. Кажется, у неё нет сил, чтобы свести ноги вместе или прикрыться.

— Давай быстрее, — кивает он на девушку, и я в изнеможении сажусь на пол, не желая верить ужасу, который происходит на моих глазах.

— Нет, Орид, — отступает второй.

— Что? — смотрит на него страж со шрамом. — Хлебнул за завтраком зелья Сеота?

— Если лорд узнает... — начинает тот и, бледнея, замолкает.

Взгляд его устремляется к девушке, кадык дёргается.

— Откуда? — хмыкает Орид. — Вирг в деревне, к его приезду девка исчезнет. Сбежала и дело с концом.

— Кровь, — тихо говорит второй. — Ты говорил, что лорд трахает их каждый день, но эта была девственницей.

— Может, у него член с палец, — зло отвечает Орид и пинает Лизию в бок. Я судорожно втягиваю воздух, но девушка лишь слабо вздрагивает, продолжая пялиться в никуда. — Слушай, Дилид, или ты трахаешь её, или я трахаю тебя. Усёк?

Второй начинает медленно склоняться к Лизии, а я поджимаю губы и с трудом поднимаюсь на ноги. Да, это опасно, но я не позволю им сделать это снова. Взгляд быстро скользит по потолку, на котором я подмечаю покосившуюся балку. Ломать сложнее, но я сделаю это. И как можно быстрее! Стараясь не отвлекаться на то, что происходит за углом, сосредотачиваюсь на трещине в обструганном дереве.

Для того чтобы создать что-то или починить, требуется вложить материал и силу. Чтобы разломать, приходится тратить магии намного больше. Сжимая зубы от напряжения, я понимаю, что после этого буду слаба, как бескрылая птица, и эти мужланы не упустят момента. Рухнувшая балка их отвлечёт, но что потом? Далеко нам не уйти...

Краем глаза замечаю, как второй стягивает штаны ниже и устраивается между ног Лизии, а Орид с усмешкой наблюдает за ним. Сдерживая стон, вливаю в потолок силу, и она клубится, разливаясь по поверхности матовым золотом. Наконец раздаётся треск и, наполняя коридор грохотом, часть потолка рушится.

Крупный обломок падает прямо на Орида, и мужчина закрывается руками, но я замечаю

рассечённую щеку с другой от шрама стороны и не сдерживаю жёсткую усмешку: так тебе! Отскочив от стража, кусок дерева падает на второго... Раздаётся крик и ругань.

Не теряя времени, я бегу к ним и, спихнув стража с подруги, подхватываю девушку под руки. Едва дыша от напряжения, как можно быстрее тяну её в сторону. Когда мы оказываемся у потайного хода, отпускаю Лизию и открываю спасительный тоннель. Втащив подругу, стучу по камню изо всех сил, чтобы перегородка вернулась на место, потому что к нам уже бежит злой как Зогг Орид. Окровавленное лицо стража искажено от ярости, в руках сверкает меч.

— Ну же! — бью по выступу, и стена наконец смыкается, в последний момент отсекая от нас злого насильника.

Но не успеваю я перевести дыхание, как раздаётся страшный удар и с потолка сыпется каменная крошка, — Орид пытается проломиться к нам. Стекаю на пол и, обнимая тихо всхлипывающую подругу, зажмуриваюсь от ужаса. Что будет, когда страж проникнет сюда? Что с нами будет?!

— Вирг, — срывается с моих губ. Сама не знаю, почему я зову лорда, но задумываться об этом нет сил. Я цепляюсь за имя норзийца, как утопающий за соломинку. — Вирг...

Глава 14

Мои руки обнимают тело Лизии, и девушка кажется мне такой холодной и безжизненной, что я ощущаю, как по щекам текут слёзы. Грудь давит чувство вины, и я шепчу:

— Прости, что не остановила тебя. Гетта! Мне так жаль, что не так поняла твои слова... Не услышала, не догадалась... Подонок! Как давно он пристаёт к тебе? Почему ты ничего не рассказала?

Лизия не отвечает, да я и не жду. Сомневаюсь, что она слышит меня после того, что ей пришлось пережить. Всклипываю и зарываюсь лицом в её мягкие волосы. Вздогнув от очередного удара, сосредотачиваюсь на зловонии, намекающем на близкое соседство со смертью. Мыслями тут же завладевают вопросы, ответы на которые никогда не станут известны.

Думаю о том, почему и как погибли эти люди. Это лучше ужасающего ожидания того, что нас с Лизией ждёт, когда разъярённый ранением Орид проломит стену. Что же произошло? Почему эти люди погибли? Возможно, жители Ройепина спрятались в тайном месте, надеясь переждать нападение врага. А может, они пытались убежать, но не получилось. Завалило вход? Или норзийцы узнали о тоннеле и подожгли выход? Тогда все погибли в дыму...

Стены сотрясает страшнейший удар, от которого пол ходит под нами ходуном. Гетта! Чем страж орудует? Будто в замок врезалось стенобитное орудие. Но в следующее мгновение это меня не заботит. Я цепенею, различив свет в разломе камня, и прижимаю к себе молчаливую Лизию. Сил на то, чтобы сломать потолок, у меня ушло много, я сейчас и носок не заштопаю... Да и что может бытовая магия против острого меча?!

Щель быстро расширяется, и моё сердце заходится в бешеном ритме. Щурясь от яркого, после полной темноты, света, вижу огромный силуэт. Но в руках мужчины нет оружия, а по плечам рассыпаются длинные волосы.

— Вирг! — вскрикиваю от радости и тут же прикусываю себе язык.

Он тоже враг! Кто может гарантировать, что этот человек не поступит так же, как Орид? Или ещё хуже?

— Она здесь! — бросается к нам мужчина. — Слава Зоггу!

Глаза мои привыкают к свету, и я замечаю за спиной лорда нескольких солдат, съёживаюсь и пытаюсь закрыть собой Лизию.

— Нет... Не надо, прощу!

Лицо Вирга каменеет, крылья носа подёргиваются.

— Пахнет кровью, — сжимая горячие ладони на моих предплечьях, рычит мужчина. Я леденею, когда белки его глаз наливаются чернотой. — И спермой!

Через мгновение пальцы лорда освобождают меня, лорд медленно поднимается и разворачивается к выходу из потайного хода. Наступает настолько мёртвая тишина, что слышу, как поскрипывает каменная крошка под сапогами из кожи синего василиска.

— Орид! — Не узнаю голос Вирга, настолько низким и вибрирующим тот становится. По коже пробегают мурашки от жутких нот разъярённого хищника. — Ко мне!

Воины расступаются, открывая взору стража, на лице которого разливается смертельная бледность. Лизия при виде его хрипит и, вырываясь, отползает дальше по тайному ходу, стараясь спрятаться в тени. Я всхлипываю и снова обнимаю её. Вирг, обернувшись, смотрит на нас, и взгляд его настолько тяжёл, что становится невозможно дышать. В завораживающей черноте, разлившейся между веками, невозможно различить ни белка, ни радужки, ни зрачка...

Лорд поворачивается к солдатам очень медленно, и кажется, за это время никто не дышит. Орид падает на колени так резко, будто ему ударили мечом по ногам.

— Мой лорд, — голос мужчины звенит от ужаса, — пощадите...

Но в следующий миг хватается за горло и, вытаращив глаза, захлёбывается в крике. Вокруг всё темнеет, и я с ужасом понимаю, что тьма распространяется от Вирга. Страшный чёрный свет волнами вырывается из его тела, заполняя всё вокруг мутной серостью. Фигуру Орида окутывают вихри сгустившейся силы северянина. Они, будто щупальца сказочного чудовища, душат стража в смертельных объятиях...

Мрак!

Воины один за другим падают на колени. Рты их распахиваются, раздаются стоны, будто никто не может сделать ни вдоха. Хуже всех страдает Орид, кожа стража сереет, глаза наливаются кровью. Нас с Лизией мрак не касается, будто сила воздействует только на тех, на кого смотрит лорд Тьмы...

— Ты ослушался моего приказа.

Голос Вирга звучит холодно и ровно, в нём уже нет рычащих нот, но интонация пугает до остановки сердца. Кажется, что именно так говорит смерть.

— Не принимал зелье.

Ощущая, как леденеют руки, а кровь в венах стынет и лёгкие отказываются работать, я мечтаю, чтобы лорд замолчал. Его голос убивает быстрее мрака, что выжимает из воинов воздух.

— Коснулся моей женщины.

Я смотрю на Лизию, лицо которой становится совсем белым, а губы синими. В широко распахнутых глазах появляется облегченное смирение, будто девушка рада скорой смерти.

— И будешь казнён немедленно.

В следующий миг блестящие щупальца, обвивающие тело стража, становятся толще и начинают излучать жуткое чёрное сияние, полностью скрывая тело мужчины из вида. От хруста, который разливается вокруг нас кошмарным звуком, сжимается затылок и темнеет перед глазами.

Орид мёртв, я уверена. Но радости его гибель не доставляет. Скоро этот мрак прикончит и остальных воинов... да и нас с Лизией. Глянув на смертельно бледную девушку, я решаюсь. Осторожно опускаю её неподвижное тело и с трудом поднимаюсь на ноги. Придерживаясь за стену, слабо покачиваясь, бреду к лорду. С каждым шагом становится сложнее дышать, а вблизи тела норзийца сердце прекращает биться. Но есть кое-что похуже.

Шепчу в панике:

— Вирг...

Сейчас, стоя рядом и чувствуя исходящий от него могильный холод, я понимаю, что лорд тоже не дышит. Грудь его не вздымается, кожа теряет краски, будто норзиец и сам на грани гибели. Заглядываю в лицо мужчины, стараясь не замечать абсолютно чёрные глаза, выдыхаю:

— Очнитесь!

Он не реагирует, продолжая невидяще смотреть перед собой. Слышу за спиной сдавленные стоны умирающих и пытаюсь отвоевать у мрака хотя бы один глоток воздуха для последней просьбы. Хотя понимаю, что все мы обречены, но смириться с этим не могу. Протягиваю руку...

Тело северянина мерцает зловещей светящейся темнотой, и касаться его не хочется. Ощущая, что вот-вот потеряю сознание, сжимаю непослушными пальцами предплечье мужчины.

— Вернитесь, мой лорд.

По ладони прокатывается ледяной разряд, будто я падаю в холодную реку как раз за миг до того,

как воды пронзает молния.

Глава 15

Всё заканчивается так внезапно, будто это был лишь кошмар. Получив возможность дышать, я смотрю на Вирга, а он прожигает меня чёрным взглядом. Приказывает жёстко:

— Назад!

Отдёрнув руку, поспешно отступаю к пролому в стене и опускаюсь к неподвижной подруге. Лизия дрожит и слабо постанывает, а я не могу отвернуться от того места, где стоял Орид. От вида того, что осталось после стража, сжимается желудок. В коридоре пробуждаются шорохи — это воины поднимаются с колен. Головы опущены, плечи напряжены, челюсти сжаты. Ни слова, ни взгляда на лорда.

— Уберите это.

Голос Вирга звучит скрипуче, будто северянин за несколько минут постарел на век. Дыхание вырывается со свистом, словно мрак до сих пор душит его. Я взволнованно наблюдаю за норзийцем, отмечаю, как тот покачивается. Как подрагивают его крупные кисти рук. Кажется, мужчина ощущает мой взгляд, потому как оборачивается и замирает.

Отворачиваюсь, не в силах выдержать вид абсолютно чёрных глаз, слышу тяжёлый вздох. Лорд опускается на одно колено и твёрдо отстраняет меня. Подхватив тело Лизии на руки, встаёт и, впечатывая шаги в каменный пол, удаляется. Я подсакиваю так резко, что кружится голова...

— Стойте!

Перед глазами темнеет, и мне кажется, что я лечу... Скорее всего падаю, но тут же меня кто-то поддерживает за плечи. Вскрикнув, отшатываюсь к холодной стене. Слышу взволнованный голос:

— Не бойтесь, вельера. Это я — Сеот. Я помогу вам. Обопритесь на мою руку.

— Сеот? — недоверчиво шепчу я.

Да, голос мне знаком, но пережитый ужас не позволяет довериться кому-либо из мужчин... Разве что кроме Вирга. Но он ушёл, оставив меня. И от этого в груди будто проворачивают кинжал. Отмахнувшись от странных ощущений, я цепляюсь за протянутую руку и прошу:

— Проводите меня к лорду!

— Орелия, вам лучше...

— Умоляю! — перебиваю я, не желая выслушивать. Что бы целитель ни собирался сказать, я не могу оставить Лизию. — Мне нужно быть рядом с подругой. Она... сильно пострадала...

— Я знаю. — Он ведёт меня так осторожно, будто я смертельно больна.

У меня перед глазами всё расплывается от слёз, и помощь норзийца действительно необходима. А если вспомнить о воинах, среди которых меня бросил Вирг, то жизненно важна.

— Сожалею, — продолжает Сеот. — Это моя вина...

— Вы тут при чём? — мрачно обрываю я, пытаюсь прекратить калейдоскоп жутких картинок, которые, кажется, будут преследовать меня до конца жизни. — Орид... Он монстр! Он её... Ох, Гетта!

— Я подозревал, что страж не выполняет приказ лорда, — упрекает себя целитель, — но не сообщил о своих наблюдениях. Первая ошибка.

— Первая? — вздрагиваю я, вспоминая взгляд, который Сеот бросил на дверь, когда появилась насмерть перепуганная подруга. Шепчу в ужасе: — Вы догадались, что Орид напал на Лизию?

Он кивает и виновато потупляется:

— Вы очень умны, вельера, и наблюдательны.

— Увы, это не так, — качая головой, корю я себя. — Я могла предотвратить трагедию, но поддалась ненависти к... — Поперхнувшись, поправляюсь: — Поддалась эмоциям. Набросилась на подругу вместо того, чтобы расспросить и остановить её от безумного шага.

— Нет, — возражает Сеот. — Это я не должен был оставлять вас одних. Надо было дождаться

возвращения лорда и лишь тогда сообщить ему о нападении. Мы потеряли драгоценное время. И чуть было не потеряли вас обеих. Уверен, Орид планировал избавиться от ваших тел... Как вы узнали, что там есть тайный ход?

— Возвращения? — вздрагиваю я и пытаюсь увести мысли целителя от опасной темы несостоявшегося побега. — Лорд отлучался из замка?

— Да, он посещал деревню, — кивает целитель и останавливается перед дверью в покои лорда. Смотрит пристально: — Не уверен, что вам стоит это видеть, вельера. Я позабочусь о пострадавшей, уверяю!

Сердце замирает: внутри моя подруга и... то, во что превратился лорд Тьмы. Отстранившись от мужчины, я толкаю рукой дверь и вхожу. Первое, что бросается в глаза, — распростёртое на кровати тело Лизии. Будто сломанная безжизненная кукла, девушка смотрит в потолок. Я бросаюсь к подруге и проверяю, дышит ли она.

И тут до слуха доносится тягостный хрип. Более всего он похож на предсмертный... Резко обернувшись на звук, вижу сжавшегося в углу лорда.

— О мой Зогг! — вскрикивает Сеот и бежит к норзийцу. Упав на колени, подхватывает лорда под руки. — Что произошло? — Полоснув по мне взглядом, цедит: — Он вызывал мрак?!

— А вы не знаете? — удивляюсь я. — Вы же были там.

— Когда я вернулся от Золетты, то увидел лишь спину лорда и вас, едва стоящую на ногах! — В голосе целителя металлом звенит обвинение. — Почему вы не сказали?

— Потому что вы не спрашивали, — поддаюсь я накатившей злости, поправляя волосы на бледном лице Лизии. — Лучше помогите ей, вы же целитель!

— Лорд в большей опасности, — наклоняется над мужчиной Сеот.

— Ну конечно, — кривлюсь я и беру подругу за руку: — Лизия, это я... Пожалуйста, посмотри на меня.

— Орелия! — зовёт целитель, вжимая мужчину в пол. — Помогите мне!

Замечаю, что тело Вирга будто бьётся в судорогах, и в груди ёкает. Поцеловав ладонь подруги, шепчу:

— Я скоро.

И приближаюсь к норзийцам. Смотрю настороженно:

— Что с ним?

— Мрак, — выплёвывает Сеот и, меняясь в лице, сурово просит: — Помогите удержать! Надо перевернуть его на бок. Его сейчас вырвет... О Зогг! Мои лекарства остались у Золетты, я не успею вернуться... Он же задохнётся! Что делать?!

Рот лорда открывается, и из него вытекает нечто чёрное, как жидкая сажа. Лицо белеет до синевы, и у меня леденеет затылок. Поддавшись импульсу, я опускаюсь на колени рядом с Сеотом, который всем телом наваливается на выгибающегося в агонии Вирга, и осторожно дотрагиваюсь до волос норзийца.

— Невероятно, — шепчет Сеот, когда тело лорда на миг замирает. Целитель пристально смотрит на меня. — Вельера, погладьте его ещё раз. Молю!

Я поглаживаю чёрный шёлк волос лорда, и Вирг перестаёт дёргаться в конвульсиях, рвота прекращается.

— Ещё, — требует норзиец и, поперхнувшись, добавляет мягче: — Пожалуйста.

Я провожу кончиками пальцев по гладкой коже лорда, как делала это раньше, убирая с лица лишнюю растительность. Убедившись, что пациент спокоен, Сеот поднимается и приближается к одному из тяжёлых, окованных железом сундуков. Откидывает крышку и вынимает огромный светло-сиреневый булыжник.

— Говорил ему, что так долго сдерживать мрак опасно, — размещая камень под боком Вирга, бурчит целитель. — Однажды проклятие станет настолько могущественным, что вырвется из-под контроля и уничтожит его самого.

— Как так? — размышляя о благословении Гетты, удивляюсь я. — Это же его сила.

Он бросает на меня колкий взгляд и кривит рот:

— Гельерийцы считают, что лорды владеют мраком, но на самом деле мрак владеет ими! Слабых убивает быстро, а сильных медленно и мучительно.

Когда Сеот достаёт второй кристалл, я вдруг догадываюсь, что это за камни. Перед внутренним взором возникает образ храма, внутри которого Никилия возносит молитвы милосердной Гетте.

Сила норзийцев — проклятие, умертвляющее самих северян. Обоюдоострый меч, от которого они ищут спасение. Завоёвывая чужие земли, убивая мирных жителей и разрушая их дома. В груди разливается холод, когда я смотрю на лорда, которому только что искренне сочувствовала. Вот зачем им наши храмы!

Глаза Вирга широко распахнуты, мрак в них медленно тает, возвращая природные краски. Пробую встать, но ледяные пальцы сжимаются на моём запястье с такой силой, что невозможно вырваться.

Глава 16

Качнув головой, просыпаюсь и испуганно оглядываю полутёмную спальню норзийца. Сколько прошло времени? В голове звучит многократно, будто призрачное эхо, «Прошу, останься». Может, поэтому я до сих пор сижу на полу рядом с неподвижным мужчиной? Или потому, что сильные пальцы сжимают моё запястье так, будто лорд пытается не удержать меня, а устоять на краю пропасти и не упасть во...

Вспоминаю его абсолютно чёрные глаза и леденю от ужаса, думая о том, что выходило из мужчины позже.

Мрак.

Северянин казался невероятно могущественным и опасным. Перед его чудовищной силой склонялись и воины, и вельеры Гельерии. Но в своих покоях, скрытый от посторонних глаз, Вирг корчился на полу так, что сердце замирало при виде его страданий.

Сочувствие и сейчас касается меня шёлковой гладкостью прежде, чем я успеваю себя одёрнуть.

«Орелия, посмотри на эти камни, — увещаю я себя. — Это был чей-то храм! Жрицы преклоняли перед алтарём колени, возносили молитвы милосердной Гетте, соединяли любящие сердца и утешали страдающие души. А северяне пришли и всё разрушили!»

Вздыхаю со стоном: не помогает. С одной стороны, я отчаянно ненавижу норзийцев, по вине которых погиб мой брат и пострадал отец. С другой, не могу смотреть на одного из них и не испытывать некоторой доли сострадания... Разрываясь между этими двумя чувствами, я снова пытаюсь высвободиться.

— Прошу, — снова шёпот, похожий на дуновение тёплого вечернего ветерка в зелёных листьях нагретой уходящим солнцем роци, — останься со мной. Умоляю...

И я сдаюсь. Снова.

— Милосердная Гетта, — ворчу, бессильно опуская руку. — Вам будто нравится издеваться надо мной. Я колен не чувствую, на запястье точно останутся синяки от вашей хватки. Я схожу с ума от беспокойства за Лизию, но не могу приблизиться к подруге.

— Я дал ей успокоительного, — закрывая дверь, сообщает целитель. Сеот снова куда-то ходил, оставляя лорда на меня, и от повисшего в воздухе доверия, которое проявляет ко мне норзиец, становится тепло в груди. — Целительный сон то, что ей сейчас нужно.

При этих словах я замираю от ужаса, только-только вспоминая о других девушках.

— Гетта... Как долго действует ваше зелье, Сеот? Ужас! Я же оставила подруг спящими в замурованной магией комнате!

— С ними всё будет в порядке, не волнуйся, — слышу бодрый голос Сеота. — Как и с Лизией.

Резко оборачиваюсь.

— Вы считаете?! — Голос мой дрожит от резко нахлынувшей ярости.

Целитель отводит взгляд и бормочет:

— Я имею в виду, что последствий на теле Лизии не останется. Я залечил разрывы и дал девушке зелье, прерывающее нежелательную беременность. — Выражение его лица каменеет, уголки губ опускаются. — Но исцеление душевных ран не в моих силах. Как и восстановление девственности. Увы, вельера. Зато я в состоянии зайти в покои к гельерийкам и передать весточку от вас. Мне всё равно предстоит отлучиться и проверить самочувствие Золетты.

Выпрямляюсь, ощутив неожиданно сильное волнение за женщину-воина.

— А что с ней?

Вспоминаю, что целитель упоминал о своих лекарствах в её комнате. Золетта заболела? Вот почему Лизию сопровождал Орид. Но реальность оказывается ужаснее.

— Она упала с лестницы сегодня днём, — поясняет Сеот. — Я узнал об этом, когда вернулся в замок вместе с лордом. Быстро осмотрел Золетту перед тем, как подняться к вам. Сломано несколько рёбер и бедро.

— Как же это произошло? — ахаю я, теряясь в жутких предположениях, в основном о подлости стража со шрамом на лице. — Её столкнули?

— Никто не видел, как это случилось. — Собирая лекарства в мешок, он пожимает плечами. — Надеюсь выяснить это сейчас. Когда я проверял Золетту, она была без сознания, но Тейг, передавая мне зелья, сообщил, что женщина очнулась. Кстати, старший страж тоже разделяет твои подозрения насчёт Орида.

— Монстр, а не человек, — ёжусь я, сочувствуя ещё одной женщине, пострадавшей сегодня от мёртвого стража. — Рада, что этот подонки за порогом жизни. Надеюсь, его заберёт во мрак ваш жестокий бог.

— Твоё проклятие исполнится, — неожиданно серьёзно подтверждает Сеот и отходит к двери. Не оборачиваясь, просит: — Ты же присмотришь за ним ещё недолго?..

— Безусловно, — спешу заверить я и, краснея, поправляюсь: — За ней. Я ни за что не оставлю Лизию!

— Я так и подумал. — В голосе целителя замечаю грустно-ироничную нотку и поджимаю губы. — Она проспит до утра.

Хлопает дверь, и за ней успеваю заметить Тейга, в руке которого блестит серебром обнажённый меч. Кажется, старший страж лорда готов порубить в фарш каждого, кто без спроса приблизится к покоям господина.

Передёргиваю плечами и опускаю взгляд на лорда. Лицо его по-прежнему бледнее выбеленного полотна, на лбу и над верхней губой блестят бисеринки пота, дыхание вырывается изо рта так дёргано, будто каждый вдох даётся с трудом и болью.

Вздыхнув, вынимаю из кармана платья платок и осторожно промакиваю ткань испарину. С каждым моим прикосновением лорд будто успокаивается, грудь его поднимается более ровно, лицо расслабляется. Нахмурившись, убираю платок и осторожно провожу кончиками пальцев по мужской щеке. Чувство тревожащей власти над могущественным воином смущает меня.

Уголки губ Вирга дрожат так, словно этот суровый человек вот-вот улыбнётся. Качаю головой: невероятно! Ни разу до этого я не видела улыбку на лице лорда Тьмы. Она кажется невесомой бабочкой, случайно опустившейся на окровавленное острие меча.

Касаюсь обозначившейся на щеке мужчины ямочки и затаиваю дыхание, чтобы не спугнуть чудесное видение. Может, ему снится что-либо приятное? Родина? Мама... Жена. Дети. Я не знаю, что лорд оставил в Норзии. Думать об этом неприятно, и я излишне пытливо принимаюсь рассматривать одежду северянина.

Только сейчас отмечаю, что норзиец одет, как подобает истинному вельеру. Наглухо застёгнутая рубашка, поверх стёганный жилет. Ноги обтягивают кожаные брюки бежевого оттенка. Синие сапоги лорда смотрятся нарядно и ничуть не угрожающе.

На миг представляю, что этот человек родился в Гельерии, в соседней велье. Мы встретились на балу одного из знатных вельеров, и молодой привлекательный мужчина пригласил меня на танец. А потом мы гуляли в благоухающем розами саду...

Чуть склоняюсь к Виргу и с удовольствием втягиваю исходящий от мужчины аромат терпкой соли и тёмного мускуса, на этот раз щедро приправленные сочностью зелени и сухостью дорожной пыли. Чутьочку похоже на то, как пахло от отца, когда тот возвращался из деревни. Рассматриваю вблизи

суровые черты северянина, и вдруг кусочки событий, услышанные слова начинают складываться в единую картину.

Когда меня накрывает пониманием, я удивлённо распахиваю глаза и смотрю на лорда так, будто впервые вижу.

— Не может быть!

Изумлённая невероятным открытием, не сразу замечаю, что Вирг очнулся. Лишь когда он притягивает меня к себе, заключая в капкан жёстких объятий, испуганно вскрикиваю.

Глава 17

Лорд прижимает меня к себе так крепко, что кажется, будто я слышу хруст собственных костей. Замираю в кольце мускулистых рук и, едва дыша, ощущаю, как подступает паника, но Вирг ничего больше не делает. Чувствую горячее дыхание на шее и тепло мощного тела северянина. Сглатываю подкативший к горлу ком и, кашлянув, хрипло говорю:

— Вы меня раздавите. Невозможно дышать!

Тиски его рук ослабевают ровно настолько, чтобы я могла втянуть воздух, но не сумела выбраться из объятий. Мужчина прижимает меня к себе бережнее, будто хрустальную вазу, но молчит. Через некоторое время я не выдерживаю и дотрагиваюсь до плеча Вирга.

— Э... Мой лорд... — Знаю, что это обращение из моих уст ему нравится, потому рассчитываю на то, что мужчина удовлетворит мою просьбу. — Мне нужно поговорить с вами. — В ответ лишь молчание, норзиец даже не шевелится. Добавляю твёрже: — Мы можем обсудить волнующий меня вопрос наедине?

Бросаю тревожный взгляд на Лизию, со стороны кровати не доносится ни звука, ни шороха. Хочется подойти и проверить, дышит ли она, но лорд не выпускает меня.

— Может, в вашем кабинете?

Я уже почти отчаиваюсь получить ответ и смиряюсь с тем, что Вирг будет обнимать меня так же долго, как держал за руку, как мужчина резко выдыхает и утыкается носом мне в волосы.

— Ты видела, что я такое, — тихо шепчет он. — Но после всего... как будто совсем меня не боишься.

— Боюсь, — возражаю и снова тревожно посматриваю на Лизию. Кажется, или девушка шевелится? — Очень боюсь! Да и как иначе? Видели бы вы себя со стороны! Глаза чёрные, сеющие смерть жуткие щупальца по всему замку, но...

— Но?

Не верю, что голос его дрогнул. Похоже, лорд смеётся надо мной. Мне же не до смеха, заявляю с чувством:

— Но вы спасли нас. Не знаю, что бы Орид сделал, доберись он до нас с Лизией первым. И не хочу знать! Моя подруга и так...

Голос мне изменяет, я быстро-быстро моргаю, стараясь остановить нахлынувшие слёзы. Неужели я сейчас, в объятиях самого страшного человека в замке, банально расплачусь? Да ни за что! Пытаюсь вырваться, но Вирг не пускает. Его ладонь касается моих волос, и я оторопело понимаю, что мужчина меня поглаживает по голове, словно маленькую девочку.

Но голос его звенит металлом:

— Так о чём ты хотела поговорить?

— Не могли бы вы отпустить меня? — снова стараюсь отстраниться.

Скупая ласка лорда настораживает меня... Потому что она слишком приятна. Поскольку я рискую поверить мужчине.

— Исключено, — отвечает он привычно. — Хочешь что-то обсудить, делай это сейчас. Когда я наберусь сил настолько, чтобы подняться, времени на это не будет.

— Ну конечно, — кривлюсь я в усмешке. — Вам некогда общаться с девушками, от которых вы потребовали право первой ночи. То людей убиваете, то осматриваете окрестности...

Он дёргает мой подбородок, заставляя посмотреть в глаза, и я замолкаю на миг. Вирг

прищуривается, губ его касается короткая усмешка:

— Это упрёк в том, что не уделяю тебе того внимания, что раньше? Мы не встречались один день, а ты готова устроить мне сцену ревности?

Вспыхиваю до корней волос от его намёка и игнорирую невежливое «ты». Сбрасываю с подбородка его пальцы коротким движением головы:

— Вовсе нет!

«Ты уверена? — не вовремя просыпается совесть. — Не потому ли ты так рьяно доказывала Лизии, что Вирг — чудовище? Испытала обиду за то, что первой он позвал не тебя? Часть тебя обрадовалась, что он повёл себя с гельерийкой как монстр?»

Снова мотаю головой и заявляю уверенно:

— Вы мне совсем не нравитесь. Более того, я вас...

Замолкаю резко, прижав ладонь к губам. Гетта, я едва не проговорила. Нельзя заявлять лорду, в руках которого жизни моих родных, что искренне и страстно ненавижу его. Впрочем, Вирг прекрасно понимает, о чём я умолчала. Но на лице его, вопреки ожиданию, появляется улыбка.

Сердце ёкает. Опять? Ох, эти ямочки... Надо запретить норзийцу улыбаться! Он становится похож на человека. На привлекательного мужчину...

— Ненавидишь меня, — едва ли не мурлычет он и отводит мою руку от лица. Так и светится самодовольством, когда шепчет: — И мне это нравится. Знаешь почему?

— Разумеется, — сухо отвечаю, стараясь не обращать внимания на его палец, поглаживающий мою щеку. — Вам нравится играть с нами.

— С тобой, — едва не смеётся он и прищуривается. — Мне нравится играть с тобой. Мечтаю приручить одну дикую гельерийку. Судя по всему, у меня начинает это получаться.

— С чего вы это взяли? — хмурюсь я.

— Увидев мою истинную суть, ты не сбежала, а осталась рядом. — Он подаётся ко мне, щекоча кожу лица горячим дыханием, повергая в смущение. — Это значит, в твоих глазах я не утратил человеческого облика. А за ненавистью так часто прячется совсем другое чувство...

— Я не сбежала потому, — краснея, поспешно обрываю его речь, — что вы держали меня за руку! — Показываю запястье и голубоватые пятна, оставшиеся после жёсткой хватки лорда. — И до сих пор не отпускаете. И, к вашему сведению, всё, что я к вам испытываю, — благодарность за спасение. И только.

— Проверим? — выгибает он бровь.

В следующий миг быстрой коброй сокращает оставшееся между нами расстояние, прижимается губами к моим, проникает в рот горячим языком. Творит им нечто совершенно невообразимое, что не делал никто. Исследуя моё нёбо, сплетается в невероятном танце с моим языком. Тело моё цепенеет, дыхание обрывается, мысли перемешиваются. Прежде, чем я успеваю взять себя в руки и оттолкнуть лорда, он отстраняется сам.

— Тебе нравится, — обрушивает он чудовищное обвинение. Будто видит меня насквозь. — Ты говоришь одно, а твоё тело утверждает другое. Признай, ты обижена, что сегодня я не позвал тебя.

Но это не так: невозможно знать наверняка, что чувствует другой человек, о чём он думает. Можно лишь предположить. Я бросаю на Лизию тревожный взгляд и, упираясь ладонями в каменную от напряжения грудь лорда, возмущаюсь:

— Да как вы можете?! — Продолжаю, вскипая от гнева: — Моя подруга серьёзно пострадала! Она лежит вон там, совсем рядом! Я мечтаю коснуться её руки и убедиться, что Лизия дышит. А вы... Вы человека убили! Ваши воины едва не погибли. Да вы и сами почти... Выглядели так, будто уже за порогом смерти. Гетта! Вас стошнило чудовищной субстанцией! Но всё, что вас интересует, — моя несуществующая обида?!

Ощувив, как лорд отодвинулся, я невольно сжалась, будто стало невероятно холодно. И почему чувствую себя болезненно одинокой без его рук? Это всё из-за пережитого потрясения. Я ищу защиты, и только. Тряхнув волосами, строго добавляю:

— Я ничуть не обижена, лорд Вирг. Я невероятно зла! Если бы вы вызвали меня, Лизию бы не...

Давлюсь остатком фразы и нахлынувшим чувством вины. Я тоже могла её остановить. Одёргиваю себя, напоминая, что ничего не исправить, — придётся жить с этим. Привычный план, которому нас всех научила война.

Гельерия пала, наши вельеры проиграли... Всё, что нам остаётся, — привыкать жить в новых условиях. Кланяясь врагу, примиряясь с тем, что они везде: на нашей земле, в наших замках... телах!

— Ваше право первой ночи не украли бы, — выплёвываю слова, будто ругательства.

Вирг поднимается и, не глядя на меня, поправляет свою одежду. Я прижимаю ладонь к одному из камней, которые раньше были стенами какого-то храма, будто в поисках поддержки. Озарение, посетившее меня, дарит мне надежду, что я смогу изменить судьбу девушек. Чтобы ни одна больше не пострадала.

Поглаживая полупрозрачный кристалл, я стараюсь, чтобы голос мой не дрожал:

— Вы поговорите со мной и сделаете это в вашем кабинете! — Он оборачивается, и я смотрю на мужчину исподлобья. — Если хотите услышать моё предложение... мой лорд.

Его пристальный взгляд давит на меня, вжимая в пол, будто показывает, насколько я неправа, выставляя условия лорду Тьмы. Опасному врагу, сила которого убийственна, но я выдерживаю напряжение.

Лорд отворачивается и неторопливо приближается к кровати. Берёт руку Лизии, будто проверяет пульс девушки.

— Твоя подруга просыпается, — слышу его ледяной голос. — Скажи Тейгу, чтобы проводил тебя к остальным, а потом позвал Сеота.

В груди всё сжимается — похоже, лорд не намерен играть по моим правилам. Но отступить я не имею права. Поднимаюсь и уверенно повторяю:

— Вы выслушаете меня.

— В моём кабинете, — не глядя на меня, неожиданно соглашается он. — Тейг придёт за тобой на рассвете.

И снова накрывает чувство, что я безнадежно проигрываю. Враг хитёр, опасен и умеет прятать истинные намерения. Что, если мои выводы не верны?

В любом случае, сейчас стоит позаботиться о Лизии. Позвать Сеота, а потом освободить девушек. Ох, они наверняка страшно напуганы!

Глава 18

Стоит мне вернуться к подругам, размуровать дверь и оказаться среди своих, как внутри меня будто что-то щёлкает. Ноги подкашиваются, перед глазами темнеет.

— Всё в порядке, — слабо улыбаюсь я девушкам и чувствую, что куда-то лечу.

Темнота принимает меня тепло, и то, что забытьё немного напоминает мрак, растекающийся от Вирга, почему-то меня успокаивает. Хорошо, что нет сил размышлять о странности подобной реакции. Часть меня понимает, что моё тело подхватывают ласковые руки, а в уши врывается беспокойный шум взволнованных голосов, но это отмечает лишь тень сознания. Я будто погружаюсь в полусон или спасительный обморок.

Время кисельно замедляется...

Чувствую прикосновение жёсткой ладони, отчего-то совершенно точно определяя её как мужскую, и немного расстраиваюсь, что меня посетил не лорд Тьмы. Раздражённая мысль о том, что этот человек последний, кого я жду, растворяется в приятной волне нахлынувшей безмятежности. Знаю, что её принесло мне странное на вкус зелье. Оно и сейчас обжигает нёбо горечью и оставляет послевкусие мятной свежести. Силуэты окружающих меня людей тают в окончательно завладевающей мною тьме. Такой желанной, такой мучительно привлекательной...

— Мой лорд, — шепчу я ей и утопаю в стыдном наслаждении.

Пробуждение обрушивается на меня требовательным стуком в дверь. Я резко сажусь и едва не падаю с кровати, на которую меня вчера уложили. То, что это было как раз вчера, понимаю по

пробивающимся через мутное стекло утренним лучам.

Кирина, которая сонно трёт глаза, вздрагивает от очередного стука и льнёт ко мне всем телом, будто перепуганная кошка.

— Что вам нужно? — прижимая к груди одеяло, хрипло спрашивает Кортотмия. Девушка сидит на матрасе и смотрит на дверь так, будто это коридор к смерти. — Кто вы?

— Тейг, — слышим глухой голос. — Лорд ожидает вельеру Орелию. Немедленно!

— Она больна! — неожиданно вмешивается Эллон.

И смотрит на меня с таким безмерным сочувствием, что всё внутри переворачивается. Сеот что-то им рассказал? Что именно? О Гетта! Судя по смертельной бледности, разливающейся на осунувшихся лицах, произошедшее с Лизией не тайна.

Вздрагиваю: Лизия! Откинув одеяло, вскакиваю с постели и кричу:

— Нет, я в порядке. Скоро выйду... Ой!

Перед глазами темнеет, и я цепляюсь за кровать, чтобы не упасть.

— Не пойдёшь, — поднимается Кортотмия. — Орелия, ты похожа на призрака. Сеот сказал, тебе нужно...

— Проверить, как Лизия, — сухо перебиваю я и выпрямляюсь. Поправив безнадежно мятое платье, которое оставалось на мне всю ночь, вдыхаю не очень приятный запах и с ужасом понимаю, что это от меня. — О нет. Я так и спала?

— Мы решили спать одетыми. — Кирина немигающе смотрит на меня.

Вздыхаю, понимая страх девушек... Вот только одежда не спасла честь Лизии. Обоняния снова касается то, чего я ощущать не хочу. Кажется, ткань насквозь пропитана наполняющим тайный ход зловонием, испачкана дымом от взрыва и покрыта пылью разрушенных стен. И лишь тонкий аромат тёмного мускуса останавливает меня от того, чтобы сорвать с себя наряд и выбросить в окно... Как, впрочем, и то, что больше надеть мне нечего.

Киваю, напоминая себе поговорить с лордом и об этом тоже, а сама проверяю, восстановилась ли моя сила. Я точно помню, что Сеот давал мне зелье, и скорее всего, это была настойка лицивника. Надеюсь... Проверить можно лишь одним способом. Протягиваю руки и, едва касаясь кончиками пальцев ткани на лифе, выпускаю несколько золотистых искр магии. Оборки на груди становятся пышнее, будто их только что накрахмалили. Облегчённо вздыхаю и увереннее провожу ладонями по платью.

Под действием моей силы тёмные пятна исчезают, ткань расправляется, неприятный запах улечивается. Подхватив одно из полотенец, я тороплюсь к занавеске. Отодвинув её, попадаю в маленький закуток, где нам приходится справлять нужду и приводить себя в порядок. Судя по тому, что кувшин рядом с металлическим тазиком полон воды, нам приставили другую женщину в услужение...

Интересно, как здоровье Золетты?

Быстро воспользовавшись ночным горшком, я брызнула себе в лицо ледяной воды и промокнула влажную кожу полотенцем. Теперь точно бодра и готова к новому сражению... То есть к участию в жестокой игре лорда Тьмы. И я буду не я, если проиграю снова.

Спешу к выходу, и больше никто не пытается остановить меня. Тейг разворачивается на скрип, и я замираю на миг. Вспоминается выражение лица этого немногословного мужчины, когда я заметила его вчера у покоев лорда с мечом в руке. Отвожу взгляд и быстро оглядываю ещё четверых стражей, которые замерли за спиной старшего.

Узнав одного из воинов, невольно отступаю и испуганно прижимаю ладонь к груди.

— Вам плохо? — хмурится мужчина и подходит, будто желая поддержать.

Я же не могу даже вдохнуть, потому что узнаю в нём того, кто вчера был сообщником Орида в ужасном преступлении. За тревогами и стремительными событиями я совсем упустила это!

— Ты! — Колени дрожат, сердце стучит всё быстрее. — Это же ты...

Лицо его на миг искажается в холодной ухмылке. Рука стража медленно и многозначительно опускается на рукоять заткнутого за пояс кинжала, бровь приподнимается, когда норзиец молча

указывает взглядом на дверь комнаты, из которой я только что вышла. Голос звучит раздражающе спокойно:

— Да, это я вчера приносил вам ужин. Лорд приказал усилить охрану, и теперь только я отвечаю за вашу еду. Также пробую её, чтобы убедиться в отсутствии зелий или отравы.

Затылок леденеет. Угроза! Намёк на то, что будет, если я не буду молчать. Обхватываю себя руками и с трудом отвечаю:

— Я поняла.

— Обопритесь на мою руку, — предлагает он, и я невольно отшатываюсь. Сжимаю кулаки, с трудом сдерживаясь, чтобы не залепить негодю пощёчину. — Я провожу вас.

— Это лишнее, — качаю головой и отступаю к старшему стражу. — Вчера лорд приказал мне следовать только за Тейгом.

Старший страж кажется спокойным, в ответ кивает и разворачивается, указывая дорогу, которую я и так помню. Через несколько шагов я оглядываюсь и встречаюсь взглядом с ухмыляющимся мерзавцем.

«Клянусь, ты ещё пожалеешь», — резко отвернувшись, мысленно обещаю ему.

Хочется вернуться и заново замуровать дверь, но я осаживаю себя. Во-первых, мне этого не позволят. Во-вторых, гельериек охраняет не он один. К тому же, пусть хоть посмотрит на девушек, и я точно не стану молчать! Молюсь милосердной Гетте, чтобы с подругами за время моего отсутствия ничего не произошло, и размышляю, как мне вывести насильника на чистую воду, никому не навредив. Кроме него самого, разумеется.

В кабинет лорда вхожу, погружившись в свои мысли. Тейг, поклонившись, закрывает дверь, и наступает звенящая тишина. Возникает желание спросить, где Лизия. Вчера мне пришлось оставить подругу в спальне лорда, и хотя я уверена, что Вирг не причинит девушке боли, всё равно тревога не даёт покоя. Но я молчу, предполагая, что норзийца разозлят мои слова. А это не самое благоприятное начало серьёзного разговора.

Собираюсь с духом, чтобы предложить северянину то, от чего он не сможет отказаться. Как мне кажется. Или я ошибаюсь? Перебираю по памяти события этих дней, вспоминаю поступки лорда и его слова. Если я права, то выход из нашего тяжёлого положения очевиден. Если нет, то...

Пора выяснить, так ли близки мои предположения к истине! Преодолев минутное сомнение, поднимаю голову и тут же тону в бархатной темноте взгляда норзийца. Кажется, за окном сверкает молния и доносится запах грозовой свежести, хотя только что сияло солнце.

Вирг стоит передо мной в полном обмундировании высшей касты северян. Синий расшитый золотом камзол делает его могучие плечи ещё шире, а кожаные штаны, обтягивающие мускулистые ноги, такие же синие, как и сапоги, не оставляют простора для фантазии. Поспешно поднимаю взгляд и отмечаю, что ладонь мужчины покоится на рукояти пристёгнутого к поясу меча, а волосы стянуты в хвост на затылке.

Лорд всем своим видом излучает силу и уверенность, его присутствие давит, но сердце сжимается от восхищения. Шикарный хищник, беспощадный красавец и очаровательный убийца...

С губ моих срывается шёпот:

— Я знаю, что вам нужно, мой лорд... Возьмите меня!

Глава 19

Нянюшка часто мне твердила, что истинная вельера сначала должна обдумать слова, которые желает произнести. После этого мысленно выбросить половину фразы. И перед тем, как открыть рот, решить, стоит ли это делать.

Я всё сделала, как учила Мина, так почему после произнесённых слов лицезрю на лице Вирга искреннее изумление? Тёмные брови норзийца ползут вверх, лицо вытягивается, кадык дёргается.

— Право, милая вельера, — справившись с собой, ухмыляется он и неторопливо сокращает расстояние между нами. Будто дикий кот подкрадывается к присевшей на землю птичке. — Тебе удалось меня поразить в третий раз. Обычно люди более чем предсказуемы. Рад, что встретил исключение из скучного правила.

Он замирает так близко, что я снова ощущаю аромат тёмного мускуса и невольно втягиваю воздух, наслаждаясь им...

И тут внезапной вспышкой на меня нисходит озарение. Я понимаю, почему именно лорд удивился. От осознания того, что мои слова восприняты не только неверно, но и в весьма фривольном контексте, цепенею. Вирг же протягивает руку, его пальцы нежно поглаживают мой подбородок, когда мужчина шепчет почти мне в губы:

— Ты же не надеялась, что я откажусь от столь сладкого предложения?

Мысли мои перемешиваются, я забываю все аргументы и выводы, которые собиралась описать. Теряюсь в попытках выбрать лучшее объяснение, чтобы показать лорду, как он неправ, но не могу выдать ни слова. Ощущая себя примороженной к месту, лишь хватаю ртом воздух... ровно до момента, когда рот норзийца накрывает мои губы.

И комната растворяется в накрывшем меня тумане наслаждения. Всё на свете становится неважным, мир перестаёт существовать. Остаются лишь эти твёрдые губы, ласкающие мои с неподдельной нежностью и страстью. Так, как никогда меня не касался ни один мужчина. Внутри тела поднимается волна нестерпимого жара, которая грозит разорвать остатки здравого смысла. Пугает и манит меня. Кажется, что поцелуи Сартена — лишь ничего не значащие прикосновения...

Мысль о муже пробуждает меня, даёт силы вырваться из сладкого плена. Я дёргаюсь, пытаюсь отстраниться, и обнаруживаю себя в объятиях лорда. Хуже того! Верх платья уже приспущен с плеча, а грудь обнажена... И накрыта крупной мужской ладонью.

Холодею... О милосердная Гетта! Когда это произошло? Что за жуткая магия ослепила мои глаза и без остатка растопила чувство стыдливости? Я отскакиваю от норзийца так резко, будто выпрыгиваю из горящего дома.

— Да как вы смеете?! — выдыхаю в гнев. Поправляя лиф платья, возмущённо продолжаю: — Я предлагала не себя, а свои знания и умения!

— Умения? — хрипло переспрашивает этот нахал и улыбается. О Гетта! Пусть он снова станет монстром с каменным выражением лица. Тогда мне будет проще его ненавидеть. — Думается мне, вельера, их не так много, раз обычный поцелуй едва не вынудил тебя кончить.

— Что? — растерянно моргаю я.

Смысл его фразы мне непонятен, но я знаю, что в словах мужчины нет и толики приличного. Это видно по влажно блестящим глазам лорда и по тому, как глубоко и сильно вздымается его грудь. А кожа штанов натягивается так, что вот-вот порвётся.

Отворачиваюсь, не в силах видеть его явное возбуждение. Старательно игнорируя внутренний голос, подталкивающий меня на безумный шаг зайти дальше дозволенного и узнать, что несёт с собой жаркая волна в теле, твёрдо говорю:

— Мне не ведомо, что это значит.

— И это ещё больше заводит, — слышу низкий голос, от вибрирующих ноток в котором в груди замирает сердце.

Но я не намереваюсь сдаваться. Ни ему! Ни себе...

— Поговорим серьёзно! Ваша заинтересованность настолько очевидна, что я не понимаю, почему вы сами не попросили моей помощи...

— Помнится, я сделал это в самую первую встречу, — вкрадчиво напоминает Вирг, и я зажмуриваюсь, вспоминая приказ прилечь с ним.

Втягиваю воздух в пылающие лёгкие и, сжав кулаки, разворачиваюсь к мужчине.

— Прошу, помолчите! Дайте мне сказать...

Охнув, прижимаю ладонь к губам. Что я говорю?! Даже отец не простил бы мне того, что я затыкаю его. А лорд Тьмы и вовсе должен прийти в ярость от этого.

Но Вирг в очередной раз удивляет меня. Расхохотавшись так безудержно, что и мои губы дрожат в тревожной улыбке, он качает головой:

— Я бы с удовольствием помолчал, не останови ты меня. Но это противоречит второй твоей просьбе. Боюсь, тебе будет затруднительно производить что-то кроме стонов.

— Мой лорд! — возмущённо вскрикиваю я.

— «Мой лорд»... Звучит изумительно, — щурится он, явно забавляясь игрой. — Особенно произнесённое с такой страстью! Что же, мне понравилось. Я даже готов выслушать, что ты скажешь дальше.

Злость на норзийца перекрывает смущение, и я собираюсь с мыслями. Заложив руки за спину, направляюсь к окну.

— Лизия была права, — говорю на ходу. — И я признаю, что ошибалась насчёт вас. Я считала вас жестоким и беспринципным человеком, который завладел нашими вельями только для наживы и ради собственной славы победителя...

— Она в порядке, — неожиданно перебивает Вирг, и я замираю в растерянности. Присев на краешек стола, лорд складывает руки на груди и выгибает бровь: — Лизия. Твой голос звенит от волнения за подругу. Сеот всю ночь не отходил от девушки, поил её зельями и накладывал мази. Ей намного лучше.

— Спасибо, — выдыхаю я, едва сдерживая слёзы.

Никак не ожидала, что северянин скажет мне это. Более того, несколькими словами он дал понять, что Лизия не была с ним, хотя и ночевала в его спальне. Она действительно в безопасности! Вздрагиваю и осаживаю себя. Вирг всё равно виноват в том, что она пострадала. Это он заявил право первой ночи и приказал притащить нас в замок, наполненный беспринципными мерзавцами. И чтобы предотвратить беду, я должна быть хладнокровной и собранной.

Продать себя по самой выгодной цене.

— Но? — Лорд чуть приподнимает подбородок, поторапливая меня. Повторяет мои последние слова: — Ты считала меня жестоким и беспринципным человеком, который завладел вельями только для наживы и ради собственной славы победителя. — В его устах это звучит ужасно, совершенно не так, как я хотела. Будто обвинение и клятва о вечной ненависти. — Но... Если бы ты не сказала о том, что ошибалась, я не ждал бы продолжения с таким нетерпением.

Мною снова завладевает смущение. Прижимая ладони к пылающим щекам, я бормочу:

— Да, я ошибалась. Вы не такой уж и монстр... Ой, простите.

Отворачиваюсь к окну и, понимая, что, пока не вижу лорда, мне проще с ним говорить, выпаливаю:

— Думаю, вы желаете поднять вельи. Помочь в нашей беде! Поэтому визнавали у девушек все тонкости жизни гельерийцев. Потому ежедневно посещаете деревни. По этой причине восстанавливаете замок и составляете планы... Я видела записи.

Я замолкаю и затаиваю дыхание в ожидании ответа. Но молчание нарастает тревожным звоном, и я разворачиваюсь. Глядя в посерьёзневшее лицо лорда, заканчиваю:

— Вы не вельер, магия северян умеет лишь разрушать...

«Убивать», — добавляю я про себя.

— Я же владею силой милосердной Гетты. Я помогу вам поднять эти земли из нищеты. Добровольно и с радостью! Но...

— А вот это «но» мне не нравится, — холодно замечает он.

— Отпустите их, — тихо прошу я и соединяю ладони в умоляющем жесте. — Невест... То есть жён, от которых вы потребовали право первой ночи. Верните их мужьям. Хватит их мучить! — Последний аргумент я заставляю себя произнести. — Может, вам хватит одной, но самой сильной?

Опускаю голову, глядя в пол. Ничто на свете не заставит меня сейчас посмотреть на лорда. В ожидании его ответа сердце бьётся так гулко... И так медленно, что, наверное, я вот-вот потеряю сознание.

Удар. Второй. Третий...

— Одной силы мало. — Голос Вирга негромок, но для меня он оглушительнее грома. — Мне нужна покорность и безусловное подчинение. Пойдёшь ли ты на это? Давай проверим. Я хочу продолжить с того места, где ты меня оттолкнула.

Отец учил меня, что вельер или вельера всегда верны своему слову. Я не могу отступить! Тем более на кону безопасность моих подданных, их будущее и судьба... То, что произошло с Лизией, никогда не исправить. Всем нам придётся жить с этим ужасом, но хуже всего ей. Тело девушки исцелят, но кто поможет её душе? Разбитому сердцу? Я даже предположить не в силах, как она посмотрит в глаза мужу. Отцу. Притом что подруга ни в чём не виновата, ей придётся нести боль до самой смерти.

Я не могу позволить повториться этому ужасу. Да, Вирг приказал воинам принимать зелье, удерживающее их от постыдных действий, но кто даст гарантию, что кто-то из мужчин не ослушается снова? Не говоря о новой угрозе. Тот страж, второй насильник, пользуется у лорда доверием, а я даже намекнуть боюсь о его преступлении.

Знаю, что Вирг прикончит и этого, как только выяснит. Не потому, что желает отомстить за поруганную честь девушки, а потому что воин ослушался его приказа, позарился на то, что принадлежит лорду Тьмы, и от осознания этого становится неприятно. Но ещё хуже представлять, что может сделать из мести приговорённый, которому больше нечего терять. Этот страж слишком близко к девушкам.

Волка поставили защищать овец...

— Ваше решение, вельера, — вырывает меня из размышлений суровый голос Вирга.

Лорд снова перешёл на «вы», но это не вежливость. Он подчёркивает мой статус, обращаясь сейчас не к девушке, которую хочет (о Гетта, в этом сомнений нет), а к вельере, которая предложила себя.

Всю себя.

Беззвучно всхлипнув, иду к нему. Не поднимая головы, стягиваю с плеча лиф платья и стараюсь не думать о том, что мужчина смотрит на мою обнажённую грудь. Чувствую его пристальный взгляд так, будто нежной кожи касается холодок, сосок тут же сжимается в тугий бутон.

Слышу сдавленный вдох и замираю, примораживаясь к месту. Что я делаю?! О Гетта! Я должна сейчас же лишиться чувств! Но вместо этого внутри нарастает жар, он охватывает низ живота и струится по венам невероятной мощностью огня. Паника мечется где-то внутри, словно птичка в клетке при приближении кота, я даже ощущаю щеколтку, только не могу сказать, где именно. Или это пресловутые бабочки?.. Очень напуганные!

Будто глядя на себя со стороны, я протягиваю руки и обхватываю дрожащими пальцами запястье мужчины. Тяжесть и послушное движение с его стороны, и я благодарна норзийцу за это. За то, что не торопит меня и почти не дышит, словно боится спугнуть. Я и так от ужаса будто подвешена в пустоте, сквозь ватную пелену которой не пробиваются звуки.

Прижимаю горячую ладонь мужчины к своей обнажённой груди, из которой вот-вот выпрыгнет ополоумевшее сердце. Замираю в некотором облегчении. Я сделала это и не упала в обморок! Молчание затягивается, и я неохотно поднимаю голову, страшась встретиться взглядом с лордом.

Лицо его выглядит сосредоточенным, будто мужчина прислушивается к ощущениям... Не хочу знать, к своим или моим! Заметив, что я смотрю на него, Вирг тихо подсказывает:

— Не та.

Во рту мгновенно становится сухо, колени подгибаются. Гетта... Не та грудь? При мысли о том, что придётся спустить платье с другого плеча, шатаюсь. Дрожа всем телом, тяну ткань, но Вирг придерживает.

— Рука не та.

О нет! Снова эта улыбка! Но в глазах лорда её нет. Тёмный омут их затягивает меня, будто гипнотизирует. Когда я гляжу в них, страх растворяется, оставляя лишь нестерпимый жар. Меняю руки и отмечаю, как бурно вздымается грудь мужчины. Отчётливо понимаю, что мне нравится это. И от этого становится ещё хуже.

Пытаюсь воскресить в памяти день, когда вернулся отец, чтобы снова воспылать ненавистью к врагу, виновному в увечье вельера... Но хрупкая соломинка, способная вытянуть меня из сладкого плена, обрывается, стоит услышать негромкие слова:

— Это ещё не всё, Орелия.

Опускаю взгляд на его губы и машинально облизываюсь, а в следующее мгновение холодею от собственного поведения. Что со мной? Вирг мне не нравится. Я ненавижу его! И тянусь к нему с намерением поцеловать только потому, что страстно желаю...

Спасти девушек от участи Лизии, конечно!

— Я знаю, что вы не пытались соблазнить других девушек, — вырывается у меня за миг до того, как наши губы соприкасаются.

Лорд прикрывает глаза так, будто желает прочувствовать мои прикосновения, словно изысканный десерт, и от вида удовольствия на лице мужчины в груди ёкает. Я нравлюсь этому опасному хищнику, и эйфория от некой власти над ним кружит мне голову. Чутьочку отстранившись, я спрашиваю:

— Почему вы не забрали своё право в первый день? Я была в вашей спальне...

Вирг вздрагивает, и я ощущаю это так явственно... О Гетта! Мои ладони лежат на его широких плечах, а я даже не заметила, как обняла мужчину. Хуже того, меня уже не тревожит, что моя обнажённая грудь почти на уровне его лица. Ох, а его выражение снова становится жёстким, будто я разозлила лорда.

Он сжимает мою талию двумя руками и, буравя тёмный взглядом, криво усмехается:

— Именно так я и должен поступать, по твоему мнению? Враг! Тот, кто без жалости убивал и насиловал твоих соотечественников... Возможно, родственников. Монстр, желающий украсть девственность благородной девы! Именно такой я в твоих глазах?

Пальцы его впиваются в мои бока так, что кажется, рёбра не выдержат. Охваченная стыдом за то, что до этого мне были приятны прикосновения норзийца, я киваю:

— Да. Но я всё равно выполню условия нашей сделки.

Прищурившись, северянин шипит, словно василиск, которому придавили хвост:

— С-с-сделка... — Огромное тело его ощутимо напрягается, будто превращается в камень, но лицо кажется непроницаемым. Ни ярости, ни огорчения я не различаю. Словно ему тоже всё равно, что за договор я предлагаю. Но от последующих слов я вздрагиваю: — Но тебе было приятно, признай.

Стискиваю зубы так, что ноют челюсти. Да, было! Но я ни за что на свете этого не скажу. Это хуже, чем оказаться в постели норзийца! По лицу Вирга пробегают тени, а потом мужчина улыбается. Вот только это не похоже на солнечную радость, что я замечала раньше. Сейчас это скорее оскал раненого хищника. Смертельно опасного врага.

Нет! Лорд мне ничего не сделает. Я нужна ему, и я дала понять, что моя помощь рядом. Я буду безропотно работать во благо жителей Ройепина и моих подданных. Потому что наши с северянином стремления похожи. Да, мне придётся отказаться от счастья, от любимого мужчины, от мужа, но...

— Я тебе нравлюсь, — угрожающе рычит Вирг, и спина мгновенно покрывается холодным потом.

А в следующее мгновение мужчина наклоняется и... Ощувив горячие губы, нежно обхватившие мой сосок, я не сдерживаю стоны. Тело выгибается навстречу ласке, а между ног пробегают сладкая дрожь.

— Да. — Норзиец обжигает дыханием чувствительное место. Дразнит кожу языком, шепчет: — Я слышу, как тебе это нравится. Чувствую это. Скажи. Скажи мне!

— Да! — не в силах выдерживать умопомрачительную пытку, выкрикиваю я. И тише признаюсь, сгорая от стыда: — Мне нравится... Будьте вы прокляты!

Он выпрямляется и, поправляя на мне платье, сухо говорит:

— Хорошо. Я согласен на... — На миг его лицо снова искажает оскал. — На сделку! Но только потому, что ты признала, что я тебе не так уж противен. Я отпущу Лизию.

— Всех! — прижимая руки к груди, возмущаюсь я.

— Исключено.

Он качает головой, и от разочарования хочется выть. Столько унижения, и всё зря? Я лишь выпросила свободу для одной девушки!

— Идём, — кивает он на дверь. — Я отведу тебя к ней.

Бреду к выходу, едва переставляя ноги. Сердце тревожно заходится от отчаяния, в голове туман. Я была так уверена в том, что в этот раз одержу победу, столько сделала ради этого, но лорд снова обыграл меня. Но даже в маленьком допущении я в проигрыше. Касаюсь рукава его камзола:

— Нельзя отправлять Лизию домой. Она... не вынесет этого. Отправьте её в Лувириин, умоляю! — Представив, как воины везут девушку, содрогаюсь от ужаса. — Нет! Попросите моего отца её забрать...

— Хорошо, — неожиданно легко соглашается он.

Краткий миг облегчения сменяется новыми тревогами. По пути в спальню северянина я перебираю другие варианты, как ещё можно поторговаться с Виргом. Как добиться освобождения всех? Ясно, что лорд не желает отпускать их потому, что они всё ещё девственницы. Ведь этот факт сразу выплывет на поверхность, и власть лорда Тьмы окажется под угрозой.

Сдерживая разочарование, я вытираю мокрые щёки и переступаю порог спальни. Подняв голову, замираю на месте, будто громом поражённая.

Я убью Вирга! Не знаю как, но лорд ответит мне за это!

Глава 21

Смотрю и не верю своим глазам. Моя нянюшка сидит на кровати и, тайком утирая ползущие по широким щекам слезинки, осторожно поглаживает Лизию по руке. Моя подруга лежит с закрытыми глазами, кажется, что она спит. Возможно, так и есть — лорд говорил, что Сеот поил её зельями всю ночь.

— Мина, — шепчу я беззвучно и с трудом сдерживаю первый порыв броситься в её объятия.

Потому что у окна, скрестив руки на груди, стоит мой отец. Он давит на меня взглядом, полным такой болезненной тревоги, что сердце замирает в груди. Я отступаю, чтобы не подойти к нему, не прижаться лбом к пахнущему пылью деревенских дорог камзолу.

Потому что я недостойна их волнений. Я только что позволяла лорду Виргу такое, о чём и думать стыдно. Кожа до сих пор горит от откровенных ласк, а в голове пульсирует предательская мысль о том, что я не прочь испытать это снова.

С врагом! Стыд приковывает меня к месту, хочется обхватить себя руками. А лучше убежать, но я не стану этого делать. Ведь я так рада видеть родных... И отчаянно хочу ударить лорда, потому что Вирг снова играл со мной. Северянин вырвал из меня признание, шантажируя тем, что сам уже исполнил.

Втянув воздух, задерживаю дыхание, чтобы задавить тёплую волну благодарности в зародыше. Вирг не достоин моего «спасибо»! Не после того, что только что вытворял со мной, когда в Ройепине был мой отец.

Опускаю голову, избегая встречаться взглядом с кем-либо, приседаю в реверансе:

— Рада видеть вас... И благодарю за то, что согласились присмотреть за Лизией...

Голос мой звучит едва слышно. В нём то звенит боль от стыда, что окрашивает мои щёки, то прорывается нотка благодарности тому, кто её не заслужил.

Или заслужил? Вирг уже позаботился не только о лечении и безопасности девушки, приказав целителю не отходить от пострадавшей, но и о том, что с ней будет дальше. А то, что норзиец вынудил меня признаться... Лорд с первого дня обозначил свои желания.

Цепляюсь за хвостик ненависти, но эмоция ускользает, как скользкая рыба из рук. И всё же произношу беззвучно:

— Спасибо, мой лорд...

Поднимаю голову и на миг встречаюсь с ним взглядом. Вирг улыбается так, что сердце ёкает, и я быстро отворачиваюсь и направляюсь к нянюшке. Мина поднимается и сама крепко обнимает меня, приговаривая:

— Орелия, бедная моя девочка... Как представляю, что... — Чувствую на щеке горячую влагу, что скатилась с лица женщины. Всхлипнув, няня шепчет: — Огради тебя милосердная Гетта от беды!

Молчу, а про себя молюсь, чтобы светлая богиня оградила нас всех. Сразу вспоминаю стража, который остался у дверей в нашу комнату. Как же мне быть?

— Как бы я хотела забрать тебя домой, — отстраняется Мина. Губы её дрожат, щёки покрываются красными пятнами. — Но лорд сообщил, что ты ещё не... — Она вздыхает так тяжело, что большая грудь колыхнется, и отводит взгляд. — ...Не выполнила обязательства.

Бросаю косой взгляд на застывших у окна мужчин. Лорд безучастно смотрит в окно, его широкие плечи неподвижны, ладонь покоится на рукояти меча. Будто снаружи опасность... Или же в комнате? Неужели он опасается вельера — геллерийца с покалеченной силой? Нет, норзиец умён. Источник напряжения, которое ощущается от северянина, в чём-то другом. Возможно, всё из-за мрака. Страхиваю с себя воспоминания об ужасном состоянии мужчины, будто липкую неприятную паутину, и обращаю внимание на отца.

Внимательно выслушивая рекомендации Сеота, он не отрывает от меня беспокойного взгляда, но подойти ближе и успокоить я не в силах. Между нами будто лежит пропасть, ведь я только что предложила себя лорду Тьмы и теперь принадлежу ему. Не только телом, которое норзиец может забрать по праву первой ночи, но и магией, что так беспечно подарила...

Горько усмехаюсь, понимая, что Вирг не даёт того, что сам не желает предоставить. Не поддаётся на шантаж, не идёт на договор. Есть только его решение! От осознания этого ощущаю себя маленькой и бесправной игрушкой, забавляться с которой тёмному лорду доставляет удовольствие. Ненависти уже нет, после вспышки ярости, которая опустошила меня, остаётся лишь усталое смирение.

— Мой лорд, — обращается к нему целитель, и Вирг отрывает от окна внимательный взгляд. — Позвольте сообщить нечто важное. — Мельком смотрит в нашу сторону и понижает голос: — Наедине.

Холодею от беспокойства за Лизию, когда норзиец кивает и выходит из своей спальни.

— Как ты? — слышу голос отца и вздрагиваю, осознав, что до сих пор смотрю на закрывшуюся за мужчинами дверь.

Оборачиваюсь и пытаюсь выдавить улыбку:

— Всё хорошо.

— Ложь, — зло припечатывает он и тут же обречённо вздыхает. — Ты вся в мать. Она тоже говорила, что всё замечательно, пока не стало слишком поздно.

Наступает тягостное молчание. Я не поднимаюсь, чтобы подойти, отец не приближается к нам. Пропасть между нами растёт с каждым мгновением.

— Валедия очень скучает, — меняет тему Мина. — Она бы хотела с тобой повидаться...

— Нет! — пугаюсь я и хватаю нянюшку за руку. — Ей сюда нельзя!

— Разумеется, — соглашается отец и продолжает без всякого перехода, будто остановился именно на этом: — Я собрал почти пятьсот золотых, поэтому посетил Айсуг...

— Что?! — выпрямляюсь я и с надеждой смотрю на бледное лицо отца.

Снова звенит тишина, но в этот раз она густая, наполненная напряжением так, что кажется, вот-вот сверкнёт молния. От неприятной догадки я задыхаюсь. То, что отец сейчас находится в Ройепине один, подсказывает полученный от Таглора ответ. Но мне не хочется думать, что отец моего мужа не пожелал выделить даже половину суммы, чтобы выкупить право первой ночи у лорда Тьмы.

Проглотив унижение, которое пришлось испытать отцу, отправившись с подобной просьбой к богатому вельеру, я уточняю:

— У них нет оставшейся суммы, да? — Можно было не спрашивать: будь у Таглора тысяча золотых, разве позволил бы его сын увести со свадьбы молодую жену? — Киваю в ответ на красноречивое молчание и тихо спрашиваю: — Ты говорил с Сартеном? Как он?

— Твоего мужа в замке я не застал. — Ответ отца звучит сухо. — Мне сообщили, что он не вернулся после церемонии. Через несколько дней вельер Таглор отправился на его поиски, и пока нет вестей от обоих.

В груди ноет, будто от удара. Обхватываю себя руками и, волнуясь за Сартена, шепчу в надежде:

— Может, он поехал к родственникам в поисках денег? Кажется, кузен вельера Таглора владеет вельей ближе к границе с Киннетией. Война почти не коснулась тех мест. Так говорят.

— Это же очень далеко! — ахает нянюшка и качает головой: — Он не успеет... — Осекается и, ссутулившись, отводит глаза. — О милосердная Гетта, помоги ему!

Вспоминаю выражение лица мужа во время церемонии и ёжусь, мечтая, чтобы он не наделал глупостей. Каких? Да всё что угодно! Например, в отчаянии нанять разбойников, коими теперь кишат леса на востоке, чтобы напали на Ройепин. Удастся бандитам проникнуть в замок или нет, мы с девушками пострадаем в любом случае. А что, если Сартен отправился на аудиенцию к князю Тьмы?!

Задыхаясь, хватаюсь за горло. Только не это!

— Орелия...

Вздрагиваю и опускаю взгляд на пошевелившуюся подругу. Лизия от слабости или зелий едва может открыть глаза, но кисть её тянется к карману. С трудом девушка достаёт кошель, который кажется мне знакомым.

— Возьми, — шепчет она, но тяжёлая вещь выскальзывает из её непослушных пальцев.

Подхватив кожаный мешочек, няня заглядывает внутрь, удивлённо восклицает:

— Сколько золота!

— Пятьсот, — едва слышно подтверждает Лизия. — Лорд дал это.

Сердце замирает, пропуская несколько ударов. Вирг откупился?! Голос девушки звучит, затухая:

— Он узнал, что мой муж мечтает продолжить дело умершего отца — заниматься разведением лошадей. Ссудил, чтобы мы обновили конюшни, купили ещё голов и давали крестьянам в аренду. — Она смыкает веки и добавляет почти беззвучно: — Бери. Отдай ему и уезжай отсюда. Я всё равно не смогу...

Она замолкает и отворачивается. Понимаю, что Лизия страшится посмотреть мужу в глаза после всего, что с ней произошло. Возможно, она всегда будет бояться мужчин. Но не могу смириться с тем, что подруга сломается из-за мёртвого мерзавца. Эти деньги лорд Вирг ссудил не столько её мужу, сколько вложил в саму девушку. Подарил ей цель, работая над которой, она, с помощью милосердной Гетты, сумеет вернуться к нормальной жизни.

Я смотрю на кошель в руках обрадованной Мины и качаю головой:

— Нет. Я не имею права оставить без защиты других девушек.

— Орелия! — хмурится отец. — Ты не можешь брать на себя ответственность за чужие судьбы.

— Не только могу, но и обязана, — возражаю я. — Ты сам учил меня этому. К тому же лорд Тьмы оказывает нам неоценимую услугу. Если мы хотим победить голод, нужны засеянные поля. С учётом того, что лучших лошадей забирали на войну, а оставшиеся клячи повымирали... — Забираю золото у расстроившейся няни и вкладываю в карман подруги. — Ты справишься, я уверена!

Стараюсь не поддаваться тёплой волне, которая касается груди. Вирг не откупился, а грамотно вложил деньги. Как настоящий вельер, позаботился о подданных, и это внушает уважение. Пятьсот золотых — это огромный вклад в наши земли! Отец понимает это, потому больше не возражает и не пытается уговорить воспользоваться подвернувшейся возможностью.

Но и оставлять меня в Ройепине для него мучительно. Это видно по посеревшему лицу и потускневшим глазам. Хочется обнять вельера, заверить, что со мной всё хорошо, но я лишь завожу руки за спину и улыбаюсь, провожая их по коридору.

Первым идёт Тейг, он осторожно несёт на руках безвольное тело Лизии, за ними семенит взволнованная нянюшка. Следом вышагивает Сеот и, всучивая моему отцу свёртки с лекарствами, напоминает о рекомендациях.

— Орелия. — Услышав голов Вирга, замираю у начала лестницы.

Да я и не собиралась спускаться — это запрещено. Но всё же виновато машу рукой, мысленно прощаясь с родными и желая им не беспокоиться обо мне... Будто это возможно. Поймав последний взгляд отца, отворачиваюсь и приседаю перед Виргом:

— Разрешите поблагодарить вас, мой лорд.

— Поблагодарить? — ухмыляется он. — Судя по взгляду, которым ты наградила меня, ты мечтала о чём-то более кровавадом.

— Да, в первый миг я рассердилась, — соглашаюсь я и, выпрямившись, смотрю смело. — Но потом поняла, как много вы сделали для меня, Лизии, моих родных и наших подданных. За это я искренне благодарна.

— И уже совсем не злишься? — недоверчиво прищуривается норзиец.

— Немного, — киваю я. — Ваши игры раздражают. Только глупец бы не понял, почему вы ссудили Лизии именно пятьсот золотых. Вы проверяли, сдержу ли я данное слово. Останусь ли с вами.

— И ты не разочаровала, — неожиданно признаётся он и протягивает руку. — Поэтому тебя ждёт подарок.

Глава 22

— Подарок? — искренне удивляется Кирина. Глаза девушки широко распахиваются, и на белом после пережитого лице они кажутся ещё ярче. — И что же это?

— Не знаю, — жму плечами и в нетерпении подгоняю Деглию: — Уверю тебя, совсем не важно, насколько опрятно будут заправлены наши постели. Лорда лишняя складочка не разозлит, а вот наше опоздание очень даже. Он ясно дал понять, что ожидает нас как можно быстрее.

— Не понимаю, — звучит задумчивый голос Эллон. — Почему норзиец дарит подарок тебе, но зовёт для этого нас?

— Может, это что-то для всех? — предполагает воодушевлённая Кирина.

Она уже добрых десять минут топчется у двери, пока Деглия неторопливо и тщательно приводит комнату в порядок. Будто во время нашего отсутствия тут планируется проверка. Чтобы скоротать время, я заплетаю шикарные волосы скромницы Атирии в сложную причёску. Похожую я делала своей младшей сестрёнке по средам, когда Мина подавала нелюбимую нами кашу. Тянули время...

Мысленно прокручиваю события этого насыщенного дня. Избегаю думать о том, как мы с лордом остались наедине, но снова и снова возвращаюсь к невероятно (и стыдно) приятным ласкам мужчины. О Гетта! Если это так завораживающе, то что дальше? Тело моё и сейчас наливается жаром при одном воспоминании.

Покусываю губы, стараясь думать о Лизии и её будущем. О том, как я рада, что её забрал мой отец и девушке не придётся видеть жуткую форму стражей. И ещё больше, что у подруги появится работа.

Лизия всегда обожала возиться с животными. Помню, как в храм залетела птица со сломанным крылом. Моя подруга не только чудом успокоила насмерть перепуганное создание, но и вылечила, потратив на это несколько дней и много усилий.

Да, я не сомневаюсь, что у Лизии и её мужа всё получится! А преодолевая неизбежные проблемы, она постепенно забудет о том ужасе, что пришлось испытать в Ройепине. Лорд очень мудро поступил, ссудив деньги именно ей...

Да что же это?! Не хочу думать о норзийце. Лучше об отце. Ох! Я ведь даже не поговорила с ним, хотя видела, как он переживает. Более того, отказалась воспользоваться шансом и избежать унижительного исполнения права первой ночи. Надо было намекнуть, что лорд Вирг не принуждал меня... Во всяком случае к тому, чего я бы сама не хотела.

Ой, да Зогг меня забери! Что на меня нашло? Вирг — враг. Северянин без сердца и совести. Он не берёт то, что ему положено по праву, лишь потому, что этому человеку нравится игра в соблазнение «дикой» гельерийки.

«Но почему тогда он не смотрит на других девушек?» — ехидничает внутренний голос.

— Всё, — бросаю расчёску и, разворачиваясь, иду к выходу. — Не намерена ждать больше ни секунды. Если ты хочешь изображать служанку, Деглия, не буду возражать. Но мне кажется, ты просто боишься переступить порог этой комнаты. Тюрьма стала для тебя домом, и это ужасно. — Замираю у двери и оборачиваюсь. — Кто готов рискнуть и пойти со мной?

Кирина хватает мою руку своей холодной ладошкой и задорно кивает. Большинство девушек тянутся за нами, но Деглия и ещё две остаются. Их выбор.

— Вас замуровать? — предлагаю и в ответ слышу дружное «Пожалуйста».

Вот до чего доводят навязанные ограничения. Человек боится сделать лишний шаг. Поджимаю губы, но молча жду, когда девушки посмелее выйдут, и провожу пальцами по щели между деревом и камнем.

— Зачем вы это делаете, вельера? — слышу за спиной насмешливый голос и сдерживаюсь, чтобы дрожью не выдать страх перед этим человеком. — Женщин лорда охраняют надёжнее, чем сокровища!

Задерживая дыхание, продолжаю выпускать вихри силы, превращая ещё одну щель в твёрдую материю, соединяющую дерево и камень. Потому что этот человек рядом, я не могу ослабить внимание ни на секунду.

Жуткая сцена из недалёкого прошлого леденит мой затылок. Тело Лизии на камнях и обнажённые мужские ягодицы между её белых ног. Стискиваю челюсти и неожиданно вспоминаю имя, услышанное лишь однажды. Завершив работу, неторопливо поворачиваюсь и, встав так, чтобы находиться между стражем и девушками, чеканю:

— Призвание мага — защищать людей без дара. Этому учат жрицы милосердной Гетты. Наша сила — её дар, ответ на молитвы верующих. И я буду защищать, страж Дилид, уж поверьте!

Он вздрагивает, услышав своё имя, но на лицо его быстро возвращается циничная усмешка.

— Маги, вельера Орелия, умирают гораздо чаще обычных людей. И боги тут ни при чём. Уж поверьте...

— Тейг идёт, — тихо замечает темноволосый страж, и мужчины быстро отступают к стене и вытягиваются перед старшим.

— Лорд ожидает вас на главной площади замка, — сурово говорит тот и поворачивается к нам. На миг склоняет голову: — Следуйте за мной.

Я провожаю взглядом Дилида и других стражников, которые торопятся исполнить приказ своего лорда. Знать бы, что Вирг отзовет своих псов, не стала бы замуровывать оставшихся девушек. Может, отпереть их? С другой стороны, кто помешает кому-либо проникнуть сюда, когда никто не сторожит двери?

Оставив всё как есть, я шагаю за норзийцем. Тихо благодарю:

— Спасибо, что проводили моих родных, страж Тейг. Они...

Вопрос застревает в горле. Хотелось спросить, в порядке ли они, но глупо это спрашивать. Лизия... Ох, даже представить страшно, что она чувствует. Как и отец, который имел возможность забрать меня из Ройепина, но я не позволила. А няня? Нет никакого «в порядке». Ни для меня, ни для них.

— Они отбыли в Лувири, — кивает мужчина и идёт в направлении коридора, который теперь всегда будет сниться мне в кошмарах.

Там, за стеной, полный трупов тайный ход, а на холодном полу жестоко обесчестили мою подругу. Но напряжение уходит, стоит мне увидеть совершенно иную картину. На месте жуткой искореженной мраком стены — высокие своды встроеной арки. Разглядывая её, я с удивлением отмечаю невероятную чистоту освещённых множеством фэйрелов колонн и гладкость обтёсанного камня, вставленного на месте дыр.

И никаких трупов.

Вдыхаю насыщенный свежестью воздух и улавливаю тёплый мускус. Ощущаю незримое присутствие лорда Тьмы и ловлю себя на том, что улыбаюсь. Девушки сбиваются в паре шагов от нас в перепуганную стайку, и я решаюсь задать стражу волнующий меня вопрос:

— Что стало с телами?

— Этой ночью воины предали их земле, как полагается в Гельерии, — отрывисто отвечает он. Выражение лица мужчины кажется каменным, но я замечаю его быстрый взгляд. Тейг будто наблюдает за мной или ждёт реакции. — Потребовалось не меньше сотни человек, чтобы по приказу лорда быстро привести это место в должный вид. Трупы — не самое сложное. Пришлось разбирать завалы, в которые превратилась часть северной стены Ройепина.

— Так вот почему они не выбрались? — шепчу я. — Стена рухнула и преградила им путь к спасению. Но что произошло?

Я касаюсь белой куска камня, будто замок через ощущения может открыть мне тайны прошлого.

— Осторожно, вельера! — волнуется страж, а под моими пальцами обваливается часть стены. Мягкий состав, удерживающий камень, оставляет следы на моей коже. Тейг хватает мою руку и вытирает тёмным платком. — Мы же не маги. Как могли, так и восстановили.

Девушки, заинтересованные тем, что происходит, осторожно приближаются. Катарина заглядывает в ярко освещённый коридор и радостно вскрикивает:

— Там чисто! — Оглядывается на нас. — А куда он ведёт?

— Хотите посмотреть? — едва заметно улыбается страж и отпускает мою руку. — Лорд приказал проводить вас вниз.

— Вниз?! — не сдерживаюсь я.

Кажется, слово вторится эхом, вырываясь и у других. Девушки шумят всё сильнее. Следуя за Тейгом, строят предположения одно невероятнее другого. Я же боюсь, что «подарок» — это могилы павших ройепинцев, созданные из камней стены, похоронившей их в тайном ходу. Конечно, я радуюсь, что тела упокоены, но смотреть на грустные холмики не хочется. Иду лишь потому, что волшебное слово «вниз» дарует крупинку мнимой свободы. А ещё испытываю сильное желание увидеть...

Прохожу через двери, которые по виду едва держатся на месте, застываю на месте.

...Увидеть небо!

Оно яркое, мучительно сверкает лазурью, нависает над головой широким полотном высоты и, украшенное кокетливыми кружевами облаков, манит к себе. Свежий воздух кружит голову, перед глазами всё расплывается от слёз. Слышу вдохи и всхлипы других девушек.

— Лорд передал, что вы можете гулять здесь, — торжественно говорит Тейг и взволнованно добавляет: — Только к краю не подходите, там опасно.

Я с трудом отрываю взгляд от неба и опускаю голову. Вздрагиваю, заметив под ногами обрыв. Мы находимся на небольшой площадке, запертой между двумя валами камней, а под нами широкая площадь Ройепина.

Наполненная воинами главная площадь замка!

И сам лорд Тьмы на возвышении, а перед ним на коленях, понурившись, стоит страж Дилид. Руки его связаны за спиной, опущенные плечи выражают отчаяние. Сердце ёкает: неужели Вирг узнал о его проступке? И сделал всё, чтобы мерзавец не успел никому навредить? Но как?!

Впрочем, какая разница? Насильник получит по заслугам, и мы увидим это. Сможем спать спокойнее. Я так точно...

В это время раздаётся грохот распахнувшихся от силы магии ворот, ржание коня и испуганные вскрики девушек.

— Смотрите! — указывает рукой Кирина на светловолосого всадника, который мчится по аллее к площади. — Это же тот лорд... Ширигет!

Глава 23

— Простите, мне нужно вернуться к лорду.

Тейг кланяется и быстро уходит.

— Нас никто не будет охранять? — выглянув за дверь, простодушно удивляется Кирина. — Там никого!

— На первом этаже немало стражей, — задумчиво напоминаю я. — Девушки, вы видели, что стало с Дилигом? Тем, кто стоял на коленях перед лордом? Я отвлеклась на гостя, а потом не нашла стража в толпе...

Подопечные мои мотают головами и, весело обсуждая подарок лорда, делятся радостью от короткой прогулки с теми, кто остался.

— А мне можно туда? — робко улыбается Деглия. — Только не одной. Орелия, пойдём вместе?

— Не сейчас, — отказываюсь и усаживаюсь на единственную большую кровать. — Тейг увёл нас, как только заметил светловолосого лорда. У меня самой не возникает желания показываться Ширигету на глаза.

— У меня тоже! — неуютно ёжится Кирина. — Помните, как он на нас осматривал? Так постояльцы нашего трактира оценивают куриц, чтобы выбрать пожирнее себе на обед... Бр-р!

Наступает тишина, и я слышу недвусмысленные звуки. Дегля, краснея, прижимает ладони к животу:

— Извините.

У меня и самой желудок прилип к спине, из-за переживаний я забыла о еде. А ужин нам не принесли, наверное, потому что я замуровала дверь. В любом случае я должна что-то предпринять. Решительно заявляю:

— Оставайтесь на месте, я попрошу принести нам что-нибудь поесть.

— Я с тобой, — вызывается Кирина, но я осаживаю девушку:

— Нет, мне достаточно и одной ошибки. — Видимо, тоже вспомнив о Лизии, она мрачнеет, а я приближаюсь к выходу. — Запирать вас не стану, я недолго.

Выхожу и на миг прижимаюсь спиной к двери. Конечно, мне страшно! Вспоминаю, как видела шантажиста на коленях перед Виргом, и расправляю плечи. Уверена, лорд казнил мерзавца! Потому я и не отыскала его взглядом — мужчина перестал существовать. И теперь не сделает ничего плохого ни мне, ни девушкам.

Делаю шаг, второй, потом ускоряюсь, по лестнице уже спускаюсь едва ли не бегом. Внизу сталкиваюсь с мужчиной в форме стража и, едва переводя дыхание, выпаливаю:

— Прошу вас, передайте просьбу лорду Виргу. — Смело смотрю на хмурого норзийца, но обращаюсь вежливо: — Девушки проголодались, а Золетта...

— Она там, — перебивает он, кивает на одну из дверей и уходит.

— Эй! — возмущаюсь я, не уверенная в том, что этот человек передаст мои слова Виргу. — А как же ужин?!

Страж скрывается за поворотом, и с той стороны доносятся усилившиеся звуки, будто открыли дверь. Гул мужских голосов, взрывы смеха, стук, будто некто постоянно передвигает мебель. Пожимаю плечами и, не рискнув последовать за норзийцем, шагаю к указанной двери. Осторожно прикасаюсь к прохладному дереву костяшками пальцев, и ещё раз.

— Кто там? — слышу суровый окрик и облегчённо выдыхаю.

Вирг сказал, что женщина упала с лестницы, но судя по сильному голосу, она не очень пострадала. Открываю дверь и заглядываю в небольшую узкую комнату, которая, видимо, ранее служила помещением для хранения белья. Сейчас длинные полки пусты, а немаленькая фигура норзийки лежит на самой нижней. Ни кровати, ни матраса... Лишь тоненькая подстилка.

Моргаю и, заставляя себя приветливо улыбнуться, объясняю:

— Я пришла справиться о твоём здоровье. Слышала, что ты упала...

— Меня столкнули, — прожигая меня странным взглядом, перебивает она.

Я поднимаю руки, будто сдаваясь, и подхожу ближе. За спиной хлопает дверь, и я невольно вздрагиваю. Лицо норзийки мрачнеет ещё сильнее, будто женщина недовольна моим приходом. Но я упрямо интересуюсь:

— У тебя что-нибудь болит?

— Да.

Я присаживаюсь на край полки и готовлюсь терпеливо выслушать все её невзгоды, чтобы поддержать женщину, но она молчит. Не дождавшись продолжения, спрашиваю:

— Может, позвать Сеота, чтобы он дал тебе зелье от боли?..

— Может, ты вернёшься в комнату? — грубо обрывает она и приподнимается.

Лицо её искажается от злости, но тут же морщится в гримасе боли. Золетта со стоном откидывается на спину, и я успеваю подхватить её за плечи, чтобы помочь сделать это мягче. Вместо благодарности женщина едва не брызжет слюной от ярости:

— Шла бы ты, меченая!

Пытается оттолкнуть меня, но я перехватываю руку и, удерживая ладонь норзийки, быстро говорю:

— Я понимаю твоё недовольство. Ты думаешь, что мы виноваты в том, что произошло. Что надо было слушаться и сидеть тихими мышками в выделенном углу, тогда бы ты не пострадала...

— Что?! — замирает она и неожиданно смеётся, но звук полон не веселья, а горечи. — Виноваты? — Вырывается и, отвернувшись, нехотя признаётся: — Это моя вина. Я вызвалась вас охранять, но не справилась. Этот Орид... Я должна была увидеть, что он не принимает зелья. По поведению, по взглядам. Понять, что он замышляет. Должна! Но я была слепа. Смотрела за овцами, вместо того чтобы следить за волком.

На мгновение я теряю дар речи, а женщина отворачивается к стене и тихо приказывает:

— Возвращайся в комнату. Я знаю, что Орида казнили, но кроме него тут полно тех, кто мечтает засадить тебе, девочка. Уж поверь.

Моргаю в растерянности:

— Я не поняла, что это значит, но это не важно. Я никуда не уйду, пока не пойму, что ты в порядке. Или по крайней мере не попытаюсь сделать твоё существование более-менее сносным. Как часто приходит Сеот? Нужно ли менять повязки? Может, приготовить зелье? Тебя кормят? Как...

— Стой! — Развернувшись, она прижимает ладонь к моему рту. Вздыхает: — Ты ведь не отвяжешься?

Я мотаю головой, и она убирает руку. Кивает в сторону окна:

— Там порошок в свёртке. Три щепоти на полчашки воды.

Вскакиваю и, обнаружив зелье, с энтузиазмом принимаюсь за изготовление лекарства.

— Так что с тобой? Ушиб?

— Нога сломана, — нехотя признаётся она и ворчит: — Повезло этому Ориду, что я отключилась от боли. Иначе я бы ему член разделала, как колбасу, по кусочкам! Эта мразь бы визжала от боли...

Дрогнув, я ненароком сыплю больше, чем следовало, и, прошипев ругательство, добавляю ещё воды. Громко заявляю:

— Можно сказать, так и было. Вирг... — Осекаюсь и выдаю ещё парочку слов, которые знатные вельеры себе не позволяют — теперь воды много налила! — То есть я хотела сказать, что лорд Тьмы разделал... его всего. Совсем.

— Ребята рассказывали. — В голосе Золетты появляются довольные нотки. — Но слушала бы ещё и слушала. А ты молодец! — Я замираю у полки с кружкой в руке, потому что никак не могла ожидать, что женщина посмотрит на меня с восхищением. — Прикоснуться к охваченному Тьмой — это...

Она замолкает, будто не может подобрать слов. Я улыбаюсь и осторожно передаю Золетте полную кружку.

— Храброе безумие! — наконец находится она.

— Возможно, — хмыкаю я и пожимаю плечами: — Я понятия не имела, что делала... Так испугалась, что все умрут.

— И умерли бы, — отхлёбывая, подтверждает она. — Потому половина казарм в тебя влюблена по уши. Такие легенды ходят о чокнутой меченой геллерийке, что лордам впору тебя бояться!

Она смеётся своей грубоватой шутке, а я, поперхнувшись, кашляю. Вспоминаю слова целителя, когда мужчина рассматривал вязь на моей руке. Как и о том, что норзиец просил никому об этом не говорить. Спешу перевести тему:

— Я хочу спросить... — Золетта резко замолкает и смотрит настороженно, словно ожидает, что я снова вернусь к болезненной теме её «оплошности». — Как так получилось, что ты стала воином? Разве это не тяжело? Жить с мужчинами... убивать людей... Зачем тебе это?

Уголки её губ опускаются, глаза темнеют и становятся тусклыми, будто почерневшие стёкла окон Ройепина.

— Хочешь знать? — отрывисто спрашивает она, и я киваю. — Ну, слушай.

Как понять, чья точка зрения верная? Как измерить, чья беда страшнее? Не могу найти ответы на вопросы, которые возникают у меня во время рассказа норзийки. Слушаю её тихо, почти не двигаюсь, едва дышу. В груди всё ноет так, будто в сердце раз за разом забивают гвозди.

Мой отец никогда не будет таким сильным, как раньше. Сила его сломалась на войне, вельер долго восстанавливался, чтобы хоть как-то помогать подданным. Но всё равно слишком слаб, чтобы наладить жизнь в послевоенное время.

Мой любимый брат никогда не вернётся, не растреплет мне волосы, не скажет колкость. Одну из тех, что так задевали меня когда-то, а сейчас вспоминаются с улыбкой, словно лучшие комплименты в жизни.

Моя боль сильнее, чем у этой женщины, отца, мужа и сыновей которой поглотил мрак? Или же нет? Если нет, то можно ли оправдать жестокие нападения?

Мотаю головой, не в силах мучить себя этими вопросами. Уточняю:

— Значит, в Норзии мужчины живут совсем мало? Сколько тебе было, когда умер твой отец?

— Немного, — спокойно отвечает она. — Я его совсем не помню. Он был магом, они редко живут дольше тридцати. Я выбирала мужа без дара, чтобы прожить счастливую жизнь. Но потом пришёл мор. Растекающийся по горам мрак начал уносить наших мужчин одного за другим, даже мальчиков. Моего старшего сына не стало, когда ему исполнилось двенадцать. Муж пережил его ровно на полгода.

— Но ты сказала, мор был только в городах, — напоминаю я. — Разве нельзя было переехать в деревню?

— Ты никогда не была на севере, — грустно улыбается она. — Там нет деревень, людям не выжить без высоких стен.

— А женщин мрак не трогает? — интересуюсь я.

— Он забирал только беременных, которые носили мальчиков, — вздыхает она. — Но это уже позже, перед самым походом. Когда умерла беременная жена князя, он повёл войска на юг...

— Почему женщин мор не коснулся? — перебиваю я, избегая мучительной темы войны.

— Коснулся, но не так, как мужчин, — кривит она рот. — Женщины таяли от горя, уходили за своими мужьями и детьми добровольно. Многие бросались со стен, не в силах видеть, как медленно и страшно умирают близкие.

— Откуда пришла эта ужасная болезнь? — тихо спрашиваю я.

— Это не болезнь, а проклятие, — поправляет она. — Как оно пришло, мне не ведомо. Наверное, только жрецы Зогга знают, но не скажут...

— Почему? — подаю я к ней.

— Их тела высушены настолько, — она передёргивает плечами, — что напоминают кости, обтянутые серой бумагой. Они не могут произнести ни слова и даже двигаются с трудом. Жрецы не нуждаются в пище и сне, их тела поддерживает сила Зогга.

— Мрак? — уточняю я и, вспоминая нечто, выходящее из Вирга, содрогаюсь. — Это его сила? Если принимаешь её, то становишься жрецом, но перестаёшь быть человеком. Те, кто сопротивляется, умирают?

— В целом верно, — мрачнеет она.

— Какой жестокий у вас бог, — шепчу я.

— Жизнь жестока, — пожимает она плечами.

— Так ты стала воином, чтобы увезти из Норзии младшего сына? — догадалась я. — Спасти его от проклятия?

— Я надеялась. — Она откидывается на спину и закрывает глаза. — Но выяснилось, что от проклятия не убежишь. Мор убивал медленно, но без мрака проклятые гасли ещё быстрее. Многие воины взяли с собой беременных жён. Из женщин выжила лишь я.

Наступившая тишина звенит, а меня вновь одолевают вопросы, чья трагедия сильнее. И всё же я не могу искренне посочувствовать норзийцам. Да, пострадали и они, и мы, но гельерийцы ни на кого

не нападали, чтобы отвоевать новые, не поражённые мраком земли. Не разрушали храмов. Не убивали мирных жителей. Не насиловали и не грабили.

— Я навещу тебя завтра, — встаю и, не говоря больше ни слова, выхожу из комнатки.

На этот раз мне никто не встречается, да и я не ищу новых знакомств. Прислушиваясь к доносящимся из зала звукам, быстро иду к лестнице и поднимаюсь на второй этаж. У двери нашей комнаты никого нет, лишь слышны приглушённые голоса девушек. Я вздыхаю с облегчением, и обоняния тут же касаются ароматы, от которых подводит живот.

Среди подопечных царит оживлённое благодушие, а посередине комнаты на столике стоит поднос с фруктами, хлеб и кувшин.

— Это тебе, — показывает Кирина и зеваёт. — Мы поели.

— Кто принёс ужин? — отламывая кусочек мягчайшего хлеба, спрашиваю я.

— Две женщины из местных, — отвечает Деглия. — Они сказали, что будут приходить два раза в день. Убираться и кормить нас. Сопровождал их только старший страж...

— Я так рада этому! — восклицает Кирина и, отчаянно покраснев, отводит взгляд. — Я хотела сказать, замечательно, что с ним не было тех мрачных мужчин. Особенно того, что отвечал за нашу еду. Он смотрел так, что душа убегала в пятки.

— Дилиг, — ворчу я и повожу плечом. — Не бойся, он больше не придёт. Это он стоял сегодня на коленях перед лордом. Это он... — Осекаюсь и, не желая пугать её сильнее, немного искажаю истину: — Удерживал Лизию. Он тоже преступник. Я боялась рассказать раньше, потому что Дилиг угрожал навредить вам.

— Не дай Гетта, — трогает меня за руку Деглия, — но если подобное повторится, то не молчи. Ты и так заботишься о нас, забывая о себе, Орелия. Позволь нам тоже помочь тебе, делись с нами проблемами, так будет лучше всем. Мы не просто соседки, мы подруги по несчастью, можно сказать, духовные сёстры. Делись с нами, мы ответим тем же и поможем друг другу перенести это испытание!

Девушки согласно кивают, а я растроганно обвожу их взглядом. Слова льются сами собой, я рассказываю и о трагедии Лизии, и о спасшем нас Вирге. Перехожу к рассказу Золетты, и две девушки вызываются навестить норзийку. В комнате будто становится просторнее, потому что мы становимся ближе друг к другу.

Лишь о том, что произошло между мной и Виргом, я умалчиваю. Сама не знаю почему, но мне хочется оставить это при себе. И дело не в стыдливости. А в чём?.. Я решаю не думать об этом.

Ночью мне снится лорд Тьмы, и его прекрасное обнажённое тело переливается капельками воды. Я подаю ему полотенце, но мужчина, улыбаясь, притягивает меня к себе, сжимая в объятиях так сильно, что становится нечем дышать.

Просыпаюсь и, садясь на матрасе, судорожно втягиваю воздух. Мне снова чудится пристальный взгляд Вирга. Осматриваю комнату и пытаюсь успокоить быстро бьющееся сердце. Лунный свет лижет пол у окна, тени прячутся по углам, сгущая мрак за изголовьем кровати. Кроме девушек, тут никого нет, но я ощущаю явственное прикосновение. Вздрагиваю, не понимая, что происходит. Слышу шёпот, который будто раздаётся в моей голове, но говорит мужчина. Вирг!

«Орелия, моя Орелия!»

Вскакиваю на ноги и подбегаю к двери. Распахиваю её и оглядываю пустой коридор. Снизу не доносится ни звука. Все спят.

«Помоги...»

Голос тает, и моё сердце начинает биться словно набат. Не думая ни о чём, я бегу к спальне лорда Тьмы.

Глава 25

У двери, за которой расположены покои Вирга, я замираю.

Стоп!

Рука лежит на прохладном дереве, лёгкие горят от быстрого бега, волнение сжимает горло, не давая глубоко вдохнуть. Что я делаю? Я сошла с ума? Прийти ночью к мужчине... Что он подумает? Как некстати возвращаются воспоминания о бесстыдном поцелуе лорда, его обжигающий шёпот и

слова, от которых всё внутри переворачивается.

Что, если мне просто приснился плохой сон? С северянином всё нормально. Мужчина спит, а тут врываюсь я... Он точно решит, что я пришла, чтобы отдаться. Ведь норзиец с самого начала желает меня. А я? Чего хочу я?

Ладони мгновенно становятся мокрыми, дыхание сбивается, к щекам приливает жар. Качаю головой, рука соскальзывает вниз и повисает безвольной плетью. Прикусываю нижнюю губу и хмурюсь. Не важно, чего хочу я. Лишь благополучие гельерийцев имеет значение. Вирг получит то, чего добивается, и отправит меня обратно.

Нельзя заканчивать эту игру. Как бы ни было тяжело, мне придётся поддерживать интерес лорда к себе. Ради девушек, ради вельи, ради людей, которых голод и война доводят до края. Отступаю на шаг и успокаиваюсь. Да, мне просто приснился кошмар. После насыщенного эмоциями дня это не удивительно.

Поворачиваюсь и на цыпочках, будто лорд мог услышать мои лёгкие шаги через тяжёлую дверь, ухожу от спальни Вирга. Хорошо, что теперь на этаже не дежурят стражи, — можно не боясь выходить из комнаты. И даже вниз, на улицу, через некогда тайный полуразрушенный ход.

Думаю о том, что утром нужно попросить Тейга проводить меня туда и показать, где они укрепляли камни раствором. Не хочется, чтобы как-нибудь на нас свалился кусок стены. Возможно, стоит прихватить с собой Кирину. Кажется, присутствие старшего стража доставляет девушке удовольствие.

Уверена, этот норзиец совсем не такой, как Орид. Кирина ужасно боялась того человека, что указывает на хорошо развитую интуицию и сильный магический потенциал девушки, которую выдали замуж только для того, чтобы не позволить стать жрицей. Мне приятно думать, что молоденькая гельерийка всё же узнает, что такое любовь.

Прекрасное чувство, без которого жизнь кажется пустой и бессмысленной. Хорошо бы она думала о ком-то, мечтала о прикосновениях и будущих детях. Ощувив, что улыбаюсь, я представляю, какие могли бы быть малыши у нас с Виргом...

Застываю на месте и хлопаю себя по лбу. С Саргеном! Конечно, я думаю о своём муже.

Вздохнув, иду дальше, как вдруг слышу приглушённый чем-то вопль. Spина холодеет, волосы на затылке шевелятся. Так ужасно может стонать тот, у кого заживо вырезают из груди сердце. И донёсся леденящий кровь звук со стороны спальни лорда.

Сама не замечаю, как снова оказываюсь у двери в покои норзийца, но на этот раз распахиваю её без сомнений и влетаю в комнату. От увиденного ноги прирастают к полу.

Мрак...

Он расползается жутким смрадным туманом по полу, клубится по углам, застилает ночное окно... Но не это ужасает меня.

Ширигет!

Блондин, склонившись над лежащим на кровати лордом, одной рукой зажимает норзийцу рот, а второй перерезает вены на его запястье. Тёмная, почти чёрная субстанция вытекает вязко, будто это переваренный кисель.

Сердце перестаёт биться, кровь отливает от лица. Прежде, чем я осознаю, что делаю, я понимаю, что в руках моих тяжеленный стул и я им замахваюсь. Удар, и обломки летят во все стороны, а Ширигет падает на пол и, застонав, прижимает руку к ране на голове. Я же сжимаю отломанную ножку с намерением проткнуть мерзавцу глаз.

— Орелия! — вскрикивает Сеот. — Остановись!

Замираю в изумлении. Он тоже здесь?! Стоит и смотрит, как убивают его лорда?!

— Он не вредил Виргу, а помогал ему, — видимо, прочитав всё по моим глазам, тараторит целитель и кивает на таз, в который стекает вязкая чёрная жидкость вроде той, которой рвало норзийца. — У него приступ. Мрак убивает его!

— Проклятая дикарка! — глядя на окровавленную ладонь, возмущается блондин. — Ты разбила мне лицо! Да я тебя...

— Ты! — тыкаю в его сторону обломком. — Лучше сиди. — Поднимаю взгляд на Сеота и приказываю: — Неси камни!

— Их нет. Лорд их увёз.

— Куда?.. Не важно. Отойди!

Переступаю через разозлённого, но заинтригованного Ширигета и поглаживаю лорда по белому лицу.

— Мой лорд. Вы слышите меня?

Он судорожно втягивает воздух и прижимается щекой к моей руке, как мучимый жаждой путник припадает к кувшину с водой.

— Интересно, — приподнимается блондин. Косится на целителя: — Она же меченая. Но ему, кажется, лучше.

— Уже не в первый раз, — тихо отвечает Сеот.

Но я не обращаю на них внимания, провожу пальцами другой руки по гладким волосам норзийца, и с каждым движением дыхание его успокаивается, а истекающее из его тела тёмное марево начинает рассеиваться.

— Глазам не верю, — бормочет Ширигет и смотрит на меня так, что хочется сбежать. Но я остаюсь, потому что не могу бросить Вирга. Блондин зовёт целителя: — Перевяжи его, идиот!

Ладонь лорда накрывает мою, и мужчина, повернувшись к ней лицом, прижимается тёплыми губами к коже. Вздрагиваю, а Сеот тихо говорит внимательно наблюдающему за мной Ширигету:

— Думаю, нам можно удалиться...

— И оставить едва живого лорда Тьмы наедине с меченой?! — рычит тот так, будто Сеот предлагает бросить Вирга в клетку к дикому зверю.

У меня вырывается смешок:

— Только не говорите, лорд, что боитесь бытового мага!

— Ты... — начинает блондин, но осекается, наткнувшись на взгляд Вирга.

— Уходи.

Ширигет сквозь зубы цедит нелицеприятные слова, но всё же отходит к двери. Сеот протягивает блондину салфетку, смоченную зельем, но мужчина отпихивает его руку и покидает спальню. В последний момент смотрит на меня так, что по шее бегут мурашки.

Дверь закрывается, и наступает тишина. Напряжение возрастает, я понимаю, что натворила, поддавшись эмоциям. Пытаюсь отдернуть руку и подняться, но Вирг не отпускает.

— Простите, — выдыхаю с чувством.

— За что? — едва не мурлычет он, лаская меня тёмным взглядом.

Будто не испускал дух только что. Сейчас же от мрака почти ничего не осталось, лишь чернели углы комнаты, да густая масса в тазике напоминала об ужасном состоянии Вирга. Мужчина поглаживает кожу моего запястья большим пальцем, а мне неловко от того, как приятно это простое движение.

— Я ударила вашего друга, — признаюсь я. — Поранила его. — Встрепенувшись, пытаюсь оправдать свой поступок: — Я думала, он пытается вас убить!

— М-м, — щурится он, и я прикусываю нижнюю губу, жалея о вырвавшихся словах. — Так ты меня защищала? Знаешь, меня ещё никто никогда не пытался спасти. Думаю, я хочу как следует поблагодарить тебя.

— Как? — не зная, куда деть глаза, шепчу я.

Мечтаю исчезнуть прямо сейчас, оказаться где угодно... И понимаю, что ещё сильнее хочу, чтобы Вирг продолжал окутывать меня чарующими хриплыми нотками в низком голосе и поглаживать мою руку. А может, и не только руку. О нет. Я точно не в себе.

— Утром узнаешь. — Притягивая к себе, он заставляет меня лечь рядом. Шепчет: — Это сюрприз...

— Вы уже сделали нам чудесный подарок, — пытаюсь вырваться я. Сердце мечется по груди как свихнувшаяся птица, перед глазами всё темнеет, но я смотрю на твёрдые губы лорда и мечтаю

снова ощутить их невероятный солоноватый вкус. — Я просила вас позволить девушкам дышать свежим воздухом, и вы всю ночь чинили тайный ход, чтобы исполнить моё желание как можно безопаснее для нас. Поверьте, я ценю это и...

— Тише, — прижимает он меня к себе, щекочет губами ухо. — Не волнуйся, я тебя не трону... Только если сама попросишь.

— Не попрошу.

— Утром я покажу тебе то, что порадует тебя больше очищенного от булыжников коридора, — усмехается он. — Просто полежи со мной, хорошо?

Смежив веки, он затихает, а я непонимающе смотрю на его лицо, стараясь не любоваться правильными чертами. Просто полежать? Вот так рядом... всю ночь?!

Через несколько минут дыхание мужчины выравнивается, плечи расслабляются. Заснул...

Я же не желаю даже моргать. Такого Вирга я ещё не видела. Нет ни жёстко поджатых губ, ни обострившихся скул. Меня касается свежесть дыхания, дразня мускусным ароматом. Сейчас мужчина кажется таким уязвимым... Открытым для меня.

«Только если сама попросишь».

Этого не будет. Потому что надо следовать правилам игры в право первой ночи и не влюбляться в того, кому нужно лишь взять очередную крепость.

И всё же... Я рада, что норзиец выжил и сейчас крепко спит.

Тянусь к нему и невесомо касаюсь губ своими. Этот миг останется в моём сердце. В самом укромном его уголке.

Глава 26

— Доброе утро, красавица. — Тихий шёпот обжигает слух, как жаркое дыхание кожу щеки. — Ты милая, когда спишь.

Отпрыгиваю от Вирга, как от гремучей змеи. Поправляя платье, ворчу:

— Потому что не сопротивляюсь и не высказываю неприятную правду в лицо?

Он улыбается и кивает:

— Отчасти и поэтому.

Я пристально смотрю на мужчину, пытаюсь выявить последствия вчерашнего приступа. Не хочу поднимать скользкую тему, но и молчать не в силах:

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, — рывком поднимается он и пинком отправляет таз под кровать. — Думаю, ежедневно просыпаться в объятиях красивой женщины полезно для здоровья.

— И у вас большой выбор для осуществления своих планов, — горько вырывается у меня.

Я прикусываю язычок, но слов обратно не возьмёшь. И судя по хитро прищуренным глазам лорда, он догадался, на что я намекаю.

— Оказывается, приятно, когда тебя ревнуют, — слышу в ответ и, резко отвернувшись, встаю. — Ты смущена?

— Нет, — лгу я, пятернёй приглаживая растрепавшиеся волосы. — Лишь прошу отпустить других, ведь я остаюсь с вами добровольно и даже...

А вот этого произнести я не могу, поэтому прикусываю нижнюю губу и наматываю на палец кружевную тесьму. Гетта! Зачем я вообще начала этот разговор? Лорд не говорит ни слова, и это его молчание красноречивее всех слов. Стараюсь придумать, как сменить тему разговора, и на ум приходят вчерашние слова Вирга.

— Вы обещали подарок, — тихо напоминаю я.

— Если ты готова его принять, то подойди ближе.

— Зачем? — настораживаюсь я.

— Побрей меня, — усаживается лорд за стол. — Сегодня я хочу выглядеть как гельерийский вельер. Помогите мне в этом.

Удивляюсь, но всё же иду к мужчине, быстро провожу кончиками пальцев по щеке, ощущая кое-где щетину. Сердце то замирает, то начинает стучать быстрее. От близости Вирга кружится голова, и я уже не пробую уверить себя, что это от ненависти темнеет перед глазами. Не мечтают поцеловать того, кого презирают.

Я сама себя загоняю в ловушку. Влюбиться во врага — что может быть ужаснее? Только полюбить того, кто желает тебя лишь на одну ночь, чтобы подтвердить свою власть.

Требуется довольно много времени, чтобы выбрать одежду, которая полностью преображает Вирга, но мне кажется, что минуты летят слишком быстро. Сейчас мужчина совсем не похож на норзийца, на опасного воина, на врага. Северянин выглядит как мирный путешественник, с которым мы могли бы познакомиться на воскресном рынке. Возможно, отец пригласил бы гостя на обед, а после показал бы нашу велью...

Чужая жизнь, невозможные события, беспочвенные мечты. Я слеую за Виргом, напоминая себе, что это волк в овечьей шкуре и гельерийский наряд не сделает из лорда Тьмы вельера. А поджарый конь, которого седлают для норзийца, выглядит так, будто с него только что сняли окровавленную броню.

— Держись крепче, — легко вскочив в седло, протягивает руку Вирг.

На миг поддаюсь сомнениям, вспоминая, как вот так же, на одной лошади, ехала на собственную свадьбу. Может, стоит отказаться, но любопытство всё же пересиливает. Когда наши ладони соединяются, лорд легко, будто пушинку, поднимает меня и сажает перед собой. Ощущаю спиной его могучую грудь, сильное и ровное дыхание, сутулюсь, стараясь казаться меньше и незаметнее.

Слишком много вокруг норзийцев, кажется, что все смотрят в нашу сторону, пока мы подъезжаем к воротам. Тейг, проводив нас, в ответ на взгляд лорда молча кивает и спешит обратно во дворец. Оказавшись за стенами, конь Вирга переходит на галоп, и я захлёбываюсь свежестью утреннего воздуха.

Как же хорошо снова ощущать ветер!

— Ты улыбаешься, — слышу довольный голос норзийца. — Мне нравится это.

— Каждой птице нравится летать... — смеюсь я и осекаюсь.

Вирг молчит, проглотив мой намёк на клетку. Остальное время в дороге проходит молча. Лишь когда мы приближаемся к небольшой деревне, лорд сухо просит:

— Если я буду вести себя не так, как должен вельер, пожми мне руку.

И соскакивает с коня. Потянувшись ко мне, осторожно снимает с седла и ставит рядом с собой. Деревянные ворота открываются, и к нам выходят мужчины. Впереди старец, за ним — трое среднего возраста. В руках самого младшего поднос с кувшином и тканевым свёртком. Обоняния касается кисловатый аромат свежее испечённого хлеба.

— Мир вам, — кланяется старец. — С чем пожаловали сегодня, лорд Тьмы?

— Я приехал как ваш вельер. — Голос Вирга звенит металлом, и я незаметно сжимаю его ладонь. Тон норзийца смягчается: — Если у вас есть просьбы или жалобы, я готов выслушать и помочь.

Старик беззубо улыбается, а его сопровождающие наперебой начинают рассказывать о сухой земле и погибающих всходах. Я выступаю вперёд:

— Покажите вельеру мёртвые земли.

Мы долго идём, потому что у деревенских жителей не принято использовать ценных лошадей как транспорт. Вирг поддерживает меня под локоть, заботливо помогая на неровной почве, переносит через овраги на руках.

Первое поле оказалось не мёртвым, а иссушенным. Я гляжу на небо, высокая чистота которого не обещает скоро дождя. Присев на корточки, прижимаю ладонь к земле и прислушиваюсь к потокам силы.

— Здесь подземная река, — сообщаю лорду. — Но глубоко, под каменным пластом. Я могла бы направить рукав на поверхность, но...

Осекаюсь и с улыбкой смотрю в серьёзное лицо Вирга.

— Если вы поможете, мой лорд.

— Я? — Кажется, норзийца охватывает удивление.

Я киваю:

— Ваша сила разрушения. Вы можете направить её на каменный пласт, чтобы создать пару трещин, через которые вода бы проникала и питала всходы?

— А если я не рассчитаю силу и взорву всё поле? — притянув к себе, едва слышно уточняет норзиец.

— Вы можете кричать, — смотрю на него в уверенности, что всё получится, — а можете говорить тише и даже шептать. С магией так же. Попробуйте!

— Вам лучше удалиться, — мрачно советует Вирг старцу, и тот, понимая кивая, резво убегает с поля. За старейшиной спешат его помощники, а норзиец вжимает меня в своё тело так сильно, что ноги мои отрываются от земли. — Держись за мою шею. Не хочу, чтобы ты случайно пострадала.

Лицо его становится мрачным, черты обостряются, а глаза темнеют, утрачивая белок и радужку. Во все стороны от нас изливаются чёрные клубы мрака, проникая в недра, будто впитываясь. Я ощущаю, как содрогается земля, и шепчу лорду на ухо:

— Тс-с... Тише. Ещё тише. Шёпотом.

Чёрные потоки светлеют, утрачивая грозовую плотность, призрачные ленты силы истончаются до тех пор, пока не исчезают вовсе. Землетрясение уменьшается до слабой дрожи, и в нескольких местах из земли вырываются струи воды. Миг, и они текут весёлыми ручейками по полю.

— Получилось, — будто не веря самому себе, изумляется Вирг и смотрит на меня совершенно сияющими от восторга глазами, к которым вернулся нормальный вид. — Мрак не захлестнул меня, не причинил боли. Но почему?

— Может, потому, — осторожно предполагаю я, с улыбкой глядя на ручейки, — что магия направлена на возрождение живого, а не на уничтожение. Сеот сказал, мрак — это обоюдоострый меч. Острие может рубить плоть... а может пахать землю, подготавливая почву для посева.

Вирг молча подхватывает меня на руки и, переступая ручейки, приближается к ожидающим у рощицы мужчинам. Старейшина показывает в направлении утёса, и лорд направляется туда. Новое поле, новые проблемы... Решения приходят одно за другим — мне помогает опыт отца, магия милосердной Гетты и тёмная сила лорда.

В глазах стоят слёзы — этот день проходит так, как я всегда мечтала. Деревенские девочки приносят нам еду, а мы, перекусывая на ходу, возрождаем земли нашей вельи...

Нашей?!

Я мельком смотрю на человека, который ведёт себя как истинный вельер. Который, возможно, стал бы прекрасным мужем. Смогла бы я принять вчерашнего врага как сегодняшнего защитника? Ответа на этот вопрос нет.

— Устала? — ловит мой взгляд лорд. Берёт за руку. — Продолжим завтра, я не хочу, чтобы ты снова заболела.

Будь проклята улыбка, которую я не могу сдерживать. Я сейчас слишком счастлива, чтобы скрывать это, и Вирг всё видит. Понимает. Попрошавшись с жителями, он усаживает меня на коня, которого потом ведёт под уздцы. Над головой темнеет вечернее небо, слух улаживают песни сверчков, а впереди...

Заметив голубоватое свечение, я ахаю и подаюсь вперёд, не веря своим глазам.

— Это же храм! Откуда он здесь?!

В окрестностях Ройепина разрушены все храмы, не осталось ни одной жрицы — я знаю это. Но всё же вижу полупрозрачные стены и высокие арки.

— Помнишь камни в моей спальне? — Вирг останавливает коня и, глядя на меня, будто впитывает мою недоверчивую радость.

Качаю головой, не в силах произнести ни слова. Надежда, как называет храм отец, снова вернулась в эти земли.

Лорд Тьмы только что подарил мне веру.

Я бы смогла принять этого мужчину как своего единственного вельера.

Глава 27

Замок встречает нас тишиной, лишь стук копыт разлетается по тёмному двору. Воины на страже сна жителей Ройепина стоят смирно, смотрят прямо, и лишь двое закрывают за нами ворота. Невысокий норзиец берёт коня под уздцы, а Вирг принимает меня в объятия. Но не опускает, а несёт на руках.

Я смущённо прячу лицо на груди мужчины, не желая думать о том, что вокруг полно северян. Вирг молча несёт меня внутрь, а я доверчиво обвиваю руками его сильные плечи. После того, как лорд Тьмы жестоко казнил одного за неподчинение его приказам, на девушек даже не поднимают глаз. И на меня тоже. Лишь Тейг смеет смотреть на нас, он же и бережёт наш покой.

Как и сейчас, он стоит у двери в отведённые геллерийкам покои... Но не один. Рядом замечаю тоненькую фигурку Кирины. Но в следующе мгновение она исчезает, а старший страж резко разворачивается к нам и склоняется:

— Мой лорд.

Вирг не отвечает, он аккуратно опускает меня и, убедившись, что я крепко стою на ногах, с улыбкой проводит кончиками пальцев по моей щеке.

— Думаю, ты хочешь проверить, как себя чувствуют твои подруги.

— Да, спасибо, — опускаю я голову так, чтобы снова ощутить скупую ласку его пальцев.

Сейчас, в этот момент, я невероятно счастлива, и поэтому испытываю вину. И краду удовольствие тайком, будто это преступление — не ненавидеть норзийца.

Так оно и есть? Я предаю свой народ, своего отца и брата, ведь Вирг с каждым днём нравится мне всё сильнее.

— Тейг проводит тебя ко мне, — шепчет лорд, легко касаясь губами моих волос.

Будто спрашивает разрешения поцеловать, и я ощущаю его жаркое дыхание. Не поднимая головы, легонько приподнимаюсь на носочки, прижимаясь лбом к его губам. Так же, пряча взгляд, быстро скрываюсь за дверью. Прильнув к ней спиной, судорожно выдыхаю и медленно оглядываю комнату.

Девушки спят. На столике поднос, накрытый чистой салфеткой с вышивкой. Под ним, я уверена, лежит часть ужина для меня — подруги заботятся обо мне, и это рождает в груди тепло. Обхожу их, рассматривая безмятежные лица, подрагивающие ресницы, приоткрытые рты. Ещё недавно никто из нас не мог уснуть здесь, но сейчас всё изменилось.

Замираю у матраса, на котором лежит Кирина. Девушка натянула покрывало на голову и издаёт звуки, напоминающие похрапывание, но слишком старается и часто сбивается с ритма.

Улыбаюсь, думая о том, что стоит попросить Вирга предоставить нам ещё кроватей. Матрасы — это лучше, чем голый пол, но всё же девушки подвергаются опасности простудиться. Кажется, в северном крыле я видела подходящую мебель, которую смогу починить без особых усилий.

Сейчас мне хочется беречь свою магию для Вирга... Для его вельи. Нет. Для нашей вельи!

— Я не осуждаю тебя, — с улыбкой произношу, когда Кирина неловко давится «храпом». — Мне кажется, Тейг достойный мужчина. Возможно, с ним твоя магия вызреет и милосердная Гетта подарит благословение...

Становится тихо, девушка больше не делает вид, что спит.

— Но... я замужем, — голос её подрагивает.

Вздыхаю, понимая её страхи и сомнения. Мне они тоже близки, и я понятия не имею, как с этим жить. Но у меня нет выбора — я добровольно отдала себя и свою силу лорду Тьмы, пошла на сделку. А Кирине нравится страж Вирга, страж мужчины, которому девушка, по жестокому закону князя Тьмы, должна отдать свою девственность.

Вздыхаю.

— Спокойной ночи. Я вернусь утром. Ненадолго... А потом мы с лордом снова отправимся по деревням, помогать с посевами.

Иду к выходу. Слышу осторожный вопрос:

— Ты в порядке?

Оборачиваюсь и смотрю в блестящие глаза сидящей на матрасе подруги.

— Да... И нет.

Она кивает, и я знаю, что подруга понимает, что именно я чувствую. Потому что её сердце тоже беспокойно. В этот миг девушка будто резко становится старше, меняется на глазах. Нам всем приходится быстро взрослеть и прощаться с иллюзиями.

— Присмотри за ними, — указываю взглядом на спящих гелъериек.

Она улыбается:

— Хорошо.

Я замираю у двери. Прежде, чем закрыть её, делюсь своим подарком:

— Лорд Вирг восстановил храм. Там пока нет жрицы, но в Ройепине появилась надежда на милосердие Гетты.

Кирина резко прижимает руки к груди, будто там ноет. Глаза девушки разгораются, а я закрываю дверь и обращаюсь к Тейгу:

— Не обижай её.

— Не беспокойтесь, — коротко кланяется он и направляется по коридору, провожая меня к Виргу.

— Я позабочусь о женщинах лорда. Клянусь своей жизнью, никто не пострадает.

— Ты же понял, о ком я. — Иду за ним и буравлю взглядом спину. — И о чём.

— Вам не о чем переживать, — останавливается он. Указывая рукой на дверь в спальню лорда, на миг опускает голову. — Я прекрасно осознаю своё место. Думаю, вам стоит вернуть ей это.

Он протягивает мне тонкий кружевной платок с искусной вышивкой. Я беру подарок, столь легкомысленно врученный Кириной стражу, и прячу в кармане.

— Передайте, что я недостоин чести, — сухо добавляет мужчина и, развернувшись, уходит обратно.

Я замираю на пороге спальни Вирга, мучаясь в сомнениях. С одной стороны, испытываю облегчение, ведь подобный подарок от замужней женщины весьма фриволен. Тейг поступает благородно, передавая его через меня. Или же страж просто дорожит своей жизнью, зная, что будет за неповиновение, — Вирг запретил прикасаться к своим женщинам.

Но с другой, я осознаю, что девушка потеряла голову от мужчины, с которым никогда не будет вместе. Настолько, что решилась предложить свою честь. И от этой мысли в груди всё переворачивается. Кусая губы, я думаю не о подруге и её чувствах, а о том, на что иду сама. И почему я это делаю. Выводы, к которым я прихожу, удручают и повергают в уныние.

Вирг победил, крепость пала. Ворота распахнуты, золотой ключик лежит на бархатной подушечке. А я вот-вот войду в спальню лорда, чтобы...

— Не верю, что ты всерьёз!

Вздрагиваю, узнав голос Ширигета. Отдёргиваю руку и отступаю на шаг, радуясь, что задумалась и не опозорила себя. Разворачиваюсь, чтобы вернуться к девушкам, как до слуха доносится:

— На ней метка, друг! Или ты ослеп от страсти?

Застываю на месте, сердце начинает колотиться. Ответа Вирга не слышу, но мне важно знать, что он говорит. Решившись, приближаюсь к спальне и прижимаю ухо к прохладному дереву двери.

— Отдай девчонку князю, не глупи.

Голос Ширигета подрагивает от гнева. Или от беспокойства? Затаив дыхание, я холодею. Отдать князю? Меня?! Зачем, во имя милосердной Гетты?

— Не обсуждается.

Уголки губ приподнимаются в невольной улыбке. Как знаком мне этот его тон. Мой лорд никогда не уступит того, что не желает отдавать. И это вселяет надежду. Ведь если Ширигет вернулся в

Ройепин, чтобы потребовать у лорда одну из девушек, тот обязан подчиниться.

— Ты подпустил её слишком близко, — пытается вразумить Вирга блондин. — Она погубит тебя.

— Она спасает меня, — возражает лорд. — Ты своими глазами видел, как она уладила мрак.

— Это и пугает, — бормочет Ширигет. — Пойми, друг! Если девчонка обладает такой властью над твоей силой, то может и вызвать её. Приказать сделать то, что нужно ей! Один из твоих стражей рассказал мне любопытную историю...

— Нет, — обрывает его Вирг. — Я знаю, что ты скажешь. Но нет, это не она.

— А я считаю, что прав.

Я качаю головой и медленно пядусь. Ширигет считает, что я управляю мраком? Это же невозможно! Но перед глазами мелькают картинки произошедшего. Я зову Вирга, и он появляется — безумный, неуправляемый. Убивающий! Я касаюсь его руки, пробуждаю.

Усмиряю.

Гетта! А вдруг это правда?!

— Мне напомнить тебе слова пророчества?

Вздрагиваю и вжимаюсь с ледяную стену: голос Ширигета звучит очень близко. Похоже, блондин уходит. Быстро оглядываюсь, понимая, что спрятаться тут негде, но встретить сейчас лорда равносильно смерти.

Разворачиваюсь и со всех ног бегу по коридору, молясь милосердной богине, чтобы Ширигет не заметил меня. Но и вернуться в спальню девочек не могу — преданный лорду Тейг приведёт меня обратно. Вспоминаю о расчищенном ходе и сворачиваю к нему — на площадке, под звёздами, будет время и успокоиться, и прийти в себя, и подумать над обвинениями.

Файрелы чернеют на стенах, и я благодарю стражей, затушивших магический огонь. Я могу пробраться наружу не замеченной никем. Выскочив из замка, едва перевожу дыхание, как тут же оказываюсь в жёстких объятиях.

— Попалась, птичка!

Задыхаюсь от ужаса: он жив?!

Глава 28

Увы, надежда на то, что Дилида тоже казнили, не оправдалась. Страж стоит сейчас передо мной живёхонек, на лице мерзкая ухмылка, в глазах похоть и торжество.

Пытаюсь успокоиться, чтобы использовать свою силу. Не знаю как, но я не дамся этому уроду. Он ещё пожалеет, что подкараулил меня! Но концентрация ускользает, от сильной хватки становится трудно дышать, в глазах темнеет. Остаётся лишь молиться милосердной Гетте...

— Отпусти её.

Кажется, я на грани обморока, раз мерещится голос Сартена.

— Сначала золото, — хмыкает Дилид. — Придётся свалить из этой дыры как можно быстрее.

— Держи!

Меня отпускают, страж ловит звякнувший кошель, а я покачиваюсь, не веря своим глазам.

— Сартен?!

Откуда он здесь, на площадке между разрушенными участками стены, высоко над площадью Ройепина? Не с неба же спустился? Запрокидываю голову, надеясь увидеть лестницу или канат, а мужчины перебрасываются короткими фразами. Дилид смеётся, отпивает из протянутой фляжки Сартена. Крякнув от удовольствия, вытирает губы и исчезает в темноте хода.

Сартен берёт меня за руку и, притянув к себе, заключает в крепкие объятия.

— Я так беспокоился... И скучал! Любовь моя Орелия...

— Что происходит? — решительно отстраняюсь от мужа. — Как ты попал в Ройепин?

Смотрю ему в глаза, ожидая, что он скажет о подкупе стражи только чтобы увидеться со мной. Но надежде не суждено сбыться.

— Я пришёл за тобой, — приникая вновь, жарко шепчет мужчина. — Бежим сейчас!

Я испуганно вздрагиваю и пытаюсь высвободиться, но Сартен не отпускает. Говорит быстро и горячо:

— Не бойся, никто не пострадает. Ни твой отец, ни другие девушки. Я придумал, как вытащить тебя отсюда. Когда узнал, что сделал этот человек, — он кивает в сторону, куда ушёл Дилид, — так сразу пришла идея.

— Сартен, я не могу...

— Да послушай же меня! — злится он, руки мужа сжимаются на моих плечах. — Как бы я ни старался, мне не удалось собрать тысячу золотых. Я не могу выкупить тебя. Но могу спасти! У меня есть двести, этого хватило на подкуп пары стражей лорда, а ещё осталось на одно замечательное зелье. И оно вот-вот подействует...

Он дёргает уголком губ, словно прислушиваясь к чему-то. От металлического блеска в глазах мужа холодеет затылок. Раздаётся крик, за которым следует звон мечей, и Сартен бесцеремонно тянет меня в сторону обрыва. Я сопротивляюсь изо всех сил, но взгляд приковывает группа стражей, которые в темноте затеяли бой. Посреди, размахивая оружием, безумно кричит Дилид.

— Кое-кто за сотню монет сказал, что он столкнул тебя со стены, — дёргает меня муж, и я смотрю, куда он показывает. — Он даже возразить не может, из-за зелья ему кажется, что вокруг враги! Скорее, нам нужно ещё переодеть труп.

От вида лежащего на камнях тела у меня перехватывает дыхание. У несчастной такие же, как у меня, волосы, а вместо лица кровавая каша. Рядом с мёртвой девушкой нервно топчется незнакомый мужчина в плаще. Поглядывая наверх, он делает Сартену знаки поторопиться. Теперь я замечаю длинную лестницу, приставленную снизу. Именно к ней меня подталкивает муж.

— Тебя не будут искать, Орелия. Я нашёл девчонку такого же роста и комплекции... Один мастер изобразил на её плече вязь как у тебя. Настоящим золотом! Никто не заметит подлога...

— Кто она? — резким движением вырываюсь я. Голос мой дрожит. — Ты... Ты убил её?

— Зачем мне самому марать руки? — коротко морщится он и быстро оглядывается на сражающихся. — Орелия, я потратил двести золотых на твой побег. Давай же, соберись! — Я мотаю головой и медленно отступаю. Лицо мужа становится злым. — Неужели так понравилось быть подстилкой лорда?!

Вздвогнув, как от пощёчины, я выкрикиваю:

— Вирг не тронул меня!

— Вирг? Называешь лорда Тьмы по имени?

Прищурившись, Сартен на миг столбенеет. В глазах его появляется холод, в голосе металл:

— Ты идёшь со мной сейчас же, Орелия. Или очень пожалеешь.

Я опускаю голову, с горечью глядя на девушку, которую убили из-за меня. К горлу подкатывает ком, по щекам скользят слёзы. Но отвечаю мужу твёрдо, разделяя слова:

— Я с тобой никуда не пойду.

— Шлюха! — выплёвывает он и, шагнув ко мне, вдруг широко замахивается.

Я не ожидаю удара от человека, которого любила, поэтому не успеваю даже отшатнуться. От боли звенит в ушах, а перед глазами всё плывёт. Ощущаю, как ноги отрываются от земли...

— Пойдёшь как миленькая! — Голос Сартена дребезжит от ярости, словно камни в ведре. — Не сама, так потащу! Как сказал, так и будет. Тело похоронят, а тебя я спрячу в Айсуге. Для твоего же блага, дура...

— Сартен! — слышу снизу.

Муж закидывает меня на плечо, живот сдавливает болью, перед глазами покачивается лестница, а под нами разверзается пропасть. Кажется, мы так высоко, что начинает подташнивать. Слёзы сползают по носу, скула ноет, кожу саднит.

— Вирг, — шепчу едва дыша. — Вирг...

Пусть даже Ширигет прав! Зато лорд услышит меня, придёт на помощь. Спасёт от мужа? Я бы рассмеялась, да только в груди будто кто-то нож проворачивает. В голове не укладывается, что Сартен ударил меня... Что заплатил кому-то за убийство невинной девушки. И решил увезти меня без согласия!

Протягиваю руку, концентрация приходит вместе со льдом осознания, что сейчас во мне нет чувств к человеку, который стоял рядом на церемонии. Никаких, кроме презрения. Оказалось, Сартен мне чужой и я его совершенно не знаю. Тот парень, с которым мы встречались, за которого я собиралась выйти замуж, никогда бы так не поступил. Не положил бы чью-то невинную жизнь на алтарь гордости.

Меня до конца жизни будет преследовать видение — девушка без лица, распластавшаяся на камнях... С кончиков пальцев срывается золотистая молния, магия бежит искрами по деревянной доске лестницы, разрушая связь, раздробляя волокна древесины. Меня учили созидать, использовать благословение Гетты на благо земли и людей, но после знакомства с лордом Тьмы я могу и разрушать. Ради спасения. Или мести.

Сартен, потеряв опору, вскрикивает, а я ощущаю свободу и короткий полёт. Судорожно вцепившись в край стены, удерживаюсь над пропастью. За спиной слышу глухой удар, негромкую ругань. Всё это на фоне звенящих мечей и сумасшедших криков опоённого зельем стражника. А над головой простирается чёрный туман, будто дым от невидимого огня. Внизу тут и там вспыхивают многочисленные огни фейрелов. Становится светло будто днём.

Хочу подтянуться, но сил не хватает, дрожащие пальцы медленно разгибаются. Концентрация больше не возвращается, да и что я могу сделать? Звать на помощь бесполезно, никто не услышит. Скоро я упаду, и внизу будут две мёртвые девушки. Кусая губы, шепчу:

— Вирг.

На запястье смыкается сильная рука, будто железные оковы. Меня тянут вверх, но я не знаю, радоваться ли спасению. Потому что понимаю: лестницу разрушила не моя магия, а туман оказался мраком. Он душит меня, сжимает грудь, лишает сознания. Очувтившись в мужских объятиях, беззвучно молю:

— Отпустите...

— С удовольствием бы, — зло шипит Ширигет и встряхивает меня, будто куклу, в опасной близости от пропасти. — Но ты нужна князю живой.

— Ширигет! — раздаётся громовой голос, и у меня сердце замирает и перехватывает дыхание. Вирг совсем рядом! — Убери руки от моей женщины!

— Она попыталась сбежать, — громко сообщает блондин, но всё же его пальцы разжимаются.

Я быстро отступаю на несколько шагов и прижимаюсь спиной к холодной стене. Дрожа всем телом, ищу взглядом Вирга и вижу, как со стороны тайного хода густой рекой разливается мрак моего лорда. Чёрные щупальца поднимаются по камням, будто жуткий плющ, обвивают ноги Ширигета. Потому блондин отпустил меня — его магия терялась под напором мутной тьмы, как полупрозрачный туман в гуще облаков.

— Вирг, — хрипит Ширигет. — Посмотри вниз! В твой курятник пробрался лис. Девчонка едва не улизнула со своим муженьком!

Лорд широкими шагами приближается к краю стены и протягивает руку, с кончиков пальцев его срывается тёмное пламя. Оно летит с невероятной скоростью к убегающему мужчине в плаще и врежется в спину. Сердце моё ёкает. Как бы то ни было, смерти мужу я не желаю.

— Нет!

Гельериец замирает, вытягиваясь во весь рост, медленно заваливается на спину. Это не Сартен. Его подельник.

Вирг медленно разворачивается ко мне, на лице его появляется хищный оскал:

— Нет?

— Нет, я не пыталась сбежать, — качаю головой, наблюдая, как лорд Тьмы приближается ко мне, неотвратно, как сама смерть. Добавляю тише: — Я же обещала...

— Ширигет, — рычит Вирг, и блондин приближается, с ухмылкой глядя на меня.

Холодею: неужели лорд отдаст меня князю Тьмы?

— Убей стража, который устроил шум, — чеканя слова, приказывает лорд. — Немедленно! Возьми в помощь Тейга и найдите всех, кто замешан в побеге. Утром я их... с ними поговорю. А с тобой...

Он берёт меня на руки и несёт к ходу. Лицо Вирга кажется высеченным из камня, твёрдые губы изгибаются.

— ...Пообщаюсь сейчас же.

Глава 29

Дверь захлопывается с таким треском, что удивительно, как она не разлетается вдребезги. Вирг бросает меня на кровать и, развернувшись, поспешно отходит к окну. Сжимает кулаки, будто сдерживается, чтобы не придушить меня на месте.

— Говори, — приказывает таким тоном, будто даёт мне последнее желание перед смертью.

Я слетаю с кровати и осторожно приближаюсь к лорду. Протягиваю руку, но дотронуться не решаюсь.

— Я не пыталась сбежать. — Несмотря на то, что ноги дрожат от волнения, голос мой звучит удивительно спокойно. — Это правда. Сартен подкупил Дилида и опоил его зельем. Таким, после которого страж в каждом видел врага. Муж просил меня воспользоваться шумом и сбежать в Айсуг, но я отказалась. Я ведь пообещала, что останусь. И разве я могла бросить девушек? Прошу, поверь...

— С чего мне тебе верить? — резко разворачивается он, и я отшатываюсь, замечая сгустившуюся тьму в глазах лорда. — Я твой враг. Тот, которого ты искренне ненавидишь. Не об этом ли ты всё время думаешь, когда смотришь на меня? Я вижу это в твоём взгляде, Орелия. С самого первого мгновения ты мечтала оказаться как можно дальше от меня. И что бы я ни делал, твоё отношение не поменялось. Я так и остаюсь мраком, заслоняющим солнце. Так?

— Неправда! — вскрикиваю я. Цепляюсь за его руку, не обращая внимания на изливающуюся из тела мужчины магию Тьмы, говорю горячо: — Я очень ценю всё, что ты сделал. И для гельериек, и для меня. И особенно для нашей вельи!

— Я увидел, как это ценно для тебя, — жёстко кривится Вирг. — Ты усыпила мои сомнения ласковыми словами, обещаниями быть рядом и помогать во всем. А сама дождалась, когда я ослаблю контроль и сниму стражу, чтобы улизнуть. Что же, это весьма умно, вельера. Особенно меня восхитил ход с трупом. Bravo!

Холодею от одного предположения, что я могла желать той девушке гибели. От несправедливого обвинения становится горько во рту.

— Ширигет видел, как меня тащили, — пытаюсь доказать свою невиновность. — Сартен хотел похитить меня, а я сопротивлялась. Честно!

— Слова, слова, слова. — Голос лорда становится тише, но угроза в нём сгущается. — Ты умеешь с ними обращаться, вельера. Я почти поверил, что для тебя превыше всего важна жизнь во всех её проявлениях. Даже моя! Поддался твоему восторгу, когда на пустой земле появлялись всходы. Проникся сочувствием, которое, казалось, было искренним, когда ты касалась меня. И находил в себе силы бороться с мраком. Но всё это ложь.

Лорд останавливается рядом и, нависая огромной ледяной скалой, цедит:

— Маленькую гельерийку оторвали от привычной жизни и швырнули в логово зверя. Печально! Но хитрая лиса прикинулась овечкой, чтобы обвести волка вокруг пальца. Довольна собой? Понравилось дёргать хищника за хвост?

Я смотрю на него не моргая. Слова лорда жалят, как дикие осы, но в глазах его столько боли, что становится невозможно дышать. Я хватаюсь за рукав мужчины и отвоёвываю глоток воздуха, чтобы прошептать:

— Ты ошибаешься. Я бы ни за что не оставила тебя.

— Мне, жестокому зверю, стоит поверить в это? — Его верхняя губа приподнимается, обнажая зубы, словно хищник скалится. — Тогда скажи, почему же ты решила остаться со мной?

— Потому что я люблю тебя.

Замираю, не веря, что это произнесла я. Вирг тоже будто столбенеет, не моргая смотрит на меня.

Кажется, время застывает, становится вязким, как мрак, истекающий от ярости из лорда Тьмы.

Сердце моё начинает колотиться ещё сильнее, к щекам приливает жар. Что?! Когда это случилось? Как я умудрилась влюбиться во врага? Неужели я сказала это вслух? Я хочу умереть прямо сейчас!

— Ложь, — рычит лорд и наклоняется так, что наши губы едва не соприкасаются. — Ты же хитрая лиса!

— А ты жестокий зверь. — Хочу убежать, но вместо этого тянусь к нему, касаясь губами солоноватой кожи, пью мускусное дыхание. От одного присутствия этого противоречивого мужчины подкашиваются ноги и вырывается стон: — О, как бы я хотела, чтобы это оказалось ложью!

— Больше я не поверю ни единому слову, так и знай. — Он прижимается ко мне всем телом и, явно наслаждаясь ароматом моих волос, закрывает глаза. — Ширигет прав, ты ловко манипулируешь мной, меченая. Пора это прекратить!

Я подаюсь к нему навстречу, ощущая каменное напряжение мышц норзийца, наслаждаясь его желанием находиться как можно ближе. Но этого становится мало!

— Это ты играешь со мной, — шепчу, сбиваясь с дыхания. Запускаю пальцы в его жёсткие волосы, распуская их по широким плечам, играя прядями. — Чтобы добиться добровольного права первой ночи, мучаешь меня. То жесток и холоден, то невероятно человечен и уязвим... Кто ты на самом деле?

— Да, ты права! Я твой враг, — рычит он, впиваясь губами в мою шею, оставляя на коже влажную дорожку обжигающих поцелуев до самой кромки лифа. — Тот, кто желает завоевать тебя, покорить...

— И забыть.

— ...И оставить своей навеки, — одновременно со мной произносит он и снова завладевает моими губами. Целуя, продолжает: — Тот, кто готов стать мраком, когда видит мужчину рядом с тобой.

Едва дыша, скольжу ладонями по его груди, расстёгивая пуговицы сюртука и содрогаясь от осознания того, что делаю. Зажмуриваюсь и, отвернувшись, спрашиваю:

— А сейчас рядом со мной ещё мужчина или уже мрак?

— А что ты хочешь?

— Чтобы ты не поддавался мраку. Чтобы ты услышал меня...

Вирг обхватывает мой подбородок пальцами и заставляет встретиться с ним взглядом. Я мгновенно тону в бархатной темноте его осязаемого желания. Шепчу:

— Поверил.

— Тогда тебе придётся доказать... — опалает он мои губы и прикивает к ним жадным, умопомрачительным поцелуем.

Врывается языком, выпивая моё дыхание... Выпивая меня без остатка. Земля уходит у меня из-под ног, я едва понимаю, на каком небе нахожусь, когда Вирг отстраняется и заканчивает:

— ...Что ты никогда не покинешь меня, лиса.

Киваю и, кусая распухшие от его властного поцелуя губы, пытаюсь справиться с завязками на платье. Вирг видит это и с нетерпеливым рычанием раздирает лиф до самой талии. Остаюсь перед ним полуобнажённая и незащищённая, при этом ощущая безусловную власть над мужчиной.

Лорд со стоном, будто получает удар по ногам, опускается на колени и прикивает губами к моему соску. От ласки у меня кружится голова, и я медленно оседаю в объятия норзийца. Вирг на миг отстраняется, чтобы избавиться от сюртука и рубашки. Я люблюсь тем, как под атласной, покрытой шрамами кожей перекачиваются бугры мышц. Черты лица мужчины заостряются, взгляд становится темнее ночи.

— Ты прекрасен, — вырывается у меня.

Вирг судорожно втягивает воздух и, вставая на одно колено, подхватывает меня на руки.

— Ты совершенна!

Вынимая из остатков платья, несёт к кровати. Я дрожу от страха, возбуждения и нетерпения, и этот

дикий коктейль словно наполняет мою кровь перцем, обжигая вены, воспаляя нутро. Между ног становится нестерпимо горячо, а каждое прикосновение к моей коже приносит короткую боль, что на грани с наслаждением.

— Пожалуйста, — шепчу я, сама не понимая, чего прошу.

Освобождения от этой невыносимой пытки и вечного её продолжения? Я захвачена желанием любоваться телом моего лорда и мечтаю закрыть глаза и ощутить, что именно со мной происходит, поддаться течению лавы, пойти на поводу инстинкта.

Вирг, уложив меня на мягкие шкуры, устилающие его кровать, мягко нажимает на мои колени, чтобы я развела ноги. Вздрагивая от стыда и желания пойти дальше, я подчиняюсь. Но когда лорд склоняет голову к моему животу, застенчиво ёжусь.

— Тише, — опалает мужчину горячим дыханием внутреннюю сторону бёдер. — Доверься мне... Чтобы я тебе поверил.

— Это шантаж, — закрыв ладонями пылающее лицо, отвечаю я.

Он смеётся, и у меня от этого звука мурашки бегут по коже.

— Да!

И проводит пальцами по животу, опускаясь всё ниже, круговым движением ласкает средоточие нервов. Застонав, я инстинктивно выгибаюсь и поражаюсь взрыву ощущений.

— О, ты уже влажная для меня, — хрипло говорит Вирг, и у меня от звучания этих слов темнеет перед глазами. — Но я хочу большего.

Он прикикает губами между моих ног, и мир перестаёт существовать. Остаёмся лишь я, он и яростный вихрь нестерпимого наслаждения, почти болезненного, чертовски изматывающего. Вскрикнув, я хватаюсь за плечи лорда, впиваюсь в кожу ногтями. Тело содрогается, а по венам прокатывается дикая волна всепоглощающего огня.

Едва дыша, я откидываюсь на спину и невидяще смотрю в потолок.

— Чувствительная лисичка, — слышу горячий шёпот мужчины, ощущаю тяжесть его тела на своём и снова начинаю трепетать. — Прости за это...

Чувствую между ног нечто большое и твёрдое, машинально сжимаюсь, когда лорд подаёт бёдра вперёд, а низ живота пронизывает короткая боль. Раздираю кожу на плечах Вирга ногтями до крови. Моргаю, на глазах появляются слёзы...

— Тс-с, лисичка моя. — Низкий тембр голоса Вирга вызывает вибрации по всему телу. — Расслабься, не надо напрягаться... — Он снова касается чувствительной точки внизу моего живота, и я постанываю. — Да, вот так.

Он двигается, растягивая меня, проникая всё глубже, и ноющая боль постепенно отступает, а новые ощущения невыносимой наполненности повергают в смятение. Я смотрю на искажённое лицо лорда, его прикрытые глаза, слышу его стон, от которого всё внутри переворачивается:

— Как узко... О, ты невероятна!

Прикикает к моим губам, беря меня ещё и языком, продолжая ласкать пальцами внизу до тех пор, пока мои бёдра не начинают двигаться вместе с его. Пока наш ритм не становится общим, как самый яростный и страстный танец в мире. Пока я не рассыпаюсь от горячей волны, накрывающей меня с головой, выдергивающей из сознания, заглушающей все звуки...

— Орелия, — зовёт лорд и целует уже нежно, будто боится стряхнуть капельку росы с лепестка розы. — Посмотри на меня.

С трудом открываю глаза, на ресницах дрожат слёзы, дышать всё ещё тяжело.

— Скажи что-нибудь, — просит он. — Тебе... плохо? Больно?

— Нет. — Всхлипнув, зажмуриваюсь снова, и по щекам катятся обжигающие капли. — Мне прекрасно. Как никогда ещё не было... Ну и немного саднит внизу.

— Это пройдёт. — Целуя меня в висок, он откидывается на спину.

Его член выходит из меня, оставляя странное ощущение пустоты. Я поворачиваюсь к Виргу и прижимаюсь к его тёплому боку, а лорд заключает меня в кольцо сильных рук. На всю ночь.

Короткие видения оглушают, чередуясь так быстро, что я вскрикиваю и, вскочив, со страхом смотрю в темноту перед собой. Дрожь, протягиваю руку и невероятным усилием вызываю короткую концентрацию. С кончиков пальцев срывается голубоватая молния. Её мертвенный свет на миг вырывает из тьмы просторное полупустое помещение, заваленный бумагами стол, шкуры на кровати. Широкие плечи мужчины...

Я в спальне лорда.

Комната вновь погружается в темноту, а я обхватываю себя руками. Тело колотит так, что зуб на зуб не попадает. Невероятно яркие сны, что пришли ко мне, и сейчас не отпускают меня из своих цепких когтей.

Сартен целует меня в тёмной комнате, его рука на моей груди, пальцы сжимают сосок. Я вырываюсь, наша первая ссора. Его извинения...

Никто бы не успел так быстро прибыть из Айсуга в Лувириин, даже на самой быстрой лошади, загнав её до смерти. Невозможно!

Слова мужа о друзьях, с которыми он провёл ночь в таверне... А потом яркое воспоминание о рыжем мужчине, его рассказ о встрече со стражами. Уже тогда сердце моё ощутило неладное. Но потом ворвались стражи. Будто и сейчас я слышу треск раздираемой мечом ткани. Вижу, как Никилия падает на колени, когда в храм входит Орид.

Я отвлеклась тогда на его страшный шрам, но сейчас могу сказать точно, что за ним следовал Дилид. И посмотрел он на меня... Точнее, в нашу сторону.

Сердце пропускает несколько ударов. Ахнув, смотрю на спящего рядом мужчину. В призрачном лунном свете его волосы отливают серебром.

— Вирг, — трясусь его за руку.

— Орелия...

Лорд притягивает меня к себе, целует оголённую грудь и довольно шепчет в шею:

— Кто бы мог подумать, ты сама будишь меня! Но, как бы мне ни хотелось повторить, стоит переждать день-два, чтобы тебе больше не было больно.

— Что? — цепенею я.

Кровь приливает к щекам и нестерпимым жаром собирается внизу живота. Смущённая, я мотаю головой:

— Нет. Молю тебя...

— О Зогг! — стонет Вирг, подминая меня под себя. — Как можно устоять, когда прекрасная обнажённая женщина просит? Я буду очень нежен, милая.

— ...Молю, выслушай меня! — за миг до того, как горячие мужские губы накрывают мои, выдыхаю я.

Ощувив свободу, судорожно втягиваю воздух и, схватив покрывало, стараюсь прикрыться, но лорд лежит на нём, поэтому получается натянуть ткань лишь до талии. Вирг с усмешкой следит за моими ухищрениями.

— Я видел всё, моя лисичка, — хрипло напоминает он. — И мне более чем понравилось.

— Я вспомнила кое-что, — перебиваю поспешно. — Кажется, накануне свадьбы мой муж знал, что меня увезут в Ройепин сразу после церемонии. Но ничего мне не сказал, а лишь попытался...

О, как же это произнести? Язык не слушается, щёки пылают, пальцы дрожат... Опускаю голову и шепчу:

— Сделать то, что ты недавно.

— Что?!

От расслабленного состояния лорда не остаётся ничего. Мужчина поднимается медленно и неотвратно, как карающий меч, что вот-вот отсечёт голову врагу. Мышцы напряжены и перекатываются под атласной кожей Вирга, взгляд, кажется, впивается в меня жалящим лезвием.

— Я не разрешила, — лепечу, неспособная двинуться с места. Его невероятная сила, его опасная мощь завораживают и привлекают меня. — Я... больше не люблю его, Вирг.

— Ты любишь меня, лиса! — Он обхватывает мой подбородок пальцами и смотрит так, словно обжигает тьмой. В голосе ни капли вопроса — лорд утверждает. Будто ставит клеймо. — Ты моя!

Просто киваю, не в силах говорить. К горлу подкатывает ком. Вид лорда страшит до дрожи и очаровывает до замиранья сердца. Как и его мрак, который может убить любого, но меня слушается, как прирученный щенок.

Облегчённо выдохнув, Вирг отпускает меня, и я снова могу говорить.

— Думаю, он узнал это от Дилида. Эти двое будто бы переглядывались в храме, а потом Сартен исчез. Я была напугана, думала совершенно о другом, но сейчас точно могу утверждать, что Дилид тоже покинул храм. Этого стража не было в нашем эскорте.

Лорд придвигается ближе, берёт мою кисть в тёплую ладонь, смотрит сурово, но прикосновения мужчины нежные и осторожные.

— Вельер поступил мудро, — хмурится он. — Сбежать всё равно бы не удалось. Стражи догнали бы вас, а вельера убили бы на месте за неповиновение указу князя Тьмы. Потом мне пришлось... — Он на миг замолкает, подбирая слово. — ...Посетить Айсуг.

По спине бегут мурашки от понимания того, что скрывается под этим словом. Я осторожно отодвигаюсь, стараясь, чтобы Вирг не заметил этого. Судя по сведённым бровям норзийца, затея провалилась. Тогда я встаю на пол и поднимаю остатки своего платья. В нём я была на церемонии.

Вздыхаю:

— Это всё, что у меня есть. Зачем было рвать? Чтобы починить лиф, придётся повозиться.

— Орелия, — осторожно зовёт лорд. — Я должен был так поступить. Если не я, то это сделал бы другой лорд.

Он не двигается с места, будто боится напугать меня ещё больше. А мне страшно. Очень! Я и забыла, что в логове врага. Опасного и жестокого зверя. Сейчас он послушен и ласков, но может и укусить.

И убить.

Отмахиваюсь от мрачных мыслей и возвращаюсь к Сартену.

— Муж признался, что кое-кто рассказал ему о произошедшем с Лизией. Без сомнения, это был Дилид. Видимо, они общались всё это время. Хотя не понимаю как. Отец говорил, что Сартен не возвращался в Айсуг, а через неделю вельер Таглор поехал искать сына.

Машинально штопая магией разрыв на лифе, я стараюсь не смотреть на лорда. Взгляд мой прикован к розоватым молниям моей силы и соединяющимся волокнам ткани. Не сразу я понимаю, что для восстановления своего платья использую платок подруги. Тот, который мне отдал Тейг. Части кружев уже нет, и прореха напоминает мне мои сны. Будто какой-то кусочек уже исчез из моей памяти, испарился.

Важный. Основной. Но, возможно, я и так догадалась, кто правит бал?

— Ваш гость... — Я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Виргом. — Лорд Ширигет. Это из-за него вы оставили Дилиду жизнь?

Мужчина быстро кивает, и я шепчу:

— А в первый день он ущипнул Лизию за грудь. Я тогда мечтала склеить его сапоги из кожи василиска, чтобы этот наглец упал и расквасил себе нос.

Уголки губ лорда подрагивают, но взгляд серьёзен — Вирг внимательно слушает меня, и это придаёт смелости. Я выпаливаю:

— Дилид служит Ширигету. Уверена, ваш друг ведёт двойную игру!

— Он не дал Сартену тебя увезти, — приподнимая бровь, напоминает Вирг.

— Всё это очень странно, — хмурюсь я. — Сначала я решила, что у меня получилось сломать лестницу, потом увидела мрак Ширигета... Подумала, что это он меня спас. Но во сне всё это вновь пришло ко мне. Лестницу сломала я и упала бы, не поймай меня Ширигет. Он будто следил, чтобы

похищение удалось, и вмешался, лишь когда я едва не погибла. Сказал, что я нужна князю живой, и был очень недоволен.

Вирг поднимается, и я стыдливо отвожу взгляд, хотя в нежном предутреннем свете его тело выглядит совершенным... Он всегда так смотрится. Сильный, могучий, опасный. И сейчас лорд в ярости, это видно и по подрагивающим крыльям носа, и по сжатым в тонкую полоску губам, и по танцующим желвакам.

— В сундуках есть одежда, — кивает мужчина и приказывает: — Найди себе что-нибудь подходящее.

— Зачем? — удивляюсь я, и лорд быстро делает шаг.

Закрывает меня в объятия и, крепко поцеловав, смотрит в глаза.

— Больше я не оставлю тебя одну ни на миг. Мы во всём разберёмся вместе. Как вельер и его вельера.

Сердце взрывается теплом, опухшие губы подрагивают в улыбке. Как же приятно слышать это! Киваю и осторожно выбираюсь из кольца рук. Пока я перебираю мужские вещи в поисках брюк, в которых не потеряюсь, Вирг одевается.

— Ширигет не желает мне зла, — размышляет он вслух. — Мы с ним сражались бок о бок. Если бы лорд хотел мне смерти, я давно был бы мёртв. Но твои подозрения не беспочвенны. Жаль, что допросить Дилида нет возможности, — я сам приказал казнить его. Но мы выясним правду!

Я нащупываю коричневую походную сумку, при виде которой сердце замирает, а руки слабеют. Вещь выпадает из дрожащих пальцев, с мягким стуком падает на дно сундука.

— Орелия, — поддерживает меня Вирг, помогает подняться и подводит к другому сундуку. — Думаю, здесь найдётся что-нибудь небольшое. Возьми эти штаны, рубашку, плащ... Нужен пояс.

Он помогает мне одеться, а у меня перед глазами стоит потёртая походная сумка. Раздаётся стук.

— Мой лорд! — Звучный голос Тейга продирается сквозь толщу двери. — У ворот процессия. Что прикажете? Впустить?

Глава 31

Я мечтаю вернуться, ещё раз посмотреть на сумку. Открыть её и убедиться, что мне показалось. Но лорд нетерпеливо уводит меня, заботливо помогает одеться. Его огромные ладони касаются меня так осторожно и бережно, будто я сделана из стекла. Благодарно улыбаюсь Виргу, позволяя проявлять заботу к себе.

Тейг, получив разрешение впустить незваных гостей, исчезает. Вирг укутывает меня в широкий плащ, придирчиво осматривает и, уловив изменение в настроении, хмурится:

— Тебе страшно? — Притягивает меня к себе и, целуя в висок, шепчет: — Ничего не бойся, когда я рядом. Так будет всегда.

Я молчу, вдыхая исходящий от мужчины аромат мускуса и соли. Закрываю глаза, воскрешая в памяти сумку, которую видела на брате в нашу последнюю встречу. Быть не может, что это она. Прошло много времени. Просто очень похожа...

На площади, когда мы спускаемся, вижу ровную стену застывших стражей, а за ней стройные ряды воинов. Слышны крики птиц, парящих в небе, но внизу царит тишина. Ворота открываются, и в замок въезжает карета, которую сопровождает дюжина всадников.

Я узнаю герб, красующийся на накидках слуг, и сжимаю ладонь Вирга.

— Айсуг...

Это непостижимо! Ночью молодой вельер этого замка едва не похитил меня, отравил стража, оставил труп своего поделника и неизвестной девушки... А теперь вот так запросто возвращается?!

Я поднимаю голову и смотрю на Вирга, но взгляд лорда прикован к приближающемуся Ширигету. Блондин же на ходу вальяжно изучает меня, и мне неприятно внимание второго лорда Тьмы. Я словно ощущаю себя голой, хотя до пят закутана в плотный тяжёлый плащ. Он велик мне, и поэтому тяжёлыми складками ниспадает на носки моих туфель.

Это смотрится настолько нелепо, что вызывает у меня невесёлую улыбку.

— Ночью я просил тебя арестовать зачинщиков драки, — громогласно обращается к нему Вирг. —

Ты сделал это?

— И тебе доброе утро, — ухмыляется блондин, продолжая бесцеремонно разглядывать меня. — Вижу, гельерийская лиса подобралась к тебе неприлично близко.

— Ширигет, — осаживает его Вирг. — Это моя женщина. Прошу, относись к ней с тем же уважением, что и я.

— О, я бы с удовольствием, — кривит губы блондин. — Но, увы, ты не любишь делиться.

Вздрагиваю, понимая, что этот человек с радостью бы свернул мне шею. После того, как сделал бы то, на что намекает его циничный раздевающий взгляд. Вспоминаю другой, которым мужчина одарил меня ночью, удерживая за руку над пропастью. И его злое шипение, что я нужна князю живой. Уверенность в том, что именно этот человек стоит за Дилидом, укрепляется.

Страж ловко манипулировал Оридом, нет сомнений. Сначала у меня создалось впечатление, что человек со шрамом не употреблял зелье, которое положено пить всем воинам, сам и подталкивал на это подчинённого. Но сейчас я думаю, что Дилид играл роль, сам подталкивал норзийца на преступление. Чтобы натравить на девушку, которую указал ему Ширигет. Ведь мужчина ущипнул Лизию, и стражи видели это.

Зачем всё это? Из того, что мне случайно удалось подслушать, вельеры с меткой милосердной Гетты по некому пророчеству опасны для магов севера. Жаль, что об этом не было известно в Гельерии. Иначе женщины вставали бы плечом к плечу с мужьями, защищая родные земли...

Тряхнув распущенными волосами, хмуро смотрю на Ширигета. Тот отвечает колким взглядом, но при этом рассказывает Виргу о пленённых стражах.

— Дилид казнён на месте, — отчитывается он, и сердце моё проваливается в живот.

Лорд устранил единственного человека, который мог подтвердить мои догадки. Но Вирг умён и пытлив. Уверена, он выведет этого злодея на чистую воду. Потому что понимает: мои подозрения не беспочвенны. Князь Тьмы потребовал отдать меня, а мой лорд отказался сделать это. Кому, как не Ширигету, было выгодно выкрасть девушку, свалив вину на её ревнивого мужа?

Слушая полный сарказма голос блондина, я смотрю, как неторопливо приближается карета с гербом вельера Таглора на дверце. В сердце теплится надежда, что мужчина, с которым нас соединила жрица, всё же сохранил остатки чести. Что решился раскрыть Виргу глаза на намерения лживого лорда.

Но стал бы Сартен так поступать? После всего, что случилось, сложно и предположить, что сделает мой муж. Каждый его поступок изумляет и пугает меня. Да, я действительно совершенно не знаю, за кого так легкомысленно вышла замуж.

Карета останавливается, и мужчины поворачиваются к ней. Я бросаю косой взгляд на Ширигета — кажется, для блондина не секрет, что будет дальше. Это тревожит. Сжимаю руку Вирга, и он привлекает меня к своему боку, покровительственно поглаживает по плечу. Это движение не остаётся тайной для второго лорда. Чтобы не видеть его гадливую усмешку, отворачиваюсь и смотрю на гостей.

Один из сопровождающих слуг спешивается и, открыв дверцу кареты, услужливо подаёт руку вельеру Таглору. Пожилой сухощавый мужчина тяжело вылезает из кареты, морщась при этом так, будто безвылазно провёл в ней несколько дней. Я судорожно вздыхаю, разглядывая отца своего мужа.

Белая кожа, тонкая, как пергамент, серые подглазины, острые скулы и углубившиеся морщины... Вельер будто постарел за несколько дней, но взгляд его твёрд, движения выглядят уверенными. Заметив меня, мужчина сжимает губы в узкую полоску. Опираясь на руку слуги, неторопливо подходит.

— Приветствую, лорд Вирг, — сгибает он спину. Выпрямляется тоже с помощью слуги и смотрит теперь уже только на меня. — Я приехал, чтобы предложить вам выкуп за мою невестку.

После услышанных слов я ощущаю, что меня будто только что ударили под дых. Мотаю головой, пытаюсь произнести хоть слово, но мужчина спокойно продолжает:

— Не только за вельеру Орелию. Я выплачу деньги за каждую из девушек, которых привезли в Ройепин для исполнения права первой ночи.

Он оборачивается и кивает другому слуге. Тот спрыгивает с коня и с помощью мужчины, закутанного в серый плащ с глубоким капюшоном, скрывающим лицо, с трудом вытаскивают из

кареды небольшой, но явно тяжёлый сундук. Ставит его у ног лорда, и слуга откидывает крышку.

Я недоверчиво смотрю на аккуратные кожаные мешочки, каждый из которых набит золотом, что и доказал слуга, развязав один. Никогда в жизни мне не приходилось слышать, чтобы кто-то обладал такими богатствами. Разве что почивший король Гельерии.

— Хорошо, — слышу ледяной голос Вирга, чья рука сжимает моё плечо так, будто мужчина ожидает моего побега. — Я согласен принять выкуп за всех девушек и отпустить их с вами. За всех, кроме вельеры Орелии. Она останется в Ройепине.

Поворачивается ко мне и смотрит так, будто спрашивает моего подтверждения. Закусив нижнюю губу, я смущённо киваю и обнимаю своего мужчину одной рукой. То, что Вирг задал этот безмолвный вопрос, много для меня значит. В груди становится тепло от зарождающейся радости, сердце начинает стучать чаще.

Я дорога ему! Или же дело в моей магии? Впрочем, даже в этом случае я никуда не поеду. Стоит донести это до вельера Таглора. Не знаю, откуда он взял деньги, но это и не важно. Ведь геллериец выкупает всех девушек! И это выход для каждого. Виргу не нужно удерживать их в Ройепине. Звенящий золотом символ того, что вельеры подчиняются наместнику князя Тьмы, сейчас стоит перед нами.

А я останусь с моим лордом. Всё равно, что будут говорить люди! Я буду его вельерой, постараюсь помогать во всех делах. Вместе мы возродим наши земли, вырастим хороший урожай, поднимем хотя бы часть Гельерии из нищеты...

— Она совершенно точно и немедленно покинет Ройепин.

Голос незнакомца в плаще звучит так узнаваемо, что у меня мгновенно пропадают все мысли и чувства. Я будто попадаю в густой туман, в котором вижу лишь одного человека. Мужчина откидывает капюшон и поднимает голову, наши взгляды встречаются. Колени мои подкашиваются, и я со стоном оседаю на землю.

— Орелия!

Вирг подхватывает меня на руки, а я пытаюсь отвоевать у сжавшего горло спазма хоть один маленький глоток воздуха, чтобы прошептать:

— Лютан.

Глава 32

Открываю глаза и понимаю, что нахожусь в комнате, где держат геллериек. Потому что девушки, наклонившись надо мной, разглядывают мужскую одежду на мне так пристально, будто она пошита из кожи синего василиска.

Я со стоном приподнимаюсь на локтях и тут же ощущаю дурноту. Меня поддерживает множество рук, девушки перешёптываются. Вперёд выступает Деглия.

— Орелия, это правда, что отец твоего мужа выкупил нас всех?

Она смотрит с сочувствием, но голос её подрагивает от радостной надежды. У меня же всё внутри переворачивается от противоречивых чувств. Лютан жив? Меня же не подводит зрение? Слух? Брат приехал с вельером Таглором, а не с нашим отцом. Что это значит?

— Правда, — шепчу и закрываю глаза. По щеке скатывается слезинка. — Он привёз сундук золота. Судя по всему, за каждую заплатили по тысяче золотых.

Раздаются возгласы, девушки переговариваются, перебивая друг друга. Я же думаю, почему Вирг отнёс меня сюда, а не в нашу спальню? Он же обещал, что и на минуту не оставит одну.

Раздаётся стук, и геллерийки замолкают, настороженно смотрят на дверь, которая открывается очень медленно. Но через миг комнату снова наполняет весёлый гомон.

— Золетта! — подскакивает Кирина и кидается норзийке на шею. Та кричит и опирается о стену, чтобы не упасть. — Как же я буду по тебе скучать!

— Так оставайся, — ворчит женщина и отстраняется с нарочитой холодностью.

Но Кирину эта показная отстранённость не обманывает, девушка, смеясь, крепко обнимает норзийку.

— Тебе лучше? — спрашиваю тихо, но Золетта слышит.

— А тебе? — отвечает вопросом на вопрос, и мы печально улыбаемся.

Нам не удалось стать подругами — между мной и норзийкой всегда будет стоять тень прошедшей войны. Мне не понять её мотивов и стремлений, а Золетте глубоко наплевать на мои. Но она исправно выполняет свои обязанности и защищает нас по мере сил. Даже считая, что я приношу беду. Вздрагиваю и, поднимаясь, усаживаюсь на постели.

Не обращая внимания на головокружение, прошу:

— Мы можем поговорить?

Золетта высвобождается из объятий Кирины и сухо кивает, девушки деликатно отходят на другой конец комнаты, каждая находит себе занятие. Деглия что-то объясняет Атирии, а Кирина уводит к окну Эллон. Норзийка, прихрамывая, приближается и застывает рядом со мной. Я хлопаю по покрывалу ладонью:

— Присядь. Ты ещё слаба после перелома, несмотря на то, что Сеот большой кудесник.

Осторожно вытянув ногу, она послушно опускается.

— Расскажи мне о пророчестве, — хватаю её за руку, смотрю пристально в чёрные глаза. — Умоляю. Мне нужно узнать, что я такое. Почему Ширигет хочет меня убить, и зачем я нужна князю Тьмы.

Она вздрагивает и оглядывается так испуганно, что я холодею. Похоже, эта женщина знает нечто, что ужасает даже воинов. Но другие норзийцы не опасаются меня, избегают смотреть лишь после приказа лорда Вирга. Да и меченой называет лишь сама Золетта. И Ширигет...

Сжимаю её ладонь сильнее, хмурюсь в нетерпении. И женщина тихо произносит:

— Это древнее пророчество. Произнёс его один из молодых жрецов Зогга... Когда ещё мог разомкнуть губы. Говорят, что смысл слов может быть искажён, потому что строки передавались из уст в уста тайно. Я услышала их от женщины, которая сошла с ума после гибели мужа и детей. Говорят, она проклинала Зогга и молила Гетту прислать меченую, чтобы прекратить мучения норзийцев. — Она замолкает и, царапнув меня тёмным взглядом, кривится. — А потом её сбросили. Говорить о пророчестве вслух запрещено приказом князя Тьмы.

— Я никогда не признаюсь, от кого это услышала, — обещаю я и затаиваю дыхание.

Золетта расскажет мне всё, даже если я не сдержу данное слово. Я вижу это по её стылому обречённому взгляду, слышу в хриплом дыхании.

— Начало конца и конец начала, — нараспев начинает она, — наступит, когда женщина с меткой заберёт жизнь у дитя Тьмы.

Она замолкает, а я моргаю в растерянности:

— И всё?

Золетта кивает и тихо продолжает:

— Доподлинно неизвестно, что это означает. Возможно, женщины с меткой Гетты действительно опасны для магов севера. Проклятых у нас называют «дети Тьмы». Когда об этом стали говорить, князь издал указ, запрещающий распространяться о пророчестве, чтобы не сеять среди воинов страх перед гельерийскими вельерами. Но лорды всё равно опасались. Потому под камнями гибли покорные жрицы. Потому ваших вельер...

— Я знаю, — торопливо перебиваю я, содрогаясь от одного воспоминания о жутких рассказах.

— Когда Гельерия пала, о пророчестве забыли, — кивает норзийка и смотрит пристально. — Почему ты считаешь, что лорд Ширигет желает твоей смерти?

— Он считает, что я могу управлять мраком, — тихо признаюсь я. — Что управляю магией Вирга. Уверена, он свернул бы мне шею, но лорду приказали доставить меня к князю живой. Зачем, как думаешь? Хочет убить сам?

— Трудно сказать, — уходит она от прямого ответа. — Зависит от того, что ему доложил лорд Ширигет. Скорее всего, дело не в метке и не в пророчестве. Это лишь обычные суеверия. Всё прозаичнее. Ты хороший маг, а империи нужны одарённые силой. Князь не раз оставлял жизнь гельерийцам в обмен на верную службу. Или его заинтересовала твоя красота. Как известно, князь вдовец. А брак со знатной гельерийкой — хороший политический ход и заткнёт рты даже самым недовольным вельерам быстрее и надёжнее, чем дань и казни.

Сердце ёкает, я мотаю головой:

— Я уже замужем.

Она холодно усмехается и выгибает бровь:

— Князю Тьмы ничего не стоит отменить твой брак... Или сделать вдовой.

Хватая ртом воздух, я сжимаю побелевшими пальцами покрывало. Пытаюсь успокоиться, проговаривая вслух:

— Вирг не отдаст меня. Он так и сказал об этом Ширигету.

Золетта соглашается, и на лице её уверенность. Мне это нравится — значит, я не ослепла от обрушившейся на меня влюблённости. Я знаю Вирга!

Но и с Ширигетом успела познакомиться достаточно, чтобы понимать: блондин не отступит. Сделает всё, чтобы исполнить приказ. А тут ещё отец моего мужа с сундуком золота. И мой воскресший брат!

Голова кружится от мучительно яркого калейдоскопа событий. Больше всего мне сейчас хочется обнять моего лорда, уткнуться лицом в его широкую грудь, вдохнуть пьянящий аромат мускуса и соли... Ощутить терпкость его страстного поцелуя. Почувствовать себя под защитой.

Касаюсь губ, будто воскрешая в памяти ласки, изведанные мною ночью. Низ живота немного ноет, между ног чуточку саднит, но эти ощущения лишь оживляют, что было между мной и Виргом. И разжигают желание испробовать это снова. Ощутить сильное тело лорда, его жаркое дыхание и...

Ловлю насмешливый взгляд Золетты и поспешно отворачиваюсь. Возникает ощущение, что женщина знает, о чём я думаю. Прижимая ладони к пылающим щекам, бормочу:

— Вдовой? Не потому ли Сартен попытался похитить меня и запереть в Айсуге? Или планировал спрятаться вместе со мной... Чтобы сохранить себе жизнь! А может, им ловко манипулировал лорд Ширигет?

— Твоим мужем? — Кажется, норзийка удивляется искренне.

— Дилид действовал по его указке! — доверительно сообщаю я. — Уверена, это блондин подстроил моё похищение. Но когда оно не удалось, сделал вид, что лишь прогуливался по стене, а не следил за исполнением своего мерзкого плана! Скорее всего, за воротами он казнил бы Сартена за похищение, а меня на законных основаниях отвёз князю.

— В это трудно поверить, — хмурится женщина. — Лорд Ширигет обязан выполнить приказ, но вряд ли бы стал действовать настолько подло. Скорее, бросил бы вызов лорду Виргу.

— Зная, что проиграет? — приподнимаю брови. В голосе моём проскальзывает восхищение лордом. — Все знают, что Вирг в разы сильнее! Кстати, я сама слышала, как блондин вскользь упомянул о некоем страже, что доносит ему последние новости. Всё сходится!

Она пожимает плечами:

— Значит, хорошо, что вы все скоро покинете Ройепин. Мне сообщили, что Вельер Таглор привёз выкуп за невест. Как только ты переступишь порог Лувирина, то станешь свободной от обязательств перед лордом или князем. Пока ты в Ройепине, ты в опасности. Как и каждая из вас.

Я обвожу взглядом девушек и останавливаюсь на Киране. Она нервно жмётся к окну, и я невольно улыбаюсь, зная, кого она пытается разглядеть через мутное стекло. Достаяю из кармана дырявый платочек и смотрю на него, решая, отдать или нет возвращённый Тейгом подарок.

Расстроится. А ведь это не знак отказа от неё, а лишь показатель верности лорду. И сейчас я осознаю, что лорд Вирг пошёл против князя Тьмы ради меня. Выказал непростительную неверность, и обратного пути нет. Даже если я уеду, никто из нас не будет в безопасности. Лорда могут убить, а вместо него посадить того же Ширигета. И что тогда? Вновь разрушенные храмы и безжизненная земля?

Вздыхнув, убираю его и спускаю ноги на пол.

Я не стану убегать.

— Куда собралась? — уточняет Золетта.

— Хочу поговорить с Виргом, — отвечаю я.

— Он... занят, — хмыкает норзийка и смотрит колко. — Беседует с теми, кто этой ночью был схвачен Ширигетом.

Сглатываю подкативший к горлу ком и, преодолевая слабость, двигаюсь к выходу.

— Я... Моё платье. Мне надо его забрать.

— Плохая идея, — хмурится она.

— Вирг прислал тебя охранять меня? — разворачиваюсь. Она поджимает губы, и я киваю: — Тогда идём со мной.

Глава 33

Стоит нам приблизиться к лестнице, я замираю и, опираясь о стену, с ужасом смотрю на разливающееся внизу чёрное море мрака.

— Что это?

— Всё ещё считаешь, что лорд Вирг прислал меня защищать тебя? — иронизирует Золетта. Кивает на мерцающие тёмной магией ступеньки: — Разве что от него самого.

Леденю, отчётливо понимая, как именно «беседует» Вирг с предавшими его воинами. В памяти вновь возникает каменное выражение лица мужчины, абсолютно чёрные глаза и стекающий с рук мрак в тот день, когда произошла трагедия с Лизией. И как его рвало той жижей, когда Сеот обкладывал лорда камнями разрушенного храма. Их теперь нет! Ради меня Вирг снова построил символ веры в Свет. У норзийца осталась лишь одна надежда. Я...

Отталкиваюсь от стены и, покачиваясь, бреду к лестнице, но меня перехватывает Золетта:

— Жить надоело?!

— Ему плохо, — смаргивая слёзы, шепчу я. Кусая губы, смотрю в лицо женщине. — Каждый раз, когда Вирг пользуется своей силой, он страдает сам!

Сеот говорил, что это тайна, но я уверена — Золетта и так знает. Её мужа и сыновей забрал мрак. Кто, как не эта женщина, знает, как тяжело терять того, кого любишь? Кто, как не она, поймёт меня? Я не могу позволить Виргу страдать!

Но Золетта не отпускает.

— Это его проклятие, — выгибает она бровь и старается увлечь подальше от лестницы. — Ты же хотела забрать своё платье. Оно в спальне лорда, я права? И не пытайся отнекиваться, каждый в Ройепине знает, почему ты с утра расхаживаешь в мужской одежде и смотришь на лорда Вирга так, будто он единственный мужчина на свете.

— Для меня да.

Она поджимает губы, а я закрываю глаза и пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. Мой лорд страдает, причиняя боль другим. Это его проклятие, Золетта права. Но ведь можно жить иначе! Я видела, как подрагивали губы мужчины при виде появляющихся на земле всходов. Он почти улыбался! Может, если Вирг не будет пользоваться тёмной магией, она не будет мучить его самого? И он станет счастливым?

Со мной...

Я вырываюсь и бегу вниз по ступенькам, но путаюсь в полах слишком длинного плаща, едва не падаю. В последний момент Золетта хватается за меня за капюшон. Хромая, тащит вверх и дальше по коридору.

— Вот же неугомонная! — ворчит, но в голосе проскальзывает скрытое сочувствие. — Ты хоть представляешь, что сейчас там творится?

Я вспоминаю, как корчились в страшных судорогах стражи, как сжимался от боли Орид, как задыхалась сама, когда касалась лорда. Да, я отчётливо представляю, что сейчас происходит внизу. И нет, я не могу оставить моего мужчину наедине с проклятием. Без надежды. Без веры. Упираясь, останавливаюсь.

— Разумеется. И знаю, что будет с Виргом потом, как сильно ему будет плохо. Я не хочу, чтобы он страдал. Ты же меня понимаешь? На что пошла ты, чтобы спасти сына?

Она замирает, как от удара. Лицо её белеет, и с моих губ срывается:

— Прости.

— Мой муж и мои дети, — чётко говорит Золетта, — были проклятыми, но не были такими сильными, как лорд Вирг. Тьма не убивает его, но я понимаю, что каждое сражение наносит шрам его телу и его сердцу. Сокращает его дни. Но он — лорд! Путь воина для них не выбор, а судьба.

— Я верю, что есть иной путь, — упрямо твержу я. Выпрямляю спину, ощущая уверенность в своих словах и чувствах. — И он уже сделал по нему несколько шагов. Мы сделали! Рука об руку.

— Наивная, — качает она головой, но во взгляде на миг мелькает восхищение. Недовольно цыкнув, женщина добавляет: — Ну хорошо, я позволю тебе спуститься... Куда? — Хватает меня за шиворот, едва я дёргаюсь с места. — Как только Тьма растает хотя бы до чёрного тумана, и ни мгновением раньше.

Я едва сдерживаю гнев. Глядя ей в глаза, цежу слова:

— Ты же знаешь, что я могу и не спрашивать твоего разрешения?

— Угрожаешь своей силой? — усмехается она и подмигивает: — Что, склеишь мои сапоги? — Улыбка её тает, норзийка бьёт кулаком по стене. Глядя на неё, выдыхает со злостью: — О Зогг! Девочка, неужели невдомёк, зачем лорд попросил держать тебя наверху? Вирг не хочет, чтобы ты видела его... таким.

Я замираю на месте, понимая, о чём она. Норзиец не желает выглядеть в моих глазах беспощадным и жестоким, но ему приходится быть таким, чтобы выявить и наказать виновных. Чтобы защитить меня!

В груди становится тепло, к глазам подступают слёзы от нахлынувших чувств. Но меня продолжают раздирать сомнения. С одной стороны, Золетта права и стоит подождать, пока Вирг завершит допрос, а потом помочь ему справиться с последствиями проявления силы. С другой... Мне будто в сердце нож втыкают, стоит подумать, как он страдает!

Норзийка осторожно тянет меня в сторону, и я со вздохом подчиняюсь. Я не могу сама выбрать, как поступить, поэтому с благодарностью принимаю чужое решение. Знаю, что Золетта сообщит, когда можно будет спуститься. А я попрошу её позвать Сеота. Вместе с целителем мы поможем Виргу, и никто не увидит, как лорду плохо. Спасём его репутацию.

А со всем остальным мы разберёмся потом.

Вместе!

Я же обещала, что буду помогать своему лорду и во всём поддерживать его. Как своего вельера.

О Гетта! Как же приятно представлять его своим мужем... Вот только это невозможно. Как говорит Золетта — жизнь жестока.

Вздыхаю и захожу в спальню Вирга. Обоняния тут же касается особенный притягательный аромат моего мужчины, будто и сам лорд находится здесь. Приближаюсь к платью и смущённо оглядываюсь на норзийку. То, во что превратился мой наряд, ярко описывает то, что происходило этой ночью.

Золетта иронично хмыкает и, скрестив руки на груди, прислоняется к стене. Отвернувшись к окну, она даёт мне время, чтобы быстро спрятать последствия вспыхнувшей страсти. Можно было бы починить наряд, но я не понимаю, что сейчас сосредоточиться не удастся — я слишком переживаю за Вирга.

Свернув платье, оглядываюсь в поисках того, чем можно перевязать, когда взгляд останавливается на сундуке, где я обнаружила сумку, так похожую на ту, что была на брате в день его отъезда. Оставив свёрток на кровати, приближаюсь к ящику и, медленно опустившись на колени, прижимаю ладони к прохладному дереву.

Наполнив лёгкие, задерживаю дыхание и медленно приоткрываю крышку. Сумка на месте, и я тянусь к ней. Вынув, разворачиваюсь спиной к сундуку и, усевшись на пол, пытаюсь дрожащими пальцами справиться с застёжкой. Она выглядит потрёпанной, видны пятна, будто от ржавчины, и я не хочу думать, что это кровь.

Внутри почти пусто, но моё внимание тут же привлекает скрученный свиток. Развернув его, ахаю при виде изображения моих родителей. Художник нарисовал их настолько достоверно, что я будто переношусь на несколько лет назад, когда ещё была жива мама.

Чья это сумка — сомневаться не приходится.

Как это понимать? Выходит, для лорда Вирга не секрет, что мой брат жив? Он знал его и раньше?

— Орелия. — Негромкий голос Золетты вырывает меня из раздумий. Я поднимаю голову и смотрю на норзийку. Она кивает на дверь: — Пора.

Свернув портрет вельеров Лувирина, прячу в кармане брюк и поднимаюсь.

Глава 34

Золетта поддерживает меня под руку, или придерживает, чтобы не бежала к Виргу. И хоть я стораю от желания сделать это, всё же не спешу. Норзийка сильно хромает, и я сомневаюсь, что она достаточно выздоровела для того, чтобы ходить, но молчу об этом. Воины! Ни капли жалости к другим или себе. В этом они так похожи с лордом Тьмы...

Но со мной Вирг может быть другим. Я знаю это. Верю в это. В него верю!

— О... Гетта...

Дыхание застывает в горле тёмным комком при виде открывшейся картины. Сквозь мутный туман рассеивающегося мрака виднеются коленопреклонённые воины. Один норзиец лежит на спине, и его распахнутые глаза кажутся стеклянными.

Мёртв.

Лорд Тьмы стоит посредине зала как изваяние: ни единого движения. Будто и не дышит. Словно не жив. Я замираю на миг... Чтобы потом броситься к своему мужчине.

— Вирг!

Касаюсь его ледяной руки и вздрагиваю. Поднимаю голову и заглядываю в лицо. Глаза норзийца черны, будто ночь, не видно ни радужки, ни белка. Плохо, очень плохо!

— Позови Сеота! — приказываю Золетте, и женщина коротко кивает.

Пока она направляется к выходу, я быстро осматриваю коленопреклонённых. Они живы, но словно в трансе: неподвижны и глядят перед собой так, будто ничего не видят.

— Что тут произошло? — ахаю, снова поворачиваясь к лорду. Поглаживая его по щеке, зову нежно: — Вернись ко мне, Вирг. Ты слышишь меня?

— Он не слышит.

Голос за спиной мне знаком, но я всё равно вздрагиваю. Сжимаю губы, не зная, как реагировать на появление того, кого я так долго оплакивала. И не только я. И всё же спрашиваю, не отрывая пристального взгляда от Вирга:

— Почему ты здесь?

— Не рада мне, колючка?

Услышав детское прозвище, не улыбаюсь. Слово причиняет боль, рождает обиду. Вырывается горькое:

— Отец знает, что ты жив? — Он молчит, но ответ очевиден. Поэтому снова задаю вопрос: — Зачем ты здесь? Откуда у тебя столько золота? — К глазам подступают слёзы, и я кусаю губы. Голос дрожит, когда я шепчу: — Не верю, что ты пошёл на это.

— На что?

На моё плечо ложится тёплая ладонь, но я стряхиваю руку брата. Лаская скулы Вирга, молюсь про себя милосердной Гетте, чтобы норзиец ощутил меня, вернулся ко мне... Не знаю, что с ним сделал мрак, но неподвижность мужчины пугает. Проклятие делает с лордами то, что делают они с помощью магии. Мой любимый умирал с теми, кого убивал. Страдал с теми, кому причинял боль. Это его не оправдывает. Но всё же сердце моё разрывается от сочувствия. И любви. Чёрной, как этот мрак...

Я больна лордом Тьмы. Проклята им. Готова пойти на что угодно, чтобы оставаться рядом. Чтобы он жил.

— На предательство своего народа, — устало отвечаю брату и усмехаюсь: — Слышала, князь Тьмы щедро платит вельерам, что переходят на его сторону и служат Тьме. Теперь я не сомневаюсь в этом. Тебе хватило денег, чтобы выкупить меня и других девушек. Жаль, отец не знает. — Голос мой

звонит болью. — О, как бы он гордился тобой...

— И тобой, — сухо перебивает Лютан. — Дочь стала любовницей врага.

Глотаю его слова. Так и есть, я полюбила того, кого должна отчаянно ненавидеть. В груди колет, я едва дышу, но продолжаю смотреть на своего лорда и мысленно звать к нему, поглаживая снова и снова. Раньше это срабатывало, я надеялась, что Виргу и сейчас станет лучше от моей ласки.

— Давай не будем ссориться, Орелия, — примирительно произносит брат и снова касается моего плеча. — Идём со мной. Ты свободна от обязательств.

— Почему он так неподвижен? — волнуюсь всё сильнее и с трудом сдерживаю слёзы. — Раньше он не был похож на безжизненную статую.

— Вельер Таглор ждёт в карете, — не устаёт увещевать Лютан. — Мы отвезём тебя в Айсуг.

— Я. Никуда. С тобой. Не поеду, — печатаю я слова. И тут же зываю к лорду: — Вирг! Мне больно видеть тебя таким. Пожалуйста, посмотри на меня!

— Какая ты жалкая! — взрывается брат. — Вельера Лувирина и Айсуга должна вести себя достойно.

— Мне не важно, что ты думаешь. — Обнимаю лорда, прижимаюсь щекой к его груди, прислушиваюсь к сердцебиению. — И что подумают другие. Я не вельера Айсуга. Я не вернусь к Сартену. Он подонок и предатель!

— И уже ответил за свои преступления, — повышает голос Лютан. Я вздрагиваю и невольно оглядываюсь, а брат дёргает уголок рта. — Сартен казнён, Орелия. Он оказался недостойным сыном своего отца, и вельер Таглор сам принял непростое решение. Айсуг твой, сестра. Как и Лувирик. Век стариков недолог, скоро ты станешь самой богатой и знатной вельерой Гельерии.

Я отворачиваюсь и, обхватывая Вирга за талию, стараюсь справиться с нахлынувшей паникой. От моего резкого движения Лютан не успеваешь отдернуть руку и кончиком пальца прикасается к одежде лорда Тьмы.

Вскрикнув так страшно, будто в него попала раскалённая стрела, брат отшатывается и, не удержавшись на ногах, падает навзничь. Корчась на полу, стонет, словно горит заживо. Замечаю, как палец его чернеет, и сердце сжимается от ужаса.

Вот почему лорда никто не касается, когда из его тела изливается Тьма! Даже Сеот удерживал Вирга лишь после, когда того уже рвало плотной жижей.

— Лютан! — Я порываюсь помочь брату, но тут лорд моргает, и я снова прикипаю к нему: — Вирг! Ты слышишь меня? Вернись ко мне, любимый...

— Скажи ещё, — шепчет он, и я ощущаю себя в кольце его сильных рук. — Позови меня, лисичка.

— Вернись ко мне, любимый, — подчиняюсь с радостью.

Он улыбается, и тьма в его глазах отступает. Я слышу новый стон и смотрю на брата с тревогой.

— Ему плохо. — Поднимаю голову и признаюсь: — Золетта пошла за Сеотом... Целитель может помочь вельеру Лютану? Ты позволишь это?

— Конечно, — едва заметно улыбается он и зарывается лицом в мои волосы. — Всё, что пожелает моя хитрая вельера.

В дверях появляется стража, Тейг останавливает воинов движением руки и внимательно оглядывается. При виде корчащегося на полу Лютана лицо его удивлённо вытягивается, а затем норзиец опускается на одно колено.

— Моя вина, мой лорд. Прошу пощады.

Но Вирг не обращает внимания на старшего стража.

— Сеот, — зовёт он, и целитель осторожно пробирается сквозь ряды воинов. Лорд кивает на гельерийца: — Ты знаешь, что делать.

— Но мой лорд, — переступает тот с ноги на ногу, — думаю, сначала мне нужно помочь... другим...

Я с тревогой смотрю на Вирга, зная, на что намекает целитель, но лорд обрывает Сеота:

— Нет надобности. Тьма покинет тела к закату. Кто выживет, этим и докажет свою невиновность.

Сеот подзывает двух воинов, и они, стараясь не касаться почерневшего пальца Лютана, осторожно поднимают и выносят тело постанывающего мужчины.

— Все вон, — приказывает лорд, и вокруг становится безлюдно.

Остаётся лишь труп и коленапреклонённые изваяния. Стоит дверям закрыться, Вирг будто лишается опоры. Лицо его искажается от боли, а из груди вырывается рык, словно норзиец смертельно ранен. Я испуганно прижимаюсь к мужчине, стараясь поддержать его.

— Что с тобой? Тебе больно? Плохо? Что я могу сделать?

— Будь со мной, — скрипя зубами, шепчет он. — Пожалуйста, лисичка моя. Будь со мной... Сейчас!

У меня прерывается дыхание от понимания того, что это значит. О чём именно он просит. Но я сдерживаю панику и твёрдо киваю:

— Конечно, мой лорд.

Глава 35

Помогать лорду подниматься по лестнице невероятно тяжело, хоть Вирг и старается не опираться на меня. Но я вижу, как норзийцу плохо, и сама пытаюсь поддерживать мужчину. Тьма медленно тает в его глазах, густой туман тоже рассеивается.

В спальню Вирг почти вваливается, не падает лишь потому, что цепляется за дверь.

— Прости, — рычит, сжимая свободной рукой моё запястье. — Я должен был подождать, чтобы...

— Тс-с, — прижимаю палец к его рту, заставляя молчать. Затем убираю и касаюсь его губ своими. — Я сама хочу этого.

— Я нуждаюсь в тебе, Орелия. — Восстановив равновесие, он закрывает дверь и смотрит исподлобья. — Больше, чем в тепле и еде. Сильнее, чем в самом существовании. Стоит мне посмотреть на тебя, и я хочу оказаться в... тебе. Ты моя бесконечная пытка и вечное избавление. Твой голос поднимает меня из глубин мрака, заставляет думать о своих желаниях. О тебе! Понятия не имею, как выживал до нашей встречи. Думаю, тот путь был дорогой к тебе.

Я моргаю и кусаю дрожащие губы, по щекам катятся слёзы. Кажется, что никто и никогда не говорил мне что-либо столь же прекрасное и проникновенное. Каждое слово лорда забирается в моё сердце, наполняет его живительной силой, будто погибшие побеги магией.

— Ты тоже, — шепчу, вытирая слёзы. — Ты заставляешь меня расти, тянуться к солнцу... Желать большего! Ради... тебя. Нас! Но...

— Но? — хмурится он и сжимает огромные сильные ладони на моей талии. — Что за «но», лисичка?

Я замолкаю, сама не понимая, откуда вырвалось это «но». Мотаю головой и улыбаюсь:

— Ничего.

И, привстав на носочки, тянусь к его губам. Прикасаюсь к ним нежно, будто пробуя на вкус, ощущая солоноватость его горячего языка, сплетаясь с ним своим в танце страсти. Кровь вскипает мгновенно, сердце начинает колотиться быстрее, дыхание учащается.

С тихим шелестом с меня стекает плащ и замирает вокруг моего тела чёрной лужицей, немного напоминая то, что лорд исторгал из себя ранее. Но не сейчас. Я сердцем чувствую, что мрак отступает по мере нарастания возбуждения мужчины. Виргу не нужно исторгать Тьму, она сама убегает от пламени его желания. От жажды обладания мной.

Я вижу страсть в тёмных глазах мужчины, ощущаю её в опаляющем дыхании. Мне нравится смотреть на приоткрытые губы лорда, чувствовать его нежные ласки, вдыхать присущий одному Виргу аромат. Я таю от его осторожных прикосновений и сгораю в пламени собственного желания.

Все рассказы Мины о любви и страсти обретали объём и краски. Раньше я не понимала, о чём она, потому что не любила по-настоящему. Сарген мне нравился: у него приятная внешность и обходительные манеры... Были. А ещё все считали его лучшей партией для меня. Если верить Лютану, я теперь вдова.

Но как я могу поверить на слово тому, кто заставил родных верить в свою гибель? Тому, кто мучил любящих его людей, заставлял горевать и тосковать по себе...

— Орелия?

Я смотрю в глаза Вирга. Как и ранее, лорд тонко чувствует моё настроение. И сейчас его лицо напряжено, тело натянуто как струна, но мужчина не позволяет себе ни единого движения. Я улыбаюсь, понимая его без слов, и мотаю головой:

— Нет, всё хорошо. Я не передумала.

Лорд поглаживает мою спину, пробирается под рубашку, освобождает меня от брюк. Они мне велики, поэтому спадают легко. Я наблюдаю, как его длинные пальцы неторопливо расстёгивают пуговицы, и хитро напоминаю:

— Вот если бы ты отнёсся так же бережно к моей одежде ночью, на мне было бы платье.

— Я разозлился, — шепчет он и отводит светлую ткань, освобождая моё плечо. Целует кожу, и я замираю от прикосновения его тёплых губ к ключице. Ощущаю горячее дыхание ниже. — Едва не потерял тебя, поэтому утратил контроль. Я не хотел, чтобы ты пришла потому, что должна. Я ждал, чтобы ты захотела меня.

— И дождался. — Запускаю пальцы в его волосы, перебираю тёмные пряди. — Сказывается опыт многих осад, норзиец.

— Эта победа самая сладкая, — признаётся он и обхватывает губами мой сосок. Посасывает его так нежно, что у меня перехватывает дыхание. Отпускает добычу и смотрит снизу вверх. — Самая желанная!

Толкает меня, и я падаю на устилающие кровать мягкие шкуры. Полы рубашки распахиваются, и я обнажена и незащищена перед лордом. Но иного я и не хочу! Вирг разводит мои ноги, и я постанываю от предвкушения, желая ощутить внизу то, что он делал ночью. Одно воспоминание разжигает огонь в средоточии нервов. А когда горячий язык касается тайного места, выгибаюсь всем телом.

— О Гетта! Это невероятно...

— Не больно? — хрипло уточняет он, поглаживая пальцами влажную кожу между моих ног.

— Немного саднит, — признаюсь и прикусываю губу.

— Что? — замирает он.

— Это как... немного перца в сладкое блюдо, — краснея, добавляю я. — Мне... нравится.

— Хитрая лисичка дразнит зверя? — рычит он и вновь приникает к моей груди, вбирая в рот сосок, играя с ним языком.

Вижу, как вздымаются плечи лорда, как напрягаются мышцы, перекатываясь под перламутровой кожей, и снова ощущаю власть над мужчиной. Наслаждаюсь этим и желаю сказать что-нибудь ещё столь же интимное. Что сорвёт с Вирга остатки самообладания, чтобы снова увидеть дикую страсть. Как этой ночью.

Он слишком нежен, чересчур нетороплив. А я хочу лорда Тьмы. Желаю любоваться тёмным огнём желаний в блестящих глазах, ощутить вес его мощного тела... Ощутить его в себе!

— Вирг, — лепечу, извиваясь от нарастающего нетерпения. — Пожалуйста...

Он поднимается к губам и, завладев ими, осторожно устраивается меж моих бёдер. Я отдаюсь неистовому танцу наших языков, изучая мужчину, повторяя всё, что он делает. Мечтая доставить ему такое же удовольствие, которое он дарит мне.

Вирг касается чувствительного места головкой члена, и я инстинктивно вздрагиваю. Саднящее чувство усиливается, отрезвляя меня. Мужчина медленно отстраняется, но я быстро опускаю руку и обхватываю его эрекцию ладонью.

— Нет, — молю, глядя в упор на лорда. — Давай продолжим.

Он улыбается, и у меня сердце пропускает удар от вида его преобразившегося лица. Я люблю лучиками морщинок, собравшихся вокруг его глаз, блеском белоснежных зубов и мечтаю, чтобы Вирг всегда улыбался мне.

Только мне!

Мужчина покачивает бёдрами, и его член скользит у меня в руке. Лицо лорда искажается в прекрасной маске удовольствия. Прикрыв веки, Вирг хрипло сознаётся:

— Я не хочу причинить тебе боль. Можно иначе помочь мне, лиса. Я так возбуждён, что разрядка уже близко. А потом я хочу доставить удовольствие тебе...

Я прислушиваюсь к своим ощущениям, пытаюсь понять, нравится ли мне ласкать Вирга так. Да! Он движется, постанывая, и от этого звука у меня между ног всё начинает пылать. Я хочу его внутри! Но понимаю, что Вирг прав, — мне будет больно.

Поддавшись импульсу, немного сжимаю пальцы, обхватывая его достоинство сильнее, и слышу рык неистового зверя. Эрегированный член в моей руке становится ещё твёрже, головка увеличивается, и через пару резких движений лорд со стоном изливается на моё бедро.

Опустив голову, тяжело дышит, а я смотрю на самое прекрасное в мире лицо. Выражение удовлетворения, которое подарила я, наполняет сердце теплом. Я тянусь к лорду, слизываю с его виска солоноватую капельку пота и игриво намекаю:

— Ты хотел что-то мне доставить.

Он хрипло смеётся и, переводя дыхание, смотрит на меня таким проникновенным взглядом, что внутри всё готово вот-вот взорваться.

— Приготовься вознестись к вершине наслаждения, хитрая лисичка.

Обхватывает мои запястья и заводит руки за голову. Нависая надо мной, целует в губы, посасывая, выпивает дыхание без остатка. Когда я сдаюсь, отпускает и опускается к груди. Я судорожно вдыхаю и выгибаюсь навстречу горячим губам, в нетерпении желая ощутить ласку на чувствительном месте.

Вирг легонько сжимает сосок зубами, одновременно поглаживая меня между ног, и я извиваюсь всем телом и рассыпаясь на огненные искры удовольствия.

— Слишком быстро, — слышу довольный голос Вирга. — Придётся повторить...

Я теряю счёт времени, растекаюсь в лаве наслаждения, то качаясь на пиках, то ухая в темноту минутного бессилия. Но каждый раз прошу ещё, не желая разлучаться с моим мужчиной и на миг.

И всё же нас прерывают. После короткого стука в дверь слышу голос Тейга:

— Всё готово к отъезду девушек, мой лорд. Вельер Таглор ожидает Орелию.

Я сжимаюсь в ледяном страхе и смотрю в глаза Виргу.

Так это было прощание?

Глава 36

Острое понимание смертельной опасности сжимает моё сердце жутким холодом. Такое уже было и оставило в душе незаживающий след.

Помню, как папа обнимал меня, поглаживал по голове и шептал, что мама уехала. Что она скоро вернётся. И на следующий день повторил эти слова... И потом. Я верила и терпеливо сидела у распахнутого окна, высматривая карету до полудня, а после бежала помогать Мине с маленькой Валедией. Мы ждали много подарков, ведь мама так долго не приезжала в Лувириин...

Отец волновался за меня, не хотел доставлять боли. Будто это возможно. Уже не вспомнить лицо той женщины, что искренне посочувствовала моей потере. А когда я удивилась, объяснила. Мамы не стало, а её тело предали земле. В следующее мгновение от шока я потеряла сознание. А когда вновь научилась дышать, в груди будто что-то оборвалось. Мир потерял краски, в нём не стало радости.

В тот момент я перестала верить отцу. А через некоторое время и брату, который обещал вернуться и не сдержал слова. Продолжала их любить, но.. Легче стало, лишь когда я начала жить в храме. Никилия научила меня вере, и это заменило доверие людям. Милосердная Гетта помогла мне смириться с обманом, который едва не стоил жизни мне самой.

Боль может убивать.

— Пошли его к Зоггу! — не поднимаясь, кричит Вирг старшему стражу.

— Прошу прощения, мой лорд, — не отступает Тейг. — Но вельер настаивает на соблюдении закона. В случае отказа намекает на то, что будет жаловаться князю Тьмы.

Мой лорд сжимает челюсти так, что на щеках дёргаются желваки. В голосе появляются рычащие

нотки.

— Пусть убирается или останется в Ройепине навеки! — Он целует мою руку и выдыхает горячо: — Никому не позволю забрать тебя.

Картинки прошлого проносятся перед глазами, и я сквозь слёзы улыбаюсь Виргу. Он всё равно исчезнет из моей жизни, так или иначе. Так не лучше ли уйти самой? На этот раз сделать выбор и болезненный шаг, чтобы потом не страдать сильнее?

Я не переживу, если не станет моего лорда.

Пока я нахожусь в Ройепине, Вирг в смертельной опасности. Чтобы защитить меня, норзийцу приходится раз за разом обращаться к мраку. Сила причиняет моему мужчине невыносимые страдания. Да, я могу помочь ему справиться с последствиями, но не избавляю от мучений. Я — их причина.

Не говоря о том, что за отказ отдать геллерийку князю Тьмы Вирг рискует своей головой. Видимо, Ширигет действительно испытывает к моему лорду дружеские чувства, иначе не стал бы плести интриги, пытаясь выкрасть меня, а сообщил о неповиновении.

Даже если блондин не сделает этого, постарается Таглор. Или мой брат, которому вдруг захотелось увидеть сестру полноправной вельерой двух замков. Любой из вариантов грозит бедой. Перед внутренним взором возникает образ норзийца на коленях и занесённый над головой моего любимого меч.

Нет!

— Я передумала. — Слова вылетают, но я не ощущаю собственных губ. — Считаю, что стоит воспользоваться щедростью вельера Лютана и немедленно вернуться в Айсуг.

Поднимаюсь и начинаю суетливо одеваться. Лорд хмурится и касается моей руки:

— Орелия, я чем-то обидел тебя?

— Не трогай меня, — отшатываюсь я. Стоит ощутить его прикосновения, вдохнуть аромат его тела — и вся моя решимость растает. Смотрю в его тёмные глаза и качаю головой: — Ты лучше кого бы то ни было понимаешь, что мне необходимо покинуть Ройепин немедленно.

Хоть от этого так больно!

— Я тебя не отпущу.

— Отпустишь, — смотрю на него холодно, хоть сердце пылает от боли. Добавляю едва слышно: — Для моего, Зогг его побери, блага отпустишь.

Ненавижу это!

Я натягиваю рубашку, пробегаюсь пальцами по пуговицам, застёгивая их. Не понимаю, как дышу, перед глазами всё расплывается от слёз. Слабость накатывает волнами, но стоит мне представить над головой Вирга занесённый меч, как вновь возвращается непоколебимая уверенность.

— Ты обещала, что поможешь мне поднять велью и возродить земли. — В голосе норзийца звенит едва сдерживаемая злость. — Что всегда будешь рядом.

Я смотрю на лорда, который, полужёжа на кровати, следит за каждым моим движением. Словно хищник, готовый наброситься на жертву.

— В качестве пленницы? Любовницы? Личной зверушки? Уникального противоядия от мрака? Увольте! Ваше право растаяло, и теперь я могу сказать «нет» без опаски, что пострадают мои родные или другие девушки.

— Я не взял за тебя выкуп, — цедя слова, напоминает он. — Ты не уедешь. Что до Таглора — он жестоко пожалеет, что осмелился угрожать лорду Тьмы. Он задохнётся в собственном крике!

Он рывком поднимается с кровати и пытается обнять меня. Я отступаю и качаю головой. Нет, лорд Вирг. Я не позволю тебе вновь вызвать мрак, не дам и шанса, причиняя боль другим, опять подвергать пыткам себя.

— Вельер Таглор уже достаточно пострадал из-за вас. Уверена, вы знаете, что он казнил собственного сына, — стараюсь говорить холодно. — Оставьте его в покое. И меня... Я не ваша собственность. И больше не игрушка! Теперь я богатая вдова. Будущая владелица двух замков и выгодная партия для любого знатного вельера.

— О, это весьма обнадёживает, — дёргает он уголком рта. — Придётся подождать новой свадьбы, чтобы вернуть тебя?

Дыхание прерывается, сердце пропускает несколько ударов. О, как я мечтаю об этом! И Вирг это знает — смотрит на меня и удовлетворённо улыбается. Так было с первой же минуты, для лорда я как открытая книга.

Он ловко пробрался в мои мысли, затем украл сердце, принял как дар невинность. Всё это останется здесь, в Ройепине. А я буду жить за высокими стенами Айсуга.

— Никогда больше не выйду замуж. — Прозвучало жалко, как клятва безумно влюблённой женщины. Я добавляю с усмешкой: — Для собственного блага.

Накидываю плащ и спрашиваю у норзийца единственное, что не даёт мне покоя:

— Мрак, что вы выпустили вчера... Это стоило страданий?

— Да, — сухо кивает Вирг. — Предатели получили по заслугам.

— Ваших страданий, — тихо поясню я и смотрю в упор, впитывая образ любимого. — Стоило? Прошу, не обращайтесь больше к своей силе. Станьте достойным вельером, мой лорд.

Без меня. Для его же блага.

И от этого хочется кричать, пасть на колени, молить его бежать... Бежать со мной! Не знаю куда. От всего этого. От борьбы за власть, от предательств, от непонимания близких, от осуждения других. Но я не могу себе этого позволить. Вельера обязана заботиться о земле и людях.

Ради вельи, которой нужна моя сила. Ради веры, которой необходимы храмы и жрицы. Я должна оставить свою душу и сердце в Ройепине, чтобы дать людям будущее. Если меня увезут к князю, кто будет возрождать посевы? Чинить хижины? Дарить людям надежду на лучшую жизнь?

Если Вирга казнят, что станет с оставшимися храмами? С женщинами порабощённой Гельерии, если новый лорд не заставит мужчин, привыкших брать что пожелают, принимать зелье?

Поэтому я оттягиваю момент последнего прощания. Смотрю в лицо Вирга и стараюсь запомнить каждую чёрточку, каждый шрам, каждый взгляд. Навеки запечатлеть в своём разбитом сердце. Потому что я никого и никогда так сильно не смогу полюбить. Потому что нам никогда не быть вместе.

Для всеобщего блага.

— Ничего не желаете мне сказать на прощание? — не выдерживаю.

Жду до последнего, желая продлить этот мучительный момент ещё хоть на чуточку. Желая услышать нечто, что даст мне силы жить без моего лорда. Подарит желание дышать.

— Есть одно, — спокойно признаётся он.

Сердце заходится в бешеном ритме, но несколько слов окончательно разбивают слабую и робкую надежду.

— Ты стала моим проклятием, вельера Орелия.

Глава 37

В карете царит тишина, нарушаемая лишь мерным поскрипыванием плохо смазанных колёс. В воздухе плавают ароматы горькой соли и сухих цветов. Ройепин медленно уменьшается, по мере того, как мы отдаляемся от замка. Я с трудом отрываю взгляд от стен, чтобы не мучить себя ещё больше.

Но тоска принимается грызть моё сердце с удвоенной силой. Я уже скучаю по своему лорду. Осматриваю притихших девушек, на лицах их вижу тревожную радость. Почти на всех... Деглия, устроившись напротив меня, держит за руку притихшую Кирину. Та не отрывается от маленького окошка и, кажется, даже лишний раз моргнуть боится.

Не секрет, кто владеет её вниманием. Как и сердцем... Знаю, что вторую карету, которая следует перед нами, сопровождают стражи лорда Тьмы. Оборачиваюсь и выглядываю наружу. Тейг, восседая верхом, напоминает деревянное изваяние. Спина прямая, расслабленная кисть на рукояти меча.

Норзиец ни разу не оборачивается, будто не догадывается, что одна несчастная девушка желает хоть разок посмотреть ему в лицо. Кажется, что мужчина ничего не испытывает к молоденькой

гельерийке.

Я сжимаю в кармане дырявый платочек и вздыхаю. Будь это так, старший страж бы выбросил кусок ткани, а не передал через меня. Или вовсе бы не принял...

Вернувшись на место, замечаю влажные дорожки слёз на гладких щеках Кирины. Сердце моё сжимается от сочувствия, когда девушка смотрит на меня. В глазах подруги вижу отражение своих эмоций. Наверное, на моём лице та же печаль. Нас объединяет боль расставания с любимыми.

Вот только Кирина осталась невинна. Проще ли ей? Не думаю. Она осталась верна нелюбимому мужу. Девушке придётся разделить ложе с тем, кого ей выбрал отец. Мечтая при этом о другом... Том, кто сейчас даже не удостоивает гельерийку взглядом.

Жестоко! Смахиваю слезу и улыбаюсь Кирине дрожащими губами. Решение приходит мгновенно.

— Мне нужна жрица в Айсуг.

Резкие слова взрывают унылую тишину и множатся шепотками воодушевившихся девушек. Как ни скрывай чувства, среди запертых в одном помещении женщин трудно сохранить тайну. Каждая осведомлена о том, кому принадлежит сердце нашей самой юной подруги. Каждая искренне сочувствует Кирине.

— Но моя метка ещё не оформилась, — лепечет девушка, но во взгляде её загорается отчаянная надежда.

Малое избавление для впервые познавшего истинную любовь — не изменять дорогому человеку. Я киваю и, поменявшись с Деглией местами, вынимаю из кармана платок. При виде его девушка ахает и белеет лицом, но я не собираюсь ничего объяснять.

Я действую. Капли моей магии превращают нежный шёлк в золотые узоры. Чудовищная концентрация истощает меня, но я радуюсь шансу отвлечься от собственной боли. Вместо того чтобы извиваться от изматывающих меня страданий, я выбираю помочь тому, кому ещё хуже.

Когда тиара, похожая на метку жриц, готова, я едва могу дышать. От усталости перед глазами темнеет, и я перевожу взгляд от мелких деталей золотистого узора на окно. Оказалось, прошло много времени — мы уже подъезжаем к Лувирину.

Карета останавливается — наступает момент для меня и девушек, с которыми мы за время, проведённое в Ройепине, стали едва ли не сёстрами, попрощаться. Тейг проводит карету до замка моего отца, а мне стоит пересесть к вельеру Таглору.

Эллон вздрагивает и, подавшись к Кирине, снимает с её плеча украшение. Атирия молча достаёт маленькую коробочку с кремом и быстрыми мазками скрывает мерцающее на коже девушки золотистое свечение. Я собираю последние силы, чтобы закрепить маскировку магией.

Мы успеваем до момента, когда дверца открывается. При виде Лютана я цепенею на месте. Разрываясь от одновременно нахлынувших радости, что брат в порядке, и огорчения, что он меня сопровождает, игнорирую протянутую руку.

— Кирина поедет со мной, — говорю сухо, давая понять, что не спрашиваю, а уведомляю. — И станет новой жрицей вельи при замке Айсуг.

— Как прикажете, вельера Орелия, — иронично отвечает Лютан и опускает руку. — Вам обеим стоит пересесть в карету Таглора.

Я по очереди обнимаю девушек, прощаясь с ними если не навсегда, то на очень долгое время. Я не вернусь в Лувирин. Не смогу посмотреть в глаза отцу — он сразу увидит мои чувства к тому, кого искренне ненавидит. Не сумею сообщить о том, что брат жив. Пропасть между мною и родными растёт с каждым мгновением.

— Стоит поторопиться, чтобы подняться в горы до наступления темноты, — лениво сообщает Лютан.

Я замечаю на руке брата повязку и не сдерживаю ухмылки. Лютан замечает это и, оцарапав меня взглядом, холодно добавляет:

— Мрак не дремлет.

Глава 38

Прощавшись с девушками, выхожу из кареты и жду подругу, а теперь мою жрицу. Кирина бросает на спину Тейга взгляд, полный немого страдания, и я беру девушку за руку. Тяну за собой,

не желая, чтобы она испытала такую же обездвиживающую боль, как я.

Слова Вирга ударили меня, и эта рана будет кровоточить всегда. Лорд считает меня проклятием...

Мы с Кириной усаживаемся в карете вельера Айсуга. Сам Таглор, сложив руки на животе, дремлет, устроившись на подушках. Мы садимся напротив и тут же теснимся, потому что следом заходит Лютан. Лже-жрица испуганно замирает между мной и братом, а я отворачиваюсь к окну.

Мы начинаем медленно двигаться, и родные стены Лувирина проплывают мимо, причиняя ноющую боль. Я помню, как сбегала из замка через ту дверцу, пробиравшись в деревню, чтобы помочь кому-нибудь с прохудившейся крышей или прорехой в полу. Интересно, всё ли в порядке с домиком кузнеца? Надеюсь, отец навестил отца Мариски и укрепил мою магию.

Ощущаю тёплое пожатие и вздрагиваю. Кирина смотрит на меня и грустно улыбается, а я понимаю, что плачу. Кусая губы, вновь смотрю на Лувирина и прощаюсь. С отцом, с сестрой... С беззаботным детством и бесшабашной юностью.

Теперь я вельера Айсуга и буду заботиться о жителях своей вельи. Конечно, брат прав — после кончины отца я приму и Лувирина, но думать об этом сейчас не хочу. Буду тихонько помогать, требуя с деревенских молчание.

В Айсуге живут ремесленники, и стоит наладить товарообмен с крестьянами. У меня были идеи на этот счёт, и наступает время воплотить их в жизнь. Занять себя делами так, чтобы некогда было думать...

Не оставалось сил печалиться. Скучать.

Под колёсами кареты шуршат камни, которых на дороге становится всё больше. Карета раскачивается всё сильнее, а в темнеющем небе появляются звёзды. Кучер спешит пересечь опасный переезд и добраться до ворот Айсуга. Оказаться ночью в горах опасно и пешему, и конному, а передвигаться на карете — самоубийство. Если нас накроет темнота, придётся остановиться и ждать до рассвета.

Я тревожно смотрю в окно, понимая, что этого не избежать, как карета замирает.

— Вельер Таглор, — хрипло зовёт кучер. — Я вижу небольшую пещеру. Карета туда не войдёт, но мы можем выйти и развести костёр. Всё лучше, чем застрять или рухнуть в пропасть.

— А? — просыпается старик. Трёт глаза и хмуро смотрит на чёрное небо. Выругавшись вполголоса, недовольно ворчит: — А всё из-за того, что пришлось задержаться в Ройепине. Теперь застряли до утра.

— Я зажгу фэйрелы, — хмуро предлагает Лютан.

— Сразу видно, что вы отвыкли ездить по горам, мой друг, — скалится Таглор и указывает взглядом в темноту расселины. — В изменчивом магическом свете угодить туда ещё проще. Или забыли, как в детстве в тених от фэйрела все видят чудовищ?

— Я помню, — неожиданно подаёт голосок Кирина.

— Разумеется, дитя, — покровительственно улыбается он и заявляет со свойственной вельерам властью: — Остаёмся до рассвета здесь. Больше я невесткой рисковать не намерен.

Я растерянно моргаю, не ожидая подобного высказывания. Мы с вельером не то что близки, даже знакомы не были. Меня представили Таглору на одном из балов, а после я и сама избегала человека с суровым лицом и острым взглядом.

Нас с Кириной отводят в самый угол небольшой пещерки (скорее небольшое укрытие под каменным навесом), где расположен удобный для сидения камень. Лютан застелил его коврами, которые забрал из кареты. Кучер разводит самый настоящий, не магический, огонь. Пламя быстро наполняет воздух теплом, но сгущает темноту за пределами сияющего золотом круга.

Кирина пугливо оглядывается и жмётся ко мне, я крепко держу девушку за руку. Мне и самой не нравится здесь. Кажется, что на нас кто-то смотрит. Но, кроме звёзд на небе и улыбающейся пропасти, здесь никого быть не может.

— Вельеры, прошу к костру, — приглашает кучер. Мужчина раскладывает на небольшом плоском камне салфетку, а сверху расставляет завязанные в ткань горшочки. — Жена собрала мне в дорогу. Не побрезгуйте.

Мы с Кириной осторожно приближаемся, я беру краюху белого хлеба, а подруга ограничивается глотком воды. Посматривает в ночное небо так, будто сейчас оттуда на нас кто-то нападёт. Вздыхая,

я откусываю ароматной мякоти — пусть лучше боится, чем страдает. У меня страх не вытесняет боль. Жаль.

— Надо было остаться в Ройепине, — нервничает Лютан, и я недоумённо посматриваю на брата. — Вы могли сказать, что мы не успеем до ночи?

— Во-первых, — неторопливо прожевав кусочек вяленого мяса, возражает Таглор, — лорд Тьмы мог передумать и всех нас убить. Мне этот вариант не подходил, поэтому я воспользовался возможностью убраться подобру-поздорову. Во-вторых...

Он ухмыляется и смотрит мимо Лютана. В этот момент из темноты выныривает тень и кидается на моего брата. Тот успевает выхватить кинжал, но по лезвию пробегает молния, и оружие летит вниз, звенит на камнях. Значит, преступник — вельер!

И тут с головы нападающего спадает капюшон.

— Сартен?! — не веря своим глазам, вскрикиваю я.

Глава 39

Кирина с гортанным криком цепляется за меня, едва не сбивая с ног. Я обнимаю дрожащую девушку, а сама не отрываю взгляда от сражающихся. Руки Лютана покрываются сиреневыми всполохами, но правая тут же меркнет, и повязка на месте прикосновения мрака Вирга дымится. Впрочем, незнакомая мне магия успевает достигнуть противника, и мой муж со стоном падает на одно колено.

— Ты обманул меня, — кричит Лютан и, на миг обернувшись, бросает на Таглора такой взгляд, будто мечтает растерзать голыми руками. — Твой сын жив!

Замахивается, чтобы ударить Сартена, но, крупно вздрогнув, замирает с поднятой рукой.

Я замечаю меж его лопаток торчащую рукоять кинжала и отшатываюсь... Чтобы в следующий миг броситься на помощь. Да, Лютан бросил семью и предал гельерийцев, но он мой брат! Я не могу равнодушно смотреть, как убивают родного человека.

Но не успеваю сделать и шага, как Лютан оборачивается и кричит:

— Колючка, прочь! Или пострадаешь.

Кирина дёргает меня, пытаюсь оттянуть в сторону, а я с ужасом понимаю, что нож в спине моего брата — дело рук вельера Таглора. Старик подхватывает своего сына и пытается удержать на ногах. Из уголка рта Сартена вязко стекает струйка крови.

Лютан вынимает из-за пазухи пузырьёк тёмного стекла и залпом опустошает склянку. Отбросив в сторону, пытается встать.

— Время исправить это. Ты же знаешь, Орелия должна быть вдовой!

— Не думай, что я пожертвую единственным сыном ради твоего возвышения, — скалится Таглор. — Ты больной фанатик, Лютан. Всегда таким был, таким и сдохнешь! Мне нужна лишь Орелия... Моему Сартену она нужна! А тебе власть подавай. Вот и ступай за ней к самому Зоггу, которому молишься... Ему рассказывай сказки об откровениях жрецов и проклятых гельерийках!

— Сказки?! — Брат срывает с руки повязку, обнажая поражённую мраком кожу. — Смотри, что со мной стало, когда я коснулся лорда Тьмы! Орелия же обнимала его, спала с ним...

— Мра-азь! — Сартен порывается подняться и вновь наброситься на Лютана. — Ты подложил сестру под лорда. А теперь, когда она выжила, вздумал князю её отдать? Орелия моя! Слышишь?! Я люблю её!

По камням пробегают серые молнии магии, в воздухе то тут, то там вспыхивают оранжевые искры. Мгновенно тают, оставляя после себя лишь тихое жужжание.

— О да, — кроваво улыбается мой брат, а у меня затылок леденеет от каждого слова. — Любишь так, что добровольно отдал её стражам.

— Я пытался её спасти! — Наполненный магией крик Сартена давит на перепонки, отзывается болью в затылке. Камень, на котором разложена еда, раскаляется надвое, горшочки катятся по земле. — Или надо было вступить в драку и сдохнуть в храме?

— О да.

— Ещё в таверне стало ясно, что ты задумал, — сквозь зубы произносит мой муж. — Эль развязал язык одному стражу, и я узнал, что ты хочешь мне смерти. Но я отступил и спутал твои планы. Не ожидал? Да! Я не позволю использовать мою жену как шлюху!

Я прижимаю ладони к ушам, не желая слышать больше ни слова. Кирина, дрожа от ужаса, обнимает меня, что-то шепчет. Сбежать? Да я не могу и шага ступить. Более того! У меня и подняться не получается. Я не понимаю, где небо, где земля, ощущаю себя так, будто из тела выдернули хребет.

— О, я слышал о твоих подвигах. — Смех Лютана холодом пробирает до костей. — Подкуп, неудачное похищение, отравление стража. Всё ради любви? Браво!

— Да сдохни же ты наконец! — визжит Сартен.

Тот переводит взгляд на Таглора и приподнимает бровь:

— Неужели вы думаете, что меня можно убить этим ножиком для нарезки хлеба? Я выжил среди лордов Тьмы! Сила моя возросла до таких высот, какие вам и не снились. А живы вы оба только потому, что я так желаю. Пока.

Он заводит руку за спину и медленно вытаскивает кинжал из своего тела. Кирина издаёт булькающий звук и, прижав ладонь ко рту, оседает рядом со мной. Я же смотрю и не верю глазам. Ушам...

Озарение подобно вспышке боли, раздирающей каждую клеточку моего тела. Вот зачем Лютан желает сделать меня богатой вдовой!

И как я раньше не догадалась? Он намекал на моё знатное происхождение. Я и сама заявила Виргу, что становлюсь выгодной партией для любого вельера. Только дело не в каком-либо маге.

Брат желает выдать меня замуж за князя Тьмы!

Зачем ему это? Чтобы подобраться ещё ближе к исключительной власти? Чтобы проверить, правдива ли легенда о меченой женщине, которая уничтожит Тьму? Какая разница? Лютан использует меня, и, судя по всему, планировал это давно. Я просовываю руку в карман и сжимаю хрустнувший под пальцами свиток с изображением моих родителей.

— Ты лжёшь. — Таглор шипит как раненый зверь. — Если бы ты мог нас убить, давно бы сделал это. Мрак порастил твою руку, и сила не подчиняется тебе. Тебя надо прикончить, как ядовитую гадюку!

Он осторожно прислоняет сына к стене пещеры и, поднявшись, подхватывает с земли меч Лютана.

— Я верну тебя туда, где, по мнению моего доброго друга Фанара, ты давно обитаешь.

Я прижимаю обе ладони ко рту, смотрю во все глаза, не зная, что предпринять. Страх сжимает горло, мне и слова не сказать. Сердце ноет, разрывается от боли предательства и неуместного, но не контролируемого сочувствия. Дрожа, протягиваю руку, пытаюсь сосредоточиться на клинке в руке вельера.

Молча обращаюсь к милосердной Гетте. Молю... Хватит смертей. Довольно!

— Орелия, не вмешивайся, — бросает в мою сторону Таглор. — Разве ты не понимаешь, что это для твоего же блага? Сартен, прикажи ей!

— Послушайся она меня хоть раз, ничего бы этого не было, — слабо смеётся бледнеющий на глазах муж.

Не знаю, что такое применил Лютан, но вижу, что Сартен на краю смерти.

А в ушах звенит «для твоего же блага». Ненавижу эту фразу! Ярость придаёт мне сил, я поднимаюсь на ноги.

Чья-то гибель не может быть во благо. Я хочу остановить всё это. Вижу, как брат останавливает взгляд на ладонях, по которым пробегают фиолетовые молнии. Знаю, что он ждёт, когда вельер подойдет достаточно близко для удара.

Вот-вот Таглор погибнет, а потом и мой муж. Лютан запрёт меня в Айсуге до поры до времени, чтобы потом выдать за князя. Выгодная партия, как сказала Золетта. Брак, который заткнёт рты всем недовольным вельерам.

Хватаю Кирину за руку и помогаю дойти до кареты. Девушка то и дело сгибается, чтобы освободить желудок, её синие губы уже дрожат. Я же разворачиваюсь и, поднимая руки, концентрируюсь на

скале.

Ниточки трещинок, незаметных глазу, соринки и мелкие крошки, которые так легко превратить в пыль. А из неё уже создать клин, который обрушит природный навес и на какое-то время остановит мужчин. Рассчитываю всё так, чтобы упало несколько небольших камней. Никого не покалечит, но...

Но что потом?

К шее прижимается холодная сталь, голос дёргает нервы:

— Снова ты в моих руках, птичка!

Глава 40

Неудивительно, что Ширигет не убил Дилида. А вот то, что он возник в ночи недалеко от Айсуга, пугает. Сильнее, чем нож у моего горла. Значит, светловолосый лорд Тьмы тоже рядом! И не важно, манипулирует ли он Сартемом или стоит за моим братом...

— Не делай этого, — двигая лезвием по моей коже, приказывает Дилид. — Я знаю, на что ты способна, вельера. Не вздумай сделать то же, что в Ройепине. Пока я не получил свои деньги, и не мечтай убить гельерийцев!

— Я не...

— Заткнись!

Давление на шею усиливается, и я застываю, едва жива. Неожиданно меня оглушает звон, и лезвие исчезает, как и смрадное дыхание предателя.

Я оборачиваюсь и смотрю на лежащего без чувств мужчину: лоб его окровавлен, глаза закрыты. Кирина, тяжело дыша, опускает руку с зажатым в пальцах остатком кувшина. Я пинаю нож, и тот, звякнув, отскакивает к груде камней. Если мерзавец очнётся, то не сумеет воспользоваться оружием.

— Орелия! — испуганно отшатывается Кирина и роняет ручку разбитого кувшина.

Оглянуться я не успеваю, меня хватают за волосы так сильно, что из глаз брызжут слёзы. Вцепившись в руку мучителя, я пытаюсь вывернуться. Кто это? Ширигет? Сартемен?.. Лютан?!

— А теперь ты будешь слушаться меня, колючка! — шипит он на ухо и встряхивает меня. — Поняла?!

Хочу ответить, но раздаётся лишь всхлип. В другой руке брата замечаю окровавленный меч и застываю от ужаса.

— Поздравляю, Орелия, ты снова вдова! — поняв, на что я смотрю, хмыкает он. — А ещё единственная владелица замка Айсуг. Пришлось немного ускорить события. Как объяснить исчезновение вельера Таглора? Ах да!

Внезапно он отпускает меня и, подкинув меч, перехватывает его так легко, будто это кинжал. Я, не удержавшись на ватных ногах, падаю на колени. Лютан со всей силы метает оружие в темноту, и раздаётся короткий крик. Видно плохо, но мне показалось, что кто-то, вскинув руки, упал.

Кучер?

— Жалкий трус, — выплёвывает Лютан и тянет меня за руку, заставляя подняться. — Мы привезём тело Таглора в Айсуг, и ты всем скажешь, что старик болен. Запрёшь его, якобы будешь лечить. Целителя я найму. Такого, что скажет, что нужно, и будет молчать, когда требуется.

Вперив в меня жёсткий взгляд, зло спрашивает:

— Всё поняла?

Я сжимаю челюсти и упрямо мотаю головой. Совладав с собой, отвечаю:

— Я не выйду за князя, и не надеюсь.

— Что?! — Лицо его темнеет. По коже пробегают фиолетовые молнии. Они жалят, касаясь меня, и боль пронзает такая, будто в меня втыкают иголки. — Ты будешь делать, что я скажу, колючка. Или я тебя уничтожу.

Я приподнимаю подбородок и, прищурившись, выдыхаю в ярости:

— Так давай. Ты уже предал свой народ. Отвернулся от своей семьи. Осталось нас убить.

Тело дрожит, но голос мой твёрд. Я понимаю, что не выживу, если Лютан ударит меня своей магией. Его сила тоже изменилась после соприкосновения с мраком. Вельер стал опасен, а его молнии смертоносными. И тишина за спиной тому свидетельство.

Мой муж действовал мерзкими способами, но утверждал, что двигала им любовь и желание защитить меня. Теперь он мёртв, а я в опасности. В силках собственного брата, который не остановится ни перед чем, чтобы добиться цели.

Даже если придётся убить родную сестру.

Вот только проблема: не станет меня — не будет и цели. Валедия слишком молода, её свечение слабое, а сила ещё более непредсказуема, чем была моя. Даже если благословение Гетты оформится в метку, сестру придётся сначала отдать лорду Тьмы. И если она не пострадает, то...

Вздрагиваю и смотрю в глаза, так сильно напоминающие мои собственные.

— Что медлишь?

Он смеётся и отпускает меня, будто ничего не случилось. Глянув на бесчувственного Дилида, достаёт из кармана позвякивающий кошель и бросает норзийцу на грудь.

— Заработал честно. Успей потратить, гнида.

И, простирая ладонь над воином, замирает с непроницаемым лицом. С кончиков пальцев Лютана срываются фиолетовые молнии, они окутывают Дилида, словно кокон. Тело норзийца начинает дёргаться, глаза распахиваются, но вместо зрачков и радужки — аметистовое свечение.

— Купи у Зогга себе новую жизнь, — сжав кулак, иронизирует брат.

Хватая меня за руку, бесцеремонно тащит к карете и едва не запихивает внутрь. Я ощущаю боль в колене от неловкого приземления и, отползая к сидению, понимаю, что потеряла туфлю. Тут дверь снова распахивается, и почти влетает Кирина. Ударившись плечом, она стонет.

— Держитесь крепче, вельеры, — галантно говорит Лютан. — Боюсь, из меня плохой кучер. Да и дорога не самая простая. А пока будете молиться Гетте, чтобы мы добрались до Айсуга в целости, заодно попросите смирения и послушания. Орелия, ты поняла?

Он поднимает обгаренный меч и неожиданно делает выпад в сторону Кирины. Замирает, едва не поцарапав лицо застывшей от ужаса девушки. Я, дрожа, отвожу влажное от крови острие и киваю:

— Я поняла.

— Так-то лучше, колючка, — обаятельно улыбается брат.

Совсем как раньше, на балу, когда я думала, что Лютан — красивейший из мужчин.

Дверь захлопывается, и через некоторое время карета, раскачиваясь, начинает двигаться.

— Он улыбается как безумец, — сотрясаясь всем телом, рыдает от ужаса Кирина. — Там же ночь... Ни зги не видно! Мы погибнем... Разобьёмся!

— Помолюсь Гетте об этом, — понимая, что попадаю в ещё более страшную тюрьму, чем ранее, шепчу я.

Глава 41

Мы сидим в полной темноте и страхе, обнимая друг друга так крепко, будто это может защитить от падения в пропасть. А когда карета подсакивает на камне или накреняется, замирая, Кирина зажмуривается и шепчет слова прощания.

Я считаю себя готовой пожертвовать жизнью, но умирать не хочу. Жить, страдая от безумной и бессмысленной любви к моему лорду, всё равно лучше, чем покинуть мир, где он живёт.

Я хочу дышать с Виргом одним воздухом. Любоваться солнцем, на которое смотрит он. Ходить по земле, где прогуливался он. Даже если никогда больше не увижу любимого, я хочу жить и мечтать о нём! Вспоминать нежные поцелуи и горячие ласки, которые сводили с ума и возносили на такие вершины, что даже воспоминание учащает сердцебиение.

Хочу любить. Ради Вирга делать этот мир красивее и радостнее. Заботиться если не о нём, то о велье, в которой он живёт. Так я и планировала...

Но что сейчас?

Брат не отпустит от себя и на шаг. Будет вечной тенью, обоюдоострым мечом до момента, когда на порог Айсуга ступит князь Тьмы. Вряд ли мне будет позволено покидать замок. Как и кому-либо навещать меня...

Внезапно Кирина хватается за горло и, выпучив глаза, смотрит на меня с ужасом.

— Что с тобой?! — бросаюсь к ней.

Девушка падает и становится совсем неподвижна. Я в панике дёргаю завязки на её лифе. Неужели пережитый кошмар, в одночасье нахлынув на подругу, сковывает тело в сильнейшем спазме? Или это болезнь?

Я с усилием разрываю завязки, но Кирине не становится лучше. Закатывая глаза, она оседает в моих руках и теряет сознание. Впрочем, я замечаю, что её грудь вздымается, воздух проникает в лёгкие, и сама облегчённо перевожу дыхание. Всё это обычный обморок?

И тут осознаю, что карета уже стоит. Когда это случилось?

Я пытаюсь привести в сознание девушку и порой оглядываюсь на дверцу в ожидании появления брата. Но его так и нет. Решаюсь выйти и попросить у Лютана зелье, вроде того, которое помогло ему справиться с серьёзным (смертельным!) ранением.

Открываю дверцу, и она распаивается, выскользнув из рук. Скрипят петли, ветер шелестит сухими листьями, сметая их в чёрную пропасть в шаге от кареты. Я затаиваю дыхание и, осторожно спустившись по ступенькам, огибаю карету в поисках брата.

— Лютан...

Задираю голову, пытаюсь рассмотреть его на козлах, и леденею при виде привязанного трупа вельера Таглора. В предутреннем свете заметно, что глаза мужчины распахнуты, челюсть отвисает. Поспешно отворачиваюсь и, справившись с тошнотой, зову громче:

— Лютан! Кирина потеряла сознание, и мне...

Поспешно замолкаю при виде закутанного в плащ мужчины. Это не Лютан — выше и шире в плечах. Обхватив себя руками, тихо и медленно отступаю обратно к карете. Незнакомец стоит ко мне спиной и, кажется, меня не замечает. Смотрит перед собой так напряжённо, полностью поглощённый чем-то.

Я замираю, ощутив спиной преграду. Что же делать? Обойти карету и спрятаться внутри? Или забраться наверх и попытаться сбежать? Что страшнее — труп, который ничего уже не сделает, или незнакомец, от которого можно ждать чего угодно? Явно второе, но одна мысль о том, чтобы сестра рядом с мёртвым вельером, лишает сердцебиения.

Внезапный порыв ветра срывает с мужчины капюшон, играет со длинными прядями, которые золотит первый показавшийся из-за горизонта луч солнца. Становится значительно светлее.

Я выдыхаю почти беззвучно:

— Ширигет!

Теперь замечаю полупрозрачные клубы мрака, ползущие по земле озлобленными змеями. Догадываюсь, почему Кирине стало плохо. Норзиец догнал нас и напал на брата!

Пuls учащается, страх отступает настолько, что я решаюсь приблизиться. Шагаю вперёд, пока не замечаю тело Лютана. По коже геллерийца пробегают аметистовые молнии, слабые, как тающие светлячки. Невидящий взгляд направлен в зеленоватое небо, а в уголках губ как будто поселилась улыбка. Словно мужчина насмехается над собственной смертью.

— Лютан давно мёртв, — глухо вырывается у меня.

— Мне так не кажется, — не двигаясь с места, произносит Ширигет.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не отпрянуть. Страх нет, лишь желание защитить подругу, которая доверилась мне, и мужчину, что едва дышит. Девушка лежит в карете без сознания, Лютан на земле, и обоих сковывает чёрная сила лорда Тьмы.

Я не допущу, чтобы Ширигет завершил то, что начал.

— Оставьте его!

Мужчина неторопливо разворачивается ко мне, поигрывая призрачной лентой силы. Осматривает меня с головы до ног и оскаливается в неискренней улыбке:

— Платье тебе идёт больше.

— Прекратите это, — не обращая внимания на игривый комплимент, твёрдо прошу я. — В карете моя подруга, и ей стало плохо. Уберите мрак!

— Убрать? — Блондин лениво разглядывает свои руки и качает головой: — Увы, у меня нет такого самоконтроля, как у Вирга. До его уровня мне ещё убивать и убивать. Только если, — он хитро смотрит на меня и делает шаг, — мне попадётся под руку какая-нибудь меченая гельерийка.

— Не приближайтесь, — торопливо предупреждаю я и выставяю руку ладонью вперёд.

— А то что? — кривит он идеальные губы, но останавливается. Взгляд лорда становится колючим, испытующим. — Твоей подруге плохо. Вельер князя Тьмы умирает. Так почему ты не поддаёшься мраку, меченая?

Сглатываю подкативший к горлу ком и вжимаюсь спиной в карету. Но смотрю на лорда решительно, не выказывая страха.

— Думаю, вам об этом известно больше.

— Хотелось бы, — откровенничает он и приподнимает бровь: — И не мне одному. Князь весьма заинтригован твоими способностями, и мне приказано доставить тебя ему.

— Я знаю, — киваю и взволнованно смотрю на брата.

Грудь мужчины приподнимается рывками, словно каждый вдох Лютану приходится отвоёвывать. Мрак больше не изливается из лорда Тьмы, но и того, что стелется по земле, может быть достаточно, чтобы убить человека. Как бы ни злилась я на брата, смерти ему не желаю.

— Известно мне и то, что вы считаете меня опасной, — продолжаю торопливо. Мне надо спасти Лютана и Кирину, а значит — отвлечь Ширигета. И надеяться, что они справятся с отравляющей силой, что мрак покинет их тела. Вирг утром говорил об этом, а моему лорду я верю. — Неужели вы хотите причинить князю вред?

Ширигет растягивает губы в улыбке, но глаза его остаются холодными, взгляд колючим.

— Ты непростительно сообразительна, вельера. Кое-кто из лордов действительно желает сменить фигуру на троне, но это не я. Посмотри на него. — Он поворачивается к Лютану, и у меня снова сильнее бьётся сердце. — Слаб в корысти, ловок в подхалимстве... Его намёки на твои исцеляющие силы заинтересовали князя, а идея его брака с богатой вельерой нашла поддержку в рядах лордов Тьмы.

— Они хотят, чтобы его убило проклятие? — догадавшись, шепчу я. Воскликаю в отчаянии: — Но я не проклята! Вы же видели, что я...

— Дело не в пророчестве, — жёстко перебивает он. — Глупая, ты лишь повод выманить князя из замка и прикончить его, обвинив в этом тебя. Или Вирга. Или гельерийца... — Он кивает на едва живого человека на земле. — Всех вас ждёт смерть, если я не привезу тебя князю.

— Но почему? — восклицаю я. — Зачем лордам убивать своего князя?!

— Он остановил поход, — снисходительно, будто общаясь с ребёнком, поясняет он. — Приказал обустроиваться на завоёванных землях. Не все воины, как Вирг, готовы становиться вельерами. Сменить меч на плуг.

— Убивать и разрушать проще, — сдерживая слёзы, подытоживаю я и мотаю головой: — Нельзя этого допустить!

— И? — выгибает он бровь.

Я сжимаю пальцы в кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Язык не слушается, в груди всё леденеет от одной мысли, что придётся сделать это, но я упрямо прошу:

— Обещайте, что не причините вреда Лютану и Кирине. Отпустите их! И я поеду с вами.

— Ты и так поедешь со мной, — усмехается он. — На что мне твои условия?

Не чуя под собой ног, я делаю шаг, второй, третий... Протягиваю руку и прикасаюсь кончиками пальцев к кисти мужчины. Думаю о Вирге, о том, что хочу ему счастливой судьбы. О велье и людях, которые достойны мирной жизни. Хоть такой, какая есть... Ведь, если война продолжится, станет ещё хуже!

Блондин удивлённо смотрит на тающий мрак, переводит взгляд на меня и потрясённо говорит:

— Ты и меня исцелила от мрака?

— Нет, — качаю головой. — Я не умею исцелять. Но я не позволю вашему мраку причинить вред им. — Киваю на Лютана и оглядываюсь на карету. Снова смотрю на блондина: — Или себе. Или тому, кто этот мрак создал. Как вам такое условие, лорд Ширигет? Я не причиню вам зла, но вы немедленно доставите меня к князю. Одну меня!

Судя по тому, как мужчина бледнеет, мой обман сработал — лорд поверил, что я могу направить мрак на его хозяина. Что я и есть проклятие, о котором говорил жрец Зогга.

— Ты хоть представляешь, что тебя ждёт? — хрипло уточняет он и, не отрывая от меня тяжёлого взгляда, поясняет: — Тебя будут пытаться и в конце концов убьют.

— Зато Вирг будет жить, — выдыхаю горячо и улыбаюсь дрожащими губами. — И мой папа... А брату придётся вернуться домой. В наших вельях сохранится мир! Вы хотели убедить князя, что брак с гельерийкой опасен, — я подыграю... Если для того, чтобы остановить множество смертей и новый голод, достаточно одной моей жизни, я согласна.

Он отдёргивает руку и, массируя её, коротко приказывает:

— Садись в карету.

— Лютан...

— Мрак покинет его к полудню, — перебивая, обещает Ширигет. — Мой конь привязан к дереву, и твой вероломный брат доберётся сам. Куда? Пусть сам выбирает. Девушку высадим по дороге. — Щурит глаза: — Что стоишь? Передумала?

— Не передумала.

Бросаю последний взгляд на человека, которого люблю и ненавижу... Но больше всего — надеюсь, что брат вернётся домой и поможет отцу поднять велью. И присмотрит за замком Айсуг, который остался без вельера. В любом случае обратного пути у Лютана нет — если его не казнит князь, то постараются убить лорды. Чтобы замести следы готовящегося покушения.

Когда карета трогается, я обхватываю себя руками и с ужасом думаю, на что решилась. Гетта, неужели я спасаю жизнь того, чьей смерти желают все гельерийцы? Правильный ли выбор я сделала? Худой мир лучше доброй войны? Я этого не узнаю.

Глава 42

Трудно сказать, сколько мы едем. Время будто замирает, когда я обнимаю постанывающую Кирину и схожу с ума от страха и сомнений после принятого решения. Волнами накатывает ужас, который всколыхнули слова Ширигета о пытках. Выдержу ли я это? Ради чего я на это иду? Я же хотела жить... Любить! А теперь соглашаюсь на смерть.

Безмолвно молюсь Гетте, вспоминаю то смиренно коленопреклонённую Никилию, которая отказывалась покинуть храм, то своих родных. О Вирге стараюсь не думать, одна мысль о моём лорде приносит боль настолько сильную, что становится трудно дышать.

Как же хочется вернуть время вспять! Но что можно исправить? Ничего. Я лишь маленькая гельерийка, у которой нет права быть счастливой. Знал ли Вирг о готовящемся покушении на князя? Не потому ли он так легко отпустил меня?

Ведь говорил, что не позволит мне уйти...

Или Вирг, завоевав очередную крепость, охладил к игрушке?

Я так и не знаю, значу ли что-нибудь для лорда.

Видимо, нет. Иначе бы он не позволил Ширигету схватить меня.

Прозрачная капля, щекоча, катится по щеке.

Лучше думать о папе. Лютану придётся вернуться домой, брат будет вынужден снова стать вельером и помогать людям. Остаётся надеяться, что душа его не сильно прогнила.

Всхлипываю и вытираю слёзы рукавом. Кирина что-то шепчет в беспамятстве, но ничего не разобрать. Кроме имени.

Тейг.

Девушка тоже несчастна — мы обе оставили свои сердца в Ройепине, покинули тех, с кем рады бы прожить до глубокой старости.

Карета останавливается, и я благодарна невольному концу своих страданий. Что толку теперь сомневаться? Ширигет не упустит добычу из рук, а Виргу я не нужна. Вот-вот блондин откроет дверцу, возьмёт мою подругу, чтобы оставить её на постоянном дворе.

Убираю с лица Кирины прилипшие к влажной коже локоны, поправляю декольте, жалея, что разорвала завязки. Придётся оставить девушку в таком виде, и это беспокоит. Стоит попросить у Ширигета плащ? Когда дверца скрипом заявляет о появлении лорда Тьмы, поднимаю голову и прошу:

— Не могли бы вы отдать?..

И осекаюсь, увидев перед собою вовсе не блондина. Сердце совершает кульбит и подпрыгивает к горлу, перехватывая дыхание. Замираю, не веря глазам. Если это — видение, то я хочу задержать его как можно дольше, чтобы насладиться им.

— Лорд... Вирг? — растерянно бормочет очнувшаяся Кирина. Приподнимается на локтях и оглядывается на меня. — Что происходит?

— Ты тоже его видишь? — шепчу я, не отрывая взгляда от мрачного лица мужчины. — Мне не мерещится?

По шее ползут мурашки страха, что всё это недоразумение, но в груди становится теплее от надежды.

— Я говорил, что не отпущу, — сухо заявляет Вирг и, подхватив меня на руки, вынимает из кареты. — Неужели ты подумала, что я откажусь от своих слов?

— Но ты это сделал, — лепечу, совершенно растерянная. — У тебя выбора не было.

— Я сам решаю, есть ли у меня выбор! Но я давал его тебе, Орелия, и ты выбрала неверно.

Не выдержав тяжёлого взгляда Вирга, смотрю поверх его плеча. За спиной моего лорда маячит Ширигет, и на лице блондина сияет широкая улыбка. Голос его звучит нарочито весело:

— Наивная лисичка решила, что если открыли дверцу в клетке, то и на свободу отпускают!

Я запрокидываю голову и хватаю ртом воздух при виде высоких стен Айсуга. У ворот замка толпятся гельерийцы, в нескольких шагах от нас замечаю дюжину всадников — воины лорда Тьмы! Одна из лошадей без седока, бока её лоснятся от пота, через круп переброшено тело мужчины. Это же Дилид! Вирг погнался за нами?

— Ширигет, будь добр, заткнись, — ворчит лорд, — пока я не проткнул тебе живот.

Но блондин лишь смеётся, продолжая издеваться надо мной:

— Мало того, эта храбрая зверушка приказала отвезти её к князю, чтобы большой злой волк не пострадал.

Он хлопает Вирга по плечу, и мой лорд сильнее хмурится, не отрывая от меня пронизывающего взгляда.

— Тебе абсолютно не дорога жизнь, Ширигет. Ты жив только потому, что привёз её сюда.

— А она дышит лишь потому, что я убедился, — с неожиданной серьёзностью заявляет Ширигет, — девчонка искренне любит тебя, каменный ты истукан.

В наступившей тишине я слышу доносящийся до нас говор жителей замка. Ширигет, развернувшись, направляется к группе людей у ворот. Я же, кусая губы, не решаюсь посмотреть на моего лорда. Держусь за его плечи и упрямо разглядываю всадников. Кажется, среди них вижу Лютана...

Брат бледен, но жив. Руки его связаны за спиной, спина согнута колесом, будто на плечах непосильный груз.

— Орелия! — Вздрагиваю и задерживаю дыхание. — Посмотри на меня, пожалуйста.

Моргаю, и по щекам катятся слёзы. Мотаю головой, не в силах видеть его и не обнять. Не прикинуть губами к его, не ощутить аромата соли и тёплого мускуса. Вкуса его страсти. Поверить!

Лорд осторожно отпускает меня и, когда мои стопы касаются земли, поднимает мой подбородок. Взгляды наши встречаются, и я судорожно втягиваю воздух от кольнувшей сердце боли. Завожу руки за спину и, снова глянув на брата, хрипло уточняю:

— Это... была проверка?

— Да.

— И я её не прошла?

— Нет.

Он всё знал! И про Дилида, который служил двум господам, и про план моего брата? Вскидываю голову, гляжу с вызовом:

— И что теперь, мой лорд?

Он молча берёт меня за руку и ведёт к замку. Я мельком замечаю, как слуги снимают с кареты труп вельера. Слышу обрывки объяснений Ширигета:

— ...Сильнейший обвал! Удалось спасти только женщин. Орелия? Да! Ваша вельера, вдова сына вельера Таглора...

Чувствую пожатие ладони лорда Вирга и поднимаю голову. Любуюсь его широкой спиной, твёрдой поступью и величественностью движений. Хочу, чтобы это мгновение продлилось вечно! Я готова идти за моим лордом хоть на край света, доверившись ему полностью.

Глава 43

— Айсуг, — остановившись у ворот, произносит Вирг и оборачивается ко мне. Продолжает во всеуслышание: — Ступив на порог своего замка, вельера Орелия освобождается от всех обязательств перед лордами Тьмы.

Он отпускает мою руку и отступает на шаг, но я двигаюсь следом. Шёпотом спрашиваю:

— А если я не хочу этого?

— Чего? — приподнимает он смоляную бровь.

— Свободы, — ощущая, как жар приливает к щекам, едва слышно отвечаю я.

— Чего же вы желаете, вельера Орелия? — сурово спрашивает он.

Вокруг царит суета. Мимо, удерживая на плаще, проносят труп старого вельера. Ширигет, жестикулируя, объясняет, где именно произошёл обвал. Собирает людей, чтобы найти тело вельера Сартена. Кажется, что на нас никто не обращает внимания.

Собравшись с духом, я смотрю в глаза моего лорда и твёрдо заявляю:

— Тебя!

Неожиданная улыбка преображает его лицо, голос звучит низко и почти ласково:

— Наконец правильный ответ.

Шагаю к нему, чтобы быстрее оказаться в желанных объятиях, но лорд снова отступает и опускается на одно колено.

— Собогаволите ли стать моей женой, вельера Орелия?

Если бы небеса рухнули на землю, не установилась бы тишина более звонкая, чем сейчас. Люди замерли, все взгляды устремились к нам. Потеряв на миг дар речи, я лишь моргнула и попятилась. Качая головой, быстро глянула на связанного брата.

— Нельзя! — Лицо Вирга словно каменеет, скулы становятся острыми, губы превращаются в тонкую

полоску. Я спешу объяснить свой ответ: — Слышала, князь легко может сделать меня вдовой, чтобы заполнить исцеление от мрака... Или чтобы заткнуть рты недовольным вельерам.

— За меня волнуешься? — хмыкает он и поднимается на ноги. Кивает Ширигету: — Думаю, вельер Лютан сможет открыть несколько имён лордов Тьмы, которые поддерживали его безумную идею.

Блондин поднимает руку и щёлкает пальцами. Один из воинов, качнув ногами, бьёт пятками в бока коня. Удерживая поводья лошади, на которой сидит Лютан, ведёт её к нам. Мой брат бледнеет всё сильнее, смотрит затравленным зверем и мотает головой:

— Лучше сразу убейте!

— Смерть — слишком лёгкое наказание, — спокойно отвечает Вирг.

Я смотрю на моего лорда умоляюще. Не могу подобрать слов, чтобы уговорить его оставить жизнь Лютану. Шепчу лишь:

— Пожалуйста...

— Один мешочек за одно имя. — К лорду приближается Тейг, с трудом удерживая тот самый сундук, которым Лютан заплатил за свободу мою и других девушек. Вирг открывает крышку и подбрасывает золото на ладони. — На эти деньги можно купить замок где-нибудь в Киннети.

— Я не успею добраться до границы живым, — жалобно стонет брат.

— Ой, — вступает в разговор Ширигет. — Мне как раз надо в те края... По чрезвычайно важному делу. — Вынимает свой меч из ножен и одним ударом ломает лезвие о колено. — Видите? Ужасное качество! А киннетийские мастера, говорят, творят чудеса. Вирг, тебе привезти подарочек?

— Сначала увези, — кривится он и бросает мешочек обратно в шкатулку, — подарочек! Или к князю, или...

— В Киннетию! — вскрикивает Лютан и быстро-быстро кивает: — Я расскажу всё, что знаю.

— Не только расскажешь, но и напишешь, — скрещивает Ширигет руки на груди, — как злобные лорды подговорили тебя очернить доброе имя вдовы Орелии. Что эта милая вельера никакими волшебными силами не обладает и...

— ...И что она замужем, — твёрдо заканчивает Вирг и, обернувшись, уточняет: — Или ещё есть возражения?

— Есть. — Подступаю к нему и осторожно пропускаю пальцы под ремень его брюк. — Слова, что прозвучали ночью, — правда? Я — это исцеление?

— Правда, — снова улыбается он.

В груди холодеет. Не такого ответа я ждала. Медленно отпускаю его и, качая головой, отступаю к воротам.

— Тогда я говорю «нет».

— Ты хочешь меня, вельера, — следует он за мной, кладёт ладонь на железную стену, закрывая путь к бегству. — Но отказываешь?!

Я смотрю мужчине в глаза и едва держусь, чтобы не утонуть в них. Помогает то, что мне нужно думать не только о себе, но и о своей семье. Будучи вдовой Сартена, я могу помогать отцу. Но если стану женой врага, меня не простят и не позволят ступить на земли родной вельи.

Отец же слабеет год за годом, скоро он не сможет объезжать деревни и использовать магию. Поэтому отвечаю твёрдо:

— Лишь отказываюсь выходить замуж, мой лорд. Поймите, вам вовсе не обязательно жениться на мне, чтобы получить магию и помощь. Я отдам всё это добровольно. Вместе мы сделаем эти земли процветающими.

Лучше я буду любить его на расстоянии, чем быть необходимой только как лекарство. Сдерживая слёзы, я улыбаюсь:

— Если я буду жить здесь, вам не потребуется защищать меня. Если вы не будете вызывать мрак, то в и лекарстве не будет необходимости. — Убеждённо киваю: — Я вам не нужна.

— Не нужна? — Взгляд его становится пугающим, на щеках дёргаются желваки. — Ты

действительно так считаешь?

— Да, — соглашаюсь я и поясняю: — Вы только желаете знать, что я буду в вашем распоряжении по первому требованию. Как и другие люди. Стражи, воины...

— Воины обязаны повиноваться своему лорду, — перебивает он.

— Но война в прошлом, — напоминаю я. — Поймите, побеги не будут расти, если их придавить плитой. Если желаете возродить эти земли, придётся давать больше воздуха. Пора уже решить, кто вы, мой лорд. Воин или вельер.

Лорд отталкивается от ворот и, развернувшись, быстро отдаляется от меня. Я смотрю на его прямую спину и убеждаю себя, что поступила правильно.

— Вирг, — зло рычит Ширигет. — Ты куда это собрался?

— Давать побегам больше воздуха, — не оглядываясь, бросает тот и, распахнув дверцу кареты, вытаскивает насмерть перепуганную Кирину.

Я вздрагиваю и делаю шаг, но блондин опускает на моё плечо тяжёлую ладонь.

— Тейг. — Лорд поворачивается к старшему стражу и отдаёт ему свою ношу. — Эта женщина теперь твоя жена. Приказываю вам построить дом и... — Оборачивается и смотрит на растерянно переглядывающихся воинов. — Вам тоже приказываю жениться!

— На ней? — лыбится один из мужчин, но, столкнувшись взглядом с Тейгом, закашливается. Сипло отвечает: — Слушаюсь, мой лорд...

— Но я замужем, — слабо вскрикивает Кирина.

— Тейг знает, как это исправить.

— Я вовсе не об этом говорила! — пугаюсь я.

— Мужчины не понимают намёков, — лениво замечает Ширигет и отпускает моё плечо. — Спроси прямо, любит ли он тебя, и услышишь ответ.

— А если он будет не тем, который я жду?

— Тебе понравится, — подталкивает лорд меня. — Спасай воинов, меченая!

Глава 44

Страх сжимает шею ледяными пальцами, проникает в грудь и студит вены... Но вовсе не от мысли, что лорд меня не любит.

Совсем наоборот!

Я отчаянно страшусь услышать, что чувства мои взаимны. И от неожиданного осознания этого цепенеет всё тело.

— Так и знал, — внимательно наблюдая за мной, кривит губы Ширигет. Правильные черты лорда на миг искажаются в гримасе надменного презрения. — Когда Вирг не оставлял тебе выбора, ты была с ним. Оправдать себя было так легко, не так ли? Никто не посмотрит косо, не кинет неприятного слова, не осудит. Лорд потребовал своё право, и отказаться нельзя.

Тон его звенит железом, слова колют в самое сердце.

— Но как признаться перед всеми в том, что любишь чудовище? Проще отказаться от брака с врагом и сохранить благочестие. Так, вельера Орелия?

Я отчаянно мотаю головой, хочу возразить, но слова застревают в горле. Потому что он прав. Предложение руки от лорда Тьмы пугает меня настолько, что я цепляюсь за любой повод отказать.

Не в силах выдерживать пронизывающий, будто заглядывающий в самую душу взгляд блондина, отворачиваюсь и смотрю на моего лорда.

Скрестив руки на груди, Вирг с мрачным видом выслушивает сбивчивый рассказ Кирины. О чём просит девушка, догадаться не трудно — гельерийка не выпускает руки старшего стража.

Тейг стоит рядом с непроницаемым лицом, будто норзийца не касается то, что происходит. Но порой и выдержка стража оставляет его. То дёрнется кадык, то приподнимутся, выдавая глубокий вдох, широкие плечи.

Я надеюсь, что лорд Тьмы сумеет помочь Кирине расторгнуть договорной брак и убедить отца девушки отдать дочь старшему стражу в жёны.

— Как думаешь, меченая, Виргу было просто сделать тебе официальное предложение? — продолжает жёстко давить Ширигет. — Опустить на колено. Поставить наравне с собой рабыню...

Я резко оборачиваюсь и, подавшись волне ярости, перебиваю:

— Рабыню?! Я свободная вельера, лорд Ширигет! И прошу обращаться ко мне соответственно...

Замираю, недоверчиво глядя на мужчину. Он хохочет. Утерев поблёскивающие влагой уголки глаз, вдруг щёлкает меня по носу:

— Так может, и ты начнёшь обращаться с собой соответственно? Ты же свободна! А значит, вольна принимать собственные решения, вельера Орелия. И ответственно справляться и их последствиями. Не только в том, что касается других, но и в отношении самой себя. Ты тоже нуждаешься в возрождении. В помощи. В любви.

Губы мои дрожат, глаза наполняются слезами. В этот миг я испытываю сильное желание обнять этого мужчину. Как брата, как друга. Человека, который открыл мне глаза на правду. И указал истинный путь.

— Осторожнее, — угадав мой порыв, отступает Ширигет и снова смеётся. Развернув меня за плечи, аккуратно подталкивает в спину. — Не хочется быть задушенным мраком в такой чудесный день. Иди, меченая. К нему.

И я иду. Ступаю по земле так, будто она пылает. Каждый шаг причиняет нестерпимую боль, ранит меня в самое сердце. Приближаясь к Виргу, я отдаляюсь от отца и сестры. Они вряд ли примут моё решение. Никогда не поймут и не простят. Но Ширигет прав, и я приношу доброе отношение родных в жертву своей любви.

Я буду заботиться о Лувирине тайком, подыщу Валедии доброго вельера в мужья. Когда она подрастёт, конечно.

Стану действительно свободной от предубеждений, страха осуждения и необходимости ненавидеть норзийцев.

Стану свободной для него!

Моего лорда Тьмы.

Подхожу к Виргу, беру его ладонь в свои и смотрю в глаза.

Тейг прижимает палец к губам Кирины и осторожно уводит девушку в сторону.

На лице Вирга застывает каменное выражение, губы превращаются в тонкую нить, глаза полыхают тьмой. Я знаю его таким. Как и понимаю, что это лишь маска изо льда его застывших чувств. Я оттолкнула мужчину, и ему больно.

От волнения не чувствуя собственных губ, я с трудом выдавливаю слова:

— Вы... Ты... — Собравшись с духом, выпаливаю: — Любишь меня?

Он холодно цедит:

— Иначе зачем я всё это делаю?

Сердце моё трепещет, дыхание перехватывает. Да, я знаю, что он любит! Иначе лорд Тьмы не проявил бы несвойственное воинам милосердие, пощадив Лютана. Не наступил бы на свою гордость, опустившись передо мной на колено. Давно покинул бы Айсуг, получив отказ...

Но он стоит и смотрит на меня, ожидая решения.

Смирено.

Почти...

В глазах Вирга плещется Тьма и желание крушить всё вокруг, но норзиец сдерживает свой гнев и разочарование.

Ради меня.

Потому что по-настоящему любит.

Я кусаю дрожащие губы и, глотая катящиеся по щекам слёзы, крепче сжимаю его ладонь. Поднимаю его руку и прижимаюсь к жёсткой обветренной коже воина благодарным поцелуем. А затем запрокидываю голову и вглядываюсь в непроницаемое лицо.

— Тогда... — Медленно опускаюсь на одно колено перед моим лордом. — Возьмёшь меня в жёны?

Брови его приподнимаются, в глазах мелькает удивление. Уголки губ подрагивают, будто лорд вот-вот улыбнётся.

— Ты же заявила, что никогда больше не выйдешь замуж.

— Я это сказала вслух... — поясняю и искренне признаюсь: — ...А про себя добавила «ни за кого, кроме тебя».

— И отказала! — сухо напоминает он.

— Прости, — снова целую его руку и смотрю снизу вверх. — Я не желаю быть ни проклятием, ни исцелением, мой лорд. Я хочу быть твоей любимой! — И нетерпеливо спрашиваю: — Так каким будет твой ответ?

— Ответ? — тянет он и поднимает меня на ноги. Смотрит в глаза и почти улыбается: — Дай подумать, вельера. Ты обеспеченная вдова. Красивая и магически одарённая, что немаловажно. А ещё ты такая сладкая, что у меня...

Я испуганно прижимаю ладонь к его губам, заставляя замолчать. Щёки полыхают краской стыда, когда я беспокойно оглядываюсь.

Лорд сжимает моё запястье и отводит руку от лица. Заканчивает тем же тоном:

— ...Что у меня не остаётся сомнений. Я согласен!

— Хвала Зоггу! — восклицает Ширигет и направляется к своей лошади. Оказавшись в седле, смотрит на нас сверху вниз и подмигивает Виргу: — За твою постель я теперь спокоен. А теперь позвольте попрощаться, меня и вон того интригана ждёт путешествие в Киннетию...

— Ширигет! — зовёт его Вирг. Вынув из-за пазухи мешочек, он бросает его блондину. Я узнаю деньги, которые Лютан оставил на теле Дилида. — Купи что-нибудь красивое, — поворачивается ко мне и гладит по щеке, — моей жене. В качестве извинения.

Блондин, подбрасывая звякнувший в ладони кошель, жёстко ухмыляется:

— Подарок привезу, но извинений пусть не ждёт.

И, пришпорив кобылу, мчится прочь.

Лорд осторожно касается моего подбородка и, приподняв его, наклоняется. Прижимаясь твёрдыми губами к моим, прикрывает веки. Я подаюсь к мужчине, растворяясь в ласке, отдаваясь лорду без остатка.

Кому нужны зогговы извинения? У меня есть он... Моё проклятие и исцеление.

Моя тёмная любовь.

Эпилог 1

Камни храма излучают мягкий розоватый свет. Полупрозрачные занавеси колышутся, хоть в воздухе не ощущается ни малейшего движения. Атмосфера безмятежного спокойствия ласкает сердце и наполняет душу умиротворением.

Мне нравится приходить сюда не только поэтому. Я приближаюсь к коленапреклонённой девушке и замираю, рассматривая её белоснежные одежды. Шёлковое одеяние жрицы растекается светлой лужицей на полу вокруг стройного тела. Кирина, закрыв глаза, беззвучно шевелит губами. Мне кажется, я знаю, о чём молится подруга.

Или о ком.

Правая рука лорда Тьмы и старший страж Тейг уже несколько месяцев добивается аннулирования брака своей возлюбленной и согласия её упрямого отца на союз дочери с норзийцем. Суровый воин, поддавшись уговорам девушки, не стал рубить с плеча и действовать силой.

Я делаю ещё шаг, и Кирина вздрагивает. Оглядывается и смотрит с надеждой:

— Орелия, Тейг вернулся от князя Тьмы?

Я улыбаюсь и качаю головой. Подруга подавляет вздох и, приподняв край длинной юбки, поднимается на ноги. Приближается ко мне и с улыбкой, пряча разочарование в глубине голубых глаз, интересуется:

— Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно, — успокаиваю её и провожу ладонью по своему округлившемуся животику. — Никаких признаков норзийского проклятия не ощущаю.

— Может, это всё же девочка? — любит меня подружка.

— Мне приснился мальчик, — упрямо возражаю я и беру Кирину за руки. — Не волнуйся, я уверена, что мрак не коснётся ни меня, ни моего сына.

— Я молилась сейчас об этом, — признаётся она и порывисто обнимает меня. — Жаль, что я не настоящая жрица и мои молитвы Гетта может и не услышать... Орелия, я так боюсь за тебя!

— Всё в порядке, — поглаживаю её по спине, понимая, что девушку страшит не только моя беременность, но и собственное будущее. — Ты сама видела, что моя сила растёт. Сбранного при Ройепине урожая хватит не только чтобы накормить нашу велью, но ещё и на продажу. Вирг ведёт переговоры с независимыми ремесленниками Айсуга о непрерывной помощи земледельцам. Если они согласятся работать за часть урожая, то лорд снизит налог...

— О, в твоей деловой хватке никто не сомневается, — со смехом перебивает меня подружка и, отстраняясь, смотрит взволнованно. — Я боюсь не за вельеру, а за гельерийку, которая отважилась родить от норзийца...

— Всё будет хорошо, — утешаю я. — Мрак не проявлялся уже полгода. Вирг спокоен не только внешне. Лорд прекрасно владеет собой. Лучше помолись за себя и своё счастье.

Провожу кончиком пальца по золотистому свечению на коже Кирины.

— Оно становится ярче?

— Да, — опускает она глаза. И тихо добавляет: — Я молюсь за тебя, потому что не знаю, что именно просить у Гетты для себя. — Касается чистого высокого лба: — Может, всем будет лучше, если метка проявится здесь?

— Никилия прекрасно справляется, если ты об этом, — смеюсь я и легонько надавливаю на её подбородок, заглядывая в глаза. — В следующем году она обвенчает и вас с Тейгом. Я уверена в этом!

— Если будет на то воля милосердной Гетты, — робко соглашается подружка и оглядывается. — А где Мина? Почему она не с тобой?

— Няня осталась с малышкой Лизии, — поясню я. — Им с мужем пришлось срочно уехать в столицу, чтобы пополнить стадо свежей кровью. Вирг не теряет надежды увеличивать наши доходы, поставляя князю породистых жеребят.

— Лорд за короткое время изменил жизнь в трёх вельях, — улыбается она. — Из него получился замечательный вельер!

Похвала её греет мне сердце.

— Ты видела Лизию? — интересуется Кирина. — Как она?

— Намного лучше, — отвечаю я, вспоминая румянец на щеках подружки и нежные взгляды её супруга. — Она смирилась с ниспосланным Геттой испытанием. И любит малышку Шийлию, несмотря на тёмные глаза и волосы. Как и её добрый супруг.

Наступает звенящая неловкая тишина, и чтобы развеять гнетущие тени прошлого, я перехожу к цели своего визита.

— Кирина, не могла бы ты написать Лютану? Предложи ему стать посредником и поставлять товары киннетийских мастеров в столицу Гельерии. Если всё получится, тогда Виргу будет проще договориться с ремесленниками Айсуга.

Она понимающе кивает:

— Хорошо, я сделаю это. — И смотрит пристально. — Ты так и не простила брата? Он рискнул своей

жизнью, выдав заговорщиков. В итоге стал изгоем и среди норзийцев, и среди гельерийцев.

Вздыхаю: это выбор Лютана. И признался в заговоре брат лишь для того, чтобы сохранить себе жизнь. Не желая обсуждать это, торопливо меняю тему:

— Если ты станешь представителем, то будешь часто навещать столицу. Вирг считает, что товары можно сопроводить личной просьбой. Всё равно первую поставку придётся привезти в дар князю. Но...

— Я попрошу аннулировать мой брак! — воодушевляется она. Глаза Кирины блестят от радостного возбуждения, дыхание учащается. Подхватив юбки, девушка бросается к выходу. — Я напишу Лютану немедленно!

Я с улыбкой смотрю, как она сбегает по ступенькам и стремглав несётся к небольшому домику, в котором проводит одинокие ночи в ожидании любимого. Все сомнения сметены, и подруга вновь пылает желанием заполнить своё личное счастье.

Выхожу из храма и оглядываюсь. Вирг, гарцуя на породистом жеребце, придерживает за уздечку мою кобылу. Та стоит спокойно, впрочем, как всегда. Лорда долго пришлось убеждать, что прогулки верхом не принесут вреда, но он всё равно выбрал самую тихую и спокойную лошадь. И с тех пор сопровождает меня, если нянюшка занята ребёнком Лизии.

Заметив, что я вышла, муж спрыгивает на землю и подводит лошадей. С крайней осторожностью помогает мне усесться в седло и только потом спрашивает:

— Не передумала?

Я прикусываю нижнюю губу и мотаю головой. Я и так долго откладывала этот визит, пора уже посмотреть отцу в глаза. И для этого нашёлся хороший повод — Мина рассказала, что Мариска выходит замуж.

Вельер Лувирина обязательно посетит храм, чтобы поздравить дочь кузнеца. Там я и хочу поговорить с ним. Слова, отрепетированные многими днями, рассыпаются в памяти, оставляя меня в тревожном состоянии. Возможно, отец и слушать меня не станет.

— Ни за что не пропущу церемонию в этом году, — поймав взволнованный взгляд мужа, заявляю я. — Хочу убедиться, что в храм не заявятся стражи, чтобы потребовать для моего лорда право первой ночи! Ты только мой, слышишь?

— Как же приятно, когда ты ревнуешь, — смягчается он. — Ради этого я готов своим визитом перепугать несколько девиц.

Тянется ко мне и легко прикасается своими губами к моим в коротком, но таком сладком поцелуе. Потом ещё раз. И ещё...

— Всё же я увезу с церемонии одну гельерийку, — хрипло шепчет он, взглядом раздевая меня. — И потребую своё право... Не один раз!

— Угрожаешь? — предвкушающе протягиваю я.

— Обещаю, — серьёзно отвечает он.

— Тогда нам стоит быстрее закончить с церемонией и приступить к праву, — намекаю я и бью пятками по крупу лошади.

Но Вирг жёстко придерживает кобылу.

— Не спеши, вельера. — Уголки его губ подрагивают в полуулыбке. — У нас впереди целая жизнь.

Я киваю и счастливо смотрю в глаза любимого. Мы справимся с любой проблемой, будь то гибель урожая или тяжёлый взгляд моего отца. Вместе преодолеем все ниспосланные испытания. Потому что наша любовь преодолела даже мрак.

Потому что проклятие обернулось благословением.

Для вельи.

И для нас.

Эпилог 2

Тяжёлый взгляд отца давит, горьким разочарованием расплющивает уверенность, болезненным

осознанием раздирает сердце.

— Папа...

Подаюсь к нему и протягиваю руку, но вельер Фанар отшатывается. Да так резко, что его больная нога подворачивается, и лишь кузнец не даёт отцу упасть. Мужчина, дочь которого выходит замуж, избегает моего взгляда и поджимает губы.

Они все ненавидят меня. Никто не желает понять. Даже Мариска, которая девчонкой бегала за мной, словно хвостик, косится так, будто не знает. Стоило нам с Виргом вступить в храм, воцарилась мёртвая тишина.

Только Никилия улыбается мне. Понимающе. Сочувственно. Горько. Но даже это даёт силы для новой попытки. Я беру лорда Тьмы под руку и представляю отцу:

— Это мой муж, папа. Вельер Ройепина...

— Не вельер! — вскрикивает отец и, оттолкнув кузнеца, выпрямляется перед Виргом. Изобразив короткий поклон, цедит слова: — Лорд Тьмы, который забрал не только честь моей дочери, но и её жизнь. Я до конца своих дней буду скорбеть об этой невозполнимой утрате. Как и о гибели моего старшего сына.

В сердце колет, на глаза наворачиваются слёзы. Вельер Фанар отчётливо дал понять, что я для него умерла. Что, согласившись на брак с врагом, перестала существовать. Напоминает о том, что Лютан не вернулся с войны, не зная, что сын жив.

И не должен знать. Это разобьёт его благородное сердце. Лучше я буду молчать о судьбе своего брата. Но смириться с тем, что папа отталкивает меня, не могу. Не только из-за него. Валедия, нервно теребя платочек, не поднимает на меня глаз.

— Отец, послушай, — предпринимаю ещё одну попытку, но вельер Лувирина перебивает меня.

— Вельера Орелия! — Я замолкаю, задыхаясь ото льда в его голосе. От чужого, наполненного презрением взгляда. — Я знаю, что после моей смерти вы унаследуете Лувирин. Но до тех пор, пока я жив, попрошу вас воздержаться от прогулок по моей велье. Уверяю, я не нуждаюсь в вашем обществе. — Он снова кланяется Виргу. — Со всем уважением к лорду Тьмы. Смее заверить, что не задержу налог в этом году. И прошу позволить нам продолжить церемонию... — Лицо его искажается от злости. — Если не желаете присмотреть для себя ещё игрушку-другую на ночь.

Вирг вздрагивает, будто от удара. Лицо его каменеет, а я холодею от страха за родных. Но муж лишь берёт меня за руку. Бросает сухо:

— Уходим.

Я оглядываюсь, желая в последний раз посмотреть на отца и сестру. Надеюсь...

Сама не зная на что.

Слёзы застилают мне глаза, и я вижу лишь расплывчатые силуэты.

— Лисичка, проснись, — тихо просит Вирг. Вытирает мои мокрые щёки и, целуя, шепчет: — Любовь моя, не плачь. Тырываешь мне сердце.

Я всхлипываю и, дрожа, медленно стряхиваю тяжёлый сон.

— Снова снился отец? — грустно улыбается Вирг.

Я порывисто прижимаюсь к лорду, обнимая его так крепко, как только могу. Ответа муж не ждёт — этот сон уже почти год как преследует меня. И с тех пор отношение вельера Фанара к нашему браку не поменялось, несмотря на многочисленные попытки Вирга наладить отношения и мою помощь велье Лувирина.

Лорд гладит меня по голове и шепчет успокаивающие глупости, а я молча глотаю слёзы.

Жалобный плач малыша отвлекает меня от грустных мыслей. Я подрываюсь с кровати, но тут же чувствую ладонь мужа на талии. Вирг увлекает меня обратно в постель и обжигает щёку горячим дыханием:

— Мина присмотрит за Келимом.

— Мне тревожно, — не желая, чтобы муж видел меня заплаканную, осторожно высвобождаюсь я. — Сердце не на месте. Вдруг малыш проголодался?

Я обниму сына и успокоюсь. Снова стану нежной и любящей вельерой.

— Только час назад ел, — зеваает лорд и, посмотрев на меня, замирает. — Кстати, наблюдать за тем, как ребёнок твой сосёт грудь любимой женщины, весьма...

Глаза его тёмно мерцают, и я игриво уточняю:

— Ревнуешь?

Мрачная тень сна пятится, тает по углам, уступая место реальности. Нашей с Виргом реальности. Семьи.

— Чуть-чуть, — тянет он меня к себе одной рукой, другой сбрасывает с моего плеча бретельку ночной сорочки. Проводит по коже кончиками пальцев, рисует замысловатые узоры, опускаясь всё ниже. Нестерпимо медленно. — Но ещё сильнее это меня возбуждает.

— Не верится, — прислушиваясь к затихающим звукам в смежной комнате, улыбаюсь я. И обвиняю: — Ты же уснул!

— Я немного притомился вчера, — признаётся муж и оголяет мою увеличившуюся грудь. Голос мужа звучит хрипловато. — Но немного вздремнул и теперь полон сил.

Малыш, убаюканный моей доброй нянюшкой, успокаивается. Наступает тишина, и мне уже не хочется покидать супружескую постель.

— Для чего? — поддразниваю мужа, совершенно точно зная, на что лорд намекает.

Сила его желания видна так же явно, как ярко чувствуется запах тёмного мускуса и полынной соли. Аромат самого желанного мужчины в Гельерии, Норзии или любой другой стране. Моего любимого мужчины!

— М-м, — неопределённо произносит он, покрывая поцелуями мою шею, заставляя запрокинуть голову. — Стоит попробовать то, что так привлекает моего сына.

Мне в лицо бросается жар, а дыхание сбивается, когда губы мужа сжимают собравшийся в тугой бутон сосок. Внизу живота будто вспыхивает пламя. Разливаясь будоражащим огнём по венам, оно пульсирует в самой чувствительной точке моего тела.

Я уже на грани: Вирг прекрасно изучил моё тело и умеет всего несколькими движениями довести меня до исступления. Я даже говорить не в силах, из разгорячённого горла вырывается лишь стон. Он означает мольбу, и лорд не заставляет просить себя дважды.

Одним движением он опрокидывает меня на кровать, вторым разрывает на мне сорочку. Ох, Золетта, наверное, замучилась их покупать — как я ни уговаривала Вирга аккуратно снимать их, на эти просьбы мой муж не реагировал.

Впрочем, меня тоже заводит его яростное нетерпение. Мужчина с рычанием прижимает меня напряжённым до состояния камня телом к кровати, и я задыхаюсь от вихря ощущений. Вирг мягко и нежно ласкает меня между ног одной рукой. Другой рукой поигрывает со сверхчувствительным соском, а язык мужа берёт мой рот. Вторгается беспощадно, ломая любое сопротивление на корню...

Да мне и не хочется сопротивляться. Я желаю этого не меньше лорда. Раздвигаю ноги шире, приглашая моего мужчину, умоляя его войти в меня, заполнить до предела... И снова. И снова! Мне всегда его мало. Я хочу этого мужчину и телом, и сердцем, и разумом. Не представляю жизни без него, умираю на пике наслаждения и возрождаюсь, чтобы снова пылать от жажды.

Жажды моей тёмной любви.

— Не думай о прошлом, лисичка, — жарко шепчет Вирг. — Все, кто заставляет тебя плакать и страдать... Они лишь тени прошлого.

Целует меня, сплетаясь языком с моим. Посасывает губы до сладкой боли. Отстраняясь, смотрит в глаза, и я люблюсь тёмными переливами в его радужках.

— Я — твоё настоящее, любовь моя, — твёрдо говорит Вирг и улыбается, кивая на закрытую дверь, за которой царит тишина. — Наш сын — будущее! Думай о нас. О своей семье. Только это важно... Не хочу видеть, как ты плачешь из-за чужих убеждений. Мне нравится любоваться, как ты улыбаешься мне и маленькому Келиму.

Он снова приникает к моим губам, затем легко касается своими моих закрытых век, будто стирая следы слёз, и шепчет:

— Люби меня, Орелия. Я — твой мир, твоё проклятие и исцеление. А ты — моё!

Конец